

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2025. ТОМ 5. № 1

ДЕМИС. Демографические исследования.

2025. Том 5. № 1

DEMIS. Demographic research.

2025. Vol. 5. No. 1

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раза в год

Журнал открытого доступа

DOI 10.19181/demis.2025.5.1

EDN ZBFLBY

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI 10.19181/demis.2025.5.1

EDN ZBFLBY

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate

El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный

Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Моисеева Евгения Михайловна, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аббаси-Шавазы Мохаммад Джалал, доктор PhD, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

Андропова Инна Витальевна, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор PhD, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Гусаков Николай Павлович, доктор экономических наук, действительный член РАЕН, профессор, кафедра международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

До Кармо Роберто Луиз, доктор PhD, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Жуков Василий Иванович, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор PhD, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор PhD, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор PhD, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор PhD, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор PhD, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия

Охаси Кэнити, магистр социологии, профессор, университет Рикке, Токио, Япония

Пизарро Синтия Александра, доктор PhD, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Хорие Норико, доктор PhD, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Шенк Каресс, доктор PhD, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Inna V. Andronova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Dean, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Nikolay P. Gusakov**, Doctor of Economics, Full Member, Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Department of International Economic Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilii I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Eteri D. Rubinskaya**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПАМЯТИ Г. И. ОСАДЧЕЙ	6
ПАМЯТИ А. Г. ГРИШАНОВОЙ	9

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Куксенко А. В., Ткачев С. В. ИНТЕРЕС ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ О РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	11
Исупов В. А. ПАСПОРТНАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ (РСФСР) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	26
Дацышен В. Г. РУССКИЕ ПЕРВОЦЕЛИННИКИ ИЗ КИТАЯ: ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-РЕЭМИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1954–1955 ГГ.	40

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Ахметова Г. Ф., Утяшева И. Б. ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ И МИГРАЦИИ	54
Егорова А. И., Кондаков А. А., Тимофеева М. Г. ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ И КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	76
Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Лукашенко Е. А. РОЖДАЕМОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ	102

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Анге, Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	121
Рязанцев Н. С., Лукашенко Е. А., Смирнов А. В. СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ТУРИЗМА В ТАИЛАНД	136

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Ростовская Т. К., Пачин А. В. СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «СЕМЬЯ»	152
Рубинская Э. Д. РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА И ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА: ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА	167
Субботин А. А. ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ	176

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

Козин С. В., Жидяева Т. П., Закиева Р. Р. МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В КЫРГЫЗСТАН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	193
Моисеева Е. М. «СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ»: МНОГОМЕРНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	202

CONTENT

IN MEMORIAM OF GALINA I. OSADCHAYA	6
IN MEMORIAM OF ALEXANDRA G. GRISHANOVA	9

HISTORICAL DEMOGRAPHICS

<i>Andrei V. Kuksenko, Sergei V. Tkachev.</i> INTEREST OF JAPANESE INTELLIGENCE AGENCIES IN DEMOGRAPHIC DATA ABOUT RUSSIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES	11
<i>Vladimir A. Isupov.</i> PASSPORT STATISTICS AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF MIGRATION IN RUSSIA (RSFSR) DURING THE SECOND WORLD WAR	26
<i>Vladimir G. Datsyshen.</i> RUSSIAN PIONEERS OF VIRGIN LANDS FROM CHINA: RE-EMIGRANTS IN EASTERN SIBERIA IN 1954–1955	40

REGIONAL DEMOGRAPHICS

<i>Guldar F. Akhmetova, Irina B. Utyasheva.</i> THE ELDERLY POPULATION OF BASHKORTOSTAN: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS, MORTALITY AND MIGRATION TRENDS	54
<i>Aida I. Egorova, Aisen A. Kondakov, Mariya G. Timofeeva.</i> FOREIGN MIGRANTS AND CRIMINAL ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)	76
<i>Nikolay Yu. Mikryukov, Timur R. Miryazov, Elena A. Lukashenko.</i> BIRTH RATE IN RUSSIAN REGIONS: SPATIAL PATTERNS AT THE MUNICIPAL LEVEL	102

FOREIGN DEMOGRAPHICS

<i>Ange, Sergey V. Ryazantsev, Evgeniya M. Moiseeva.</i> DEMOGRAPHIC DYNAMICS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA	121
<i>Nikita S. Ryazantsev, Elena A. Lukashenko, Alexey V. Smirnov.</i> THE LATEST TRENDS OF RUSSIAN-SPEAKING TOURISM TO THAILAND	136

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Tamara K. Rostovskaya, Alexey V. Pachin.</i> STUDENT FAMILY AS A KEY AREA OF THE NEW NATIONAL PROJECT “FAMILY”	152
<i>Eteri D. Rubinskaya.</i> RUSSIAN LABOR MARKET AND FOREIGN WORKFORCE: SEARCHING FOR WAYS TO SOLVE THE PROBLEM OF STAFFING SHORTAGE	167
<i>Alexander A. Subbotin.</i> APPROACHES TO ASSESSING RUSSIA'S MIGRATION POTENTIAL	176

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Sergey V. Kozin, Tatiana P. Zhidyaeva, Rafina R. Zakieva.</i> MIGRATION FROM RUSSIA TO KYRGYZSTAN: A SOCIOLOGICAL STUDY	193
<i>Evgeniya M. Moiseeva.</i> “SOCIO-DEMOGRAPHIC ESSAYS”: MULTIDIMENSIONALITY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS	202

ПАМЯТИ Г. И. ОСАДЧЕЙ (28 октября 1951 – 20 января 2025)

20 января 2025 г. ушла из жизни Галина Ивановна Осадчая, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, председатель научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, член Консультативного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, председатель

секции социологии Центрального дома ученых РАН, член научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, член президиума Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений «Социология и социальная работа», Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный работник Министерства труда России, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Галина Ивановна Осадчая родилась в 1951 г. в г. Москве. В 1977 г. окончила Московский авиационный технологический институт, факультет ракетостроения по специальности инженер-механик по летательным аппаратам, а в 1986 г. с отличием – Московскую высшую партийную школу. В 1996 г. ей присуждена ученая степень доктора социологических наук, в 1997 г. присвоено ученое звание профессора.

С сентября 1987 г. по октябрь 1991 г. – старший преподаватель, и. о. доцента кафедры партийного строительства, кафедры социологии Московской высшей партийной школы. С ноября 1991 г. по апрель 2013 г. – заведующий кафедрой социологии, декан социологического факультета, директор Института социологии, директор Академии социологии и управления, проректор Российского государственного социального университета.

С апреля 2013 г. по декабрь 2017 г. – заместитель директора по науке, руководитель центра исследования процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований РАН. С января 2018 г. по декабрь 2020 г. – руководитель центра исследования процессов евразийской интеграции, главный научный сотрудник, ученый секретарь Института социально-политических исследований РАН, с декабря 2020 г. по январь 2025 г. – заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, по декабрь 2024 г. – ученый секретарь ИДИ ФНИСЦРАН.

В 1997–2012 г. была заместителем председателя, председателем диссертационного совета по философским и социологическим наукам Д 212.341.01 при РГСУ, в котором защитили докторские и кандидатские диссертации свыше 200 ученых.

Под непосредственным руководством Г. И. Осадчей подготовлены и защищены 21 кандидатская и 10 докторских диссертаций.

С 1998 по 2014 г. Г. И. Осадчая была членом экспертного совета ВАК РФ по философии, социологии и культурологии, являлась председателем ГАК Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М. В. Ломоносова.

В 1999 г. стала инициатором создания журнала РГСУ «Социальная политика и социология» и в течение 14 лет была его главным редактором, также являлась членом редколлегий 5 научных журналов, включенных в перечень ВАК.

В 1994–2010 г. избиралась вице-президентом Российского общества социологов, в 2011–2014 г. – президентом Союза социологов России, в 2019–2022 г. была членом экспертного совета Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по образованию и науке, а также вице-президентом Российской академии социальных наук.

Г. И. Осадчая являлась экспертом РАН, председателем научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, членом Консультативного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, членом научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, членом президиума Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей и направлений «Социология и социальная работа. С 2021 г. возглавляла секцию социологии Центрального дома ученых РАН.

Г. И. Осадчей разработана теоретико-методологическая модель изучения социально-демографических и социологических аспектов интеграционных процессов в странах-членах Евразийского экономического союза; сформулированы научные подходы к разработке социально-демографической стратегии ЕАЭС; дана характеристика демографического потенциала, демографической политики, выявлены тенденции, проблемы, противоречия интеграционных процессов Союза; предложены меры по реализации миграционной и социальной политик России в рамках евразийских компетенций для достижения цели, поставленной в Договоре о создании ЕАЭС; обоснована необходимость разработки Программы обеспечения демографической безопасности Евразийского экономического союза, учитывающей влияние интеграционных процессов на демографическую безопасность как Союза, так и каждого государства-члена; предложена концепция многоаспектного мониторинга демографических изменений на евразийском пространстве, формирующая в режиме ситуативной осведомленности информационную базу для предупреждения кризисов, принятия упреждающих решений в различных сферах интеграции.

Основные научные идеи, разработанные Г. И. Осадчей, изложены в более чем 470 научных работах, 40 монографиях, в том числе 12 авторских, и относятся к социологическому анализу демографического развития, демографической

безопасности и благополучия России, стран-членов Евразийского экономического Союза и Малой Евразии.

Творческая научная деятельность Г. И. Осадчей отмечена государственными и ведомственными наградами: Медалью «В память 850-летия Москвы», Почетной Грамотой Министерства труда и социального развития Российской Федерации (1999 г.), присвоением звания Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2001 г.), Медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» (2002 г.), присвоением звания Почетный работник Министерства труда России (2004 г.), Юбилейной медалью «100 лет профсоюзам России», Грамотой Минрегионразвития РФ (2009 г.), Почетной Грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2011 г.), Серебряной медалью имени Пителима Сорокина «За вклад в науку» (2012 г.), Почетной Грамотой Российской академии наук (2021 г.), удостоена Премии (лауреат) Правительства Российской Федерации в области образования (2006 г.).

Мы все запоем Галину Ивановну как принципиального ученого, замечательного профессионала, отзывчивого человека и талантливое педагога.

Своем уходе она подтвердила максимум: незаменимые бывают. Но остались многочисленные научные труды ученого. Остались ученики. Осталась светлая память.

Дирекция, ученый совет и весь трудовой коллектив ИДИ ФНИСЦ РАН приносят искренние соболезнования родным, близким и друзьям Галины Ивановны.

ПАМЯТИ А. Г. ГРИШАНОВОЙ (16 апреля 1949 – 25 января 2025)

25 января 2025 г. скоропостижно скончалась Александра Георгиевна Гришанова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН и просто светлый человек.

А. Г. Гришанова родилась в 1949 г. в Москве. В 1971 г. окончила экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, отделение политэкономии, в составе первой спецгруппы по проблемам демографии центра по изучению проблем народонаселения. Получила специальность экономиста, преподавателя политической экономии. В 1971–1972 гг.

преподавала политическую экономию в ЧВВМУ имени С. П. Нахимова в г. Севастополе. В 1972–1975 гг. училась в аспирантуре экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, где защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социально-демографическая характеристика городов разных функциональных типов (по материалам РСФСР)» по специальности 08.00.18 Экономика народонаселения и демография, и осталась там работать научным сотрудником центра по изучению проблем народонаселения под руководством проф., д.э.н. Б. С. Хорева (1976–1990 гг.). По приглашению Комитета советских женщин в 1990 г. перешла на работу на должность эксперта по подготовке заключений на законопроекты по вопросам демографии Верховного Совета СССР. Работала под руководством ведущих советских, а затем российских специалистов в области женских проблем. С февраля 1993 г. работала в отделе социальной демографии Института социально-политических исследований РАН под руководством Л. Л. Рыбаковского, а затем – чл.-корр. РАН, д. э. н. С. В. Рязанцева.

Методические и методологические подходы к изучению народонаселения, в том числе с позиций формационного подхода, в координатах законов диалектики Гегеля, которые преподавались непосредственно авторами этих концепций, ведущими демографами СССР – Б. Ц. Урланисом, А. Я. Квашой, В. А. Борисовым, Л. Е. Дарским, М. Я. Сониным, А. Я. Боярским, М. С. Бедным и др. – сформировали непреходящий и неослабевающий интерес к жизни нашей страны в демографической сфере с точки зрения господствующих производственных отношений.

Плакат «Международный год женщины в СССР» с фотографией А. Г. Гришановой с маленькой девочкой на руках обошел в 1975 г. весь Советский Союз, а выпущенная совместно с А. А. Ткаченко в 1986 г. книга «Демография СССР» на французском языке была тут же востребована для перевода на испанский. Через тридцать лет, с неизменными соавторами Л. Л. Рыбаковским и Н. И. Кожевниковой была

опубликована еще одна крупная работа А. Г. Гришановой – монография «Миграционный потенциал России в новом зарубежье», а затем – «Восточный вектор демографического развития России». Научные интересы автора неизменно были сосредоточены на вопросах территориальной дифференциации демографического развития нашей страны, а политэкономическое образование сформировало фокус в первую очередь на теоретических и методологических вопросах в демографической науке, что всегда определяло специфику ее работ.

Отличительными чертами Александры Георгиевны всегда были трудолюбие, ответственность, здравая логика и коммуникабельность. Александра Георгиевна постоянно формировала в коллективе дружелюбие и оптимистичное отношение к жизни. Исключительно позитивный подход Александры Георгиевны ко всему вокруг всегда вызывал у коллег глубокое уважение.

С болью в сердце скорбим об утрате замечательного человека.

Дирекция, ученый совет и трудовой коллектив ИДИ ФНИСЦ РАН приносят искренние соболезнования родным, близким и друзьям Александры Георгиевны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1)EDN [VYYUIC](https://www.edn.ru/VYYUIC)

ИНТЕРЕС ЯПОНСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ О РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Куксенко А. В.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: andrei-dfo@yandex.ru

Ткачев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sertk@mail.ru

Для цитирования: Куксенко, А. В. Интерес японских разведывательных органов к демографическим данным о России в конце XIX – начале XX вв. / А. В. Куксенко, С. В. Ткачев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 11–25. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1). EDN [VYYUIC](https://www.edn.ru/VYYUIC).

Аннотация. Целью статьи является выявление значимости демографических данных в контексте обеспечения безопасности государства. Основой для анализа послужил исторический опыт ведения разведывательной деятельности Японией на территории России в начале XX века. Главные аспекты работы японских спецслужб раскрыты на архивных и экспертных материалах исследуемого периода, в том числе ставших доступными в последнее время. Исследования показывают, что в конце XIX – начале XX в. значительная часть деятельности Второго (Разведывательного) управления японского Генерального штаба была ориентирована на сбор демографических сведений следующих категорий. 1. Военная статистика (состав, численность, места дислокаций воинских частей; потери в военное время; мобилизационные ресурсы). Получение достоверных сведений данной категории способствовало корректному оцениванию японскими властями военной обстановки и заблаговременному определению российских военно-политических планов. 2. Этнический и социальный состав народонаселения. Сбор и последующий анализ этой информации позволили японской разведке выявлять вербовочные уязвимости у лиц, представлявших разведывательный интерес, успешно склонять их к сотрудничеству либо скрытно получать от них разведывательные сведения.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, японская разведка, демографические данные, этническая ситуация, статистические данные, национальная безопасность

Введение

Одним из ведущих факторов обеспечения процесса управления на различных уровнях выступает информация. В частности, реализация любым государством своих внешнеполитических устремлений не обходится без предварительного учета обстановки в мире.

Решающее значение в данном случае имеют не только сведения, отражающие соотношение сил и направленность политических интересов стран на международной арене, но и информация о состоянии внутренних дел отдельных государств. Такая обстановка может быть рассмотрена как совокупность различных условий:

политических, экономических, географических, социальных и др. Ориентируясь на них, противник может оценивать реальные возможности проведения военных операций или подчинения противоборствующей стороны своей воле посредством применения различных методов воздействия [1]. Несмотря на то, что релевантные заключения относительно потенциала и национальной мощи государства могут быть вынесены только на основании комплексного изучения условий, составляющих его внутреннюю обстановку, следует понимать, что роль некоторых из них является доминирующей.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов формирования верного представления о текущем положении дел в государстве выступают его демографические характеристики. При этом данные о народонаселении (численность, половозрастной состав, миграционное сальдо, а также потенциально важная информация о национальной генетике), позволяют не только повышать осведомленность о состоянии внутренних процессов государства, но и разрабатывать подходы к поиску уязвимостей в системе обеспечения его безопасности. Исторически такая информация всегда рассматривалась как некий «ключ доступа» к механизму опосредованного влияния на политическую жизнь того или иного государства. По словам Сунь-цзы, превзойти и одолеть противника невозможно без изучения состояния обстановки в его лагере [1, с. 272].

В условиях современной нестабильной международной ситуации, при которой как отдельно взятая личность, так и все народонаселение рассматриваются в качестве объектов деструктивного воздействия со стороны, чрезвычайно важно совершенствовать системы защиты государственного суверенитета, опираясь, в том числе, на опыт прошлого. По мнению современного историка А. Г. Зорихина, результаты таких исследований могут быть крайне полезны для отечественных специальных служб в корректировании их текущей деятельности по ряду направлений в области обеспечения государственной безопасности [2, с. 7].

Особого внимания заслуживает опыт Японии, которая в конце XIX – начале XX вв. достигла значительных успехов в области получения стратегически важной информации. Показательно, что современные японские авторы доказывают необходимость создания мощных разведывательных структур, обосновывая это историческим примером удачной деятельности японской военной и военно-морской разведки накануне и во время русско-японской войны [3, с. 9–10].

Японская разведка на рубеже XIX–XX вв.

Формирование японских разведывательных органов происходило в контексте реализации экспансионистских планов правительства и общей стремительной милитаризации страны. Решение вопроса о создании мощной централизованной системы информационного обеспечения виделось японскому руководству в учреждении в структуре Генерального штаба (ГШ) группы специальных подразделений, к ведению которых относилось регулирование внешней разведкой.

Отечественный востоковед Д. М. Позднеев, работавший в Японии в 1906–1910 гг., указывал на то, что роль сбора сведений о заграничных государствах была отведена Второму управлению ГШ. При этом отмечалась недооценка Россией уровня развития Японии, что и послужило одной из важнейших причин

поражения нашей страны в войне 1904–1905 гг. [4, с. 327]. Так, в начале 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин, рассчитывая во что может обойтись нам война с Японией, «исчислял ее стоимость в 700–800 млн руб. при потере от 30 до 35 тыс. чел. убитыми и ранеными и считал достаточной для этой войны 300-тысячную армию¹. Более того, выражал мнение, что «выйдем мы из войны несомненно победителями... Два года тому назад, даже год тому назад мы могли тревожиться оторванностью Порт-Артура и Приамурья. Теперь же можно и не тревожиться» [5, с. 11–12]. Как показала история, оценка способности Японии к ведению высокоинтенсивных боевых действий оказалась весьма далекой от реальности.

Характерно, что беспокойные моменты в информации о реальном состоянии Японии российской властью просто игнорировались. В частности, министр финансов С. Ю. Витте «весною 1903 г. находил, исходя из соображения о безденежье в Японии, что положение на Дальнем Востоке не так опасно, как это представлено в записке бывшего военного агента в Китае генерала К. И. Вогака². Кроме того, игнорировались своевременные предупреждения со стороны посланника в Токио М. А. Хитрово, Великого Князя Александра Михайловича, морского агента в Японии капитана Русина, капитана Добротворского и др. Россия не готовилась к войне сколь-либо серьезно, имея превратные понятия о силах и способностях японцев, и усыпляя себя надеждой на легкое ее предотвращение» [5, с. 14]. То есть здесь можно констатировать явный провал нашей разведки не столько в способности собрать данные и аргументировать выводы, сколько в неспособности убедить российские власти в серьезности проблемы. Характерно, что агрессивные планы Японии были вполне очевидны экспертам-японистам. Так, например, Е. Г. Спальвин еще в 1900 г. предупреждал: «Не может быть никакого сомнения, что все вооружения Японии делаются для наступательных действий, для охранения интересов, еще не созданных и только создающихся. Опасаться нападения Япония не может. Можно опасаться только нападения Японии. У нее нет владений, кроме Формозы и отделенных от нее же островов. Ей нужно или она хочет забрать в свои руки хоть что-нибудь» [6, с. 192].

Власти упустили из виду, что Япония, открыв в середине XIX века свои двери остальному миру, стремительно превратилась в ведущую державу Восточной Азии. Ускоренная индустриализация и рост численности населения (в 1872 г. – 34,8 млн, в 1913 г. – 51,3 млн человек³) создали в маленькой по региональным масштабам стране основу для империалистической идеологии и колониальной политики. После победы в войне с Китаем (в 1894–1895 гг.) Япония приобрела Формозу (Тайвань), затем после русско-японской войны – Корею и богатую полезными ископаемыми

¹ В России были мобилизованы на эту войну 1 365 000 человек, из которых 699 000 стали участниками боевых действий. Были убиты, умерли от ран и болезней 43 300 человек (около 6% участников боевых действий). Со стороны Японии было мобилизовано около 1 200 000 человек, из которых 650 000 стали участниками боевых действий. Были убиты, умерли от ран и болезней 86 100 человек (около 13% участников боевых действий). (Dumas, S., Vedel-Petersen, K. O. *Losses of Life Caused by War*. Oxford: Clarendon Press, 1923. 191 p. Pp. 57–58.)

² Константин Ипполитович Вогак – русский генерал от кавалерии, сотрудник российской военной разведки. С 1889 по 1892 г. работал в Генеральном штабе российской армии по направлению разведывательной деятельности на Дальнем Востоке. С 1892 по 1903 г. – военный агент в Китае и Японии.

³ Japan Statistical Yearbook, 2022. Tokio : Statistics Bureau of Ministry of Internal Affairs and Communications, 2022. Pp. 36–37.

Маньчжурию. Ее положение в качестве мировой державы подкреплялось мощью армии и флота, а также экономическими успехами.

Война 1904–1905 гг., конечно, изменила отношения России к японцам. Настоящее отношение к ним оставалось и позже, особенно на российском Дальнем Востоке. К примеру, в сентябре 1906 г. в секретном письме начальника Генерального штаба А. Е. Эверта на имя Председателя Совета министров П. А. Столыпина отмечалось, что «В настоящее время японцы, ... являющиеся полными хозяевами Японского моря, без особых затруднений могут произвести вторжение в Приморскую область и отрезать ее от сообщения с Сибирью»⁴. В свою очередь, японцы и не скрывали своих намерений. В 1908 г. в японском парламенте военный министр генерал Тераучи дал такое объяснение необходимости роста расходов на вооружение: «Для нас замкнуться в наших настоящих границах было бы равносильно тому, чтобы отступить.... Смысл продолжающегося вооружения Японии в том, что в будущем она будет противостоять Китаю, России и Соединенным Штатам; «яблоком раздора» будет являться Китай, а сама Япония в этом противостоянии будет играть преобладающую роль»⁵. Итак, в данном случае уже имелось вполне осознанное понимание дальнейшего развития ситуации и стратегическое планирование на несколько десятков лет вперед. Удивительная прозорливость военного министра основывалась в том числе и на точных данных японской разведки.

Осознавая всю важность информации о внешней обстановке в процессах принятия собственных решений, японское руководство еще с 1870-х гг. начинает обращать внимание на формирование структур, ответственных за сбор стратегически важных данных о соседних странах. Сначала в структуре армии, а затем и флота были созданы подразделения соответствующей направленности. Так, 3 отдел Морского Генерального штаба на основе донесений офицеров стратегической и оперативной разведки и информации из других источников составлял разведывательные сводки, периодические и тематические доклады, военно-статистические, военно-географические обзоры и секретные справочники [3, с. 21]. Второе управление Генерального штаба (армия) со своей стороны вело параллельную деятельность (агентурная разведка, сбор и сводки секретных статистических, военно-географических сведений и материалов об иностранных армиях и государствах) [4, с. 305].

Следует отметить, что структура разведывательных органов Японии неоднократно подвергалась реорганизационным изменениям ввиду реагирования властей на необходимость развития агентурной разведки и совершенствования методов ее работы. Например, до 1903 г. в японском флоте еще не было кадровых разведчиков, так как существовала система кадровой ротации, предусматривавшая нахождение на одной должности не более двух лет. С 1884 г. Морское министерство направляло офицеров флота на зарубежные стажировки в Россию, страны Европы и США, что позволяло на регулярной основе вести оперативную разведку и сбор сведений, в том числе о дальневосточном театре военных действий [3, с. 21]. Между военно-морской и военной разведкой всегда существовало тесное взаимодействие и обмен разведывательной информацией, что позволяло им не распылять силы

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 262. Об общих мерах к скорейшему заселению Приамурского края. Л. 14.

⁵ Генерал Тераучи обнаруживает свою позицию и объясняет причины вооружения Японии // Новое время. № 11483 (1 марта 1908 г.). С. 3.

и сосредоточить их на работе по основным объектам своих разведывательных устремлений [3, с. 22].

Сведения, представлявшие интерес для японских спецслужб

Японскую разведку интересовал очень широкий спектр вопросов о российском Дальнем Востоке, хотя приоритеты с течением времени менялись. К этим вопросам относились: обучение русских войск, система сигнализации, сведения о грунтовых дорогах и т. д. [7, с. 72]. Неизменным оставался интерес к особенностям политической ситуации, численности населения региона, его национальному составу и настроениям в разных этнических группах, составу вооруженных сил, дислоцированных здесь, военно-топографические вопросы.

Поиск данной информации в досоветский период осуществлялся, как правило, через привлечение к ней местного (практически без участия выходцев из России), в том числе туземного населения. Г. Т. Муров⁶ в своих путевых дневниках рассказывает историю о китайце-хунхузе, который во Владивостоке был нанят японцами в качестве проводника для экспедиции через весь Уссурийский край до устья Амура⁷. Несмотря на публицистический характер самого источника, обилие мелких деталей позволяет оценивать это событие как достоверное с высокой долей вероятности.

В. К. Арсеньев также отмечает, что «у некоторых из них (китайцев в районе залива Пластун – *примечание авторов*) я видел японские записные книжки, в которых они делают съемки около устьев рек и записи на японском и китайском языках.... Нет сомнения, что они (японцы) создали себе такие карты с промерами, каких у нас у самих нет» [8, с. 295–296].

Заметим, что японцев особо интересовал этнический состав населения и его распределение по краю. Почему? Из своих путешествий в Уссурийской тайге В. К. Арсеньев делает следующий вывод: «Что же будут делать местные жители в случае появления японцев (имеется в виду в тайге – *примечание авторов*)? Старообрядцы домов своих не бросят и не сожгут, а останутся на месте. Китайцы примкнут к японцам. Орочи отнесутся к войне безучастно, а, может быть, и примкнут к китайцам» [8, с. 301]. Несмотря на крайне доброжелательное отношение путешественника к местным коренным народностям, он обращает внимание на то, что японцы небольшими подарками и демонстративным уважением к наиболее авторитетным орочам очень быстро добиваются их расположения. Однако «таковая деятельность японцев проявилась только в последние три года» [8, с. 294], то есть уже после русско-японской войны. При этом сами японцы, занимающиеся рыбной ловлей вдоль

⁶ Гантимуров Гамалилла Степанович (Муров) (1850–1921) – первый эвенкийский писатель, этнограф. Оставил после себя романы, драматические произведения, путевые заметки. Дружил с известным сибирским писателем М. В. Загоскиным, состоял в переписке с В. Г. Короленко. Принадлежал к роду известных тунгусских князей Гантимуровых.

⁷ Прибывшие из Японии японцы-«охотники» наняли его проводником как знатока всех тропинок и укромных местечек уссурийской тайги. Долго водил он их по дебрям. Дошли даже до низовьев Амура. Отсюда они повернули на побережье Татарского пролива. Здесь, в одной крошечной, но удобной гавани, их поджидала японская рыболовная яхта. Прежде чем покинуть материк, японцы рассчитали своего проводника и, взяв с него слово никому не говорить об их странствиях по нашим дебрям, ушли... (Муров, Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска : (Путевой дневник) / [Соч.] Г. Т. Мурова. Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1901. 161 с. С. 59–60).

нашего побережья, по мнению В. К. Арсеньева, «шпионы в большей или меньшей степени» [8, с. 294].

Подобная практика японцев для российских военных совершенно не являлась тайной. В описании Уссурийского края В. Р. Канненберга следующим образом охарактеризованы его «племенной состав» и занятия населения: «Русские (уссурийские казаки, преимущественно по западной границе; крестьяне – по долинам рек и в соседстве с казаками); Корейцы – на юго-западе – усердные землепашцы, ныне русские подданные; Китайцы – в глухих долинах, по соседству с туземными инородцами, которых эксплуатируют, частью торговцы; Японцы – торговцы, рабочие, шпионы» [9, с. 122].

О понимании японскими властями исключительной важности военной демографической информации свидетельствует не только особая нацеленность разведки на получение таких данных о других государствах, но и опыт обеспечения собственной безопасности. Как указывает Д. М. Позднеев, превалирующая часть сведений из военной области в Японии составляла государственную тайну. С целью предотвращения распространения какой бы то ни было чувствительной информации японские власти установили тотальную цензуру: особому контролю подвергались все печатные издания с информацией военной специфики, а особенности военного дела самой Японии освещались очень ограниченно [4, с. 304].

Иная ситуация с отношением власти к конфиденциальности сведений военного характера обстояла в царской России. Значительная часть уязвимой для оборонноспособности страны информации находилась в открытом доступе. На рубеже XIX–XX вв. российская пресса активно публиковала данные о войсках, которые, по сути, должны были безоговорочно подлежать засекречиванию. Тем не менее эти сведения систематически появлялись на страницах различных открытых изданий, что не могло не привлекать внимание представителей японских разведывательных органов.

Так, российские газеты дублировали значительную часть ведомственных приказов о формировании боевых подразделений, размещали объявления военнослужащих, разыскивающих своих близких и товарищей, а также сообщения корреспондентов о военной обстановке. На всеобщее обозрение попадали списки раненых и убитых, информация о мобилизационных мероприятиях, процессах формирования, составах и численности воинских частей.

Сегодня кажется удивительным, но был совершенно доступен максимально точный для того времени картографический материал. В качестве примера можно привести 10-верстную «Карту части Южно-Уссурийского края, составленную при военно-топографическом отделе Приамурского военного округа с 1888 по 1893 гг.», которая в сравнении с современными космическими снимками дает значимые расхождения только в малодоступной восточной части описываемого района. Или «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», подготовленный В. К. Арсеньевым в 1912 г., с уникальными картами. Равным образом открытыми были и переписи населения, причем в Приморской области они проводились весьма ответственно и представляли собой достоверный материал. Японской разведке имеющиеся сведения оставалось только уточнить.

На основании военных демографических характеристик, извлекаемых из открытых источников и анализируемых в совокупности с другими сведениями, добываемыми агентурным путем, японский Генеральный штаб получил возможность выстраивать целостную и достоверную картину, отражавшую состояние военной ситуации на Дальнем Востоке России и позволявшую делать важные выводы о российских военно-политических намерениях [10, с. 35].

Этнические особенности формирования агентурной сети японской разведки на российском Дальнем Востоке

Осуществляя разведывательные функции, японский Генеральный штаб мог опираться на убывавших за рубеж обычных японских подданных. Многие из них хоть и не относились к действующему составу Разведывательного управления, но, по утверждениям иностранных наблюдателей, получали разрешение на выезд лишь при условии дачи согласия заниматься сбором интересующей японскую власть информации [10, с. 9]. В пользу такого утверждения может говорить, например, весьма забюрократизированный процесс эмиграции из Японии согласно Закону «О покровительстве эмигрантам» от 1 июня 1896 г. и «Правилам применения Закона об охране эмигрантов» 1909 г. [11, с. 439–454], требовавшим в качестве необходимых условий эмиграции на заработки из Японии разрешение от администрации по месту прописки или места жительства, двух подходящих поручителей и/или эмигрантских посредников, утвержденных в Министерстве иностранных дел и ответственных за мигрантов на протяжении 10 (!) лет. Описанный в этих постановлениях процесс, скорее, всецело затруднял эмиграцию, чем ее стимулировал. Поэтому вполне можно предположить, что разрешение получали люди по меньшей мере неслучайные. Весьма показателен и список профессий, представители которых при эмиграции попадали под данные законодательные акты. Это – «земледелие, рыболовство (кроме прибрежных районов Сахалина и русской Приморской области), горный промысел, ремесла, инженерный промысел, перевозочный промысел, строительный промысел, кулинарный промысел, прачечный промысел, парикмахерский промысел, портняжный промысел, служба в качестве прислуги и... больных санитаров» [11, с. 444]. То есть действие подобных общих правил эмиграции не распространялось на профессии, которыми в значительной степени были заняты японцы в Приморской области. А именно: публичные дома (522 человек), торговцы (305 человек), часовщики и ювелиры (126 человек), фотографы (76 человек). Также не попадали под правила чиновники, врачи, банковские служащие, агенты пароходных компаний и экспортных контор, учителя, священники (всего 51 человек). То есть всего 1 080 из 2 495 японцев, живущих в Приморской области (около 43%). Причем распределение представителей этих профессий по области было крайне неравномерным. Для сравнения возьмем Хабаровск и Владивосток с примерно равным по численности населением, но имевшим разное военно-политическое значение. В первом было 8 японских публичных домов (118 девушек) и 2 японских фотоателье. Во Владивостоке – 17 японских публичных домов (230 девушек) и 9 японских фотоателье [11, с. 433–437]. Не секрет, что публичные дома издавна использовались военной разведкой в своих целях.

Японские фотографы – отдельный специфичный региональный кейс. Дело в том, что среди военнослужащих царской армии особым спросом пользовалось создание памятных групповых фотографических снимков. При этом японцы, имея мундиры всех военных частей российской армии, предоставляли низшим чинам возможность сниматься в любом из этих мундиров и притом по сниженной цене. Путем якобы праздных расспросов японцы незаметно выводили у них нужные сведения о российской армии [7, с. 73]. В результате у японского Генерального штаба нередко оказывались многочисленные копии снимков личного состава, в том числе командного, российских войск, располагавшихся во Владивостоке [12, с. 340]. На протяжении всего 1907 г. контрразведчики неоднократно докладывали в штаб Приамурского военного округа об этой функции японских фотоателье [7, с. 73].

Исходя из достаточно либеральных представлений о сущности шпионажа, свойственных тому времени, В. В. Граве различал деятельность обычных японцев в информировании своего правительства от настоящей разведывательной деятельности, которую проводили японские офицеры за границей. В частности, он подмечает: «Отличаясь своим особенным патриотизмом, привитым с малолетства, японец всю свою жизнь старается служить на благо и величие своей родины. Где бы он ни путешествовал, каким бы делом он ни занимался, он всюду на первый план ставит себе эту цель и все, что он видел, что поразило особенно его внимание, он старается запомнить, чтобы сообщить это у себя на родине, в надежде, что может быть его сообщение так или иначе пригодится, кому следует.... В этом деле являются почти все японцы, проживающие за границей..., и в этом преступления нет. Их следует различать от настоящих японских агентов, но большей части офицеров, проживающих у нас в населенных пунктах, под видом врачей, часовщиков, сотрудников некоторых газет и пр. Последних легко узнать по незначительности их заработков в сравнении с их образом жизни, частыми отлучками и сношениями с большим кругом лиц. Заведения их обыкновенно расположены или напротив, или в близком расстоянии от правительственных учреждений, больших гостиниц, мест постройки каких-нибудь крупных сооружений» [11, с. 218–219]. Стоит признать, что сегодня представления о том, что считать шпионажем, значительно расширились, и это касается не только нашей страны. В данном отношении современный мир выглядит много более конфронтационным, чем перед Первой мировой войной.

Особо стоит упомянуть систему самоорганизации японцев в Приморской области. В письме Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти от 12 июля 1912 г. № 225/138 с грифом «секретно», адресованном министру внутренних дел Российской империи А. А. Макарову, к примеру, сообщалось о том, что жизнь японцев была организована нелегальными обществами, которые состояли из отделений в городах и селениях. Работа таких обществ находилась под надзором японского генерального консула, который через их представителей получал сведения о мерах обороны российских территорий⁸. А В. В. Граве упоминал о том, что при помощи Общества «Урадзиво-киорюминкай» Генеральный консул Японии во Владивостоке «лучше осведомлен о наших мерах государственной обороны... во всем Крае, так как

⁸ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, Оп. 487. Д. 759. О японских обществах в Приамурском крае. Л. 42.

Общество имеет свои отделения в крупных центрах Приамурья и является, таким образом, лучшей организованной системой шпионажа» [11, с. 212].

Из материалов, изъятых 24 декабря 1910 г. при обыске у владельца публичного дома в с. Раздольном японца Нагано Икудо, следует, что он неоднократно получал от японского консула во Владивостоке Отори Фузиро указания осуществлять сбор информации о корейцах, проживавших как в с. Раздольном, так и в ближайших населенных пунктах. Добытые сведения подлежали упорядочению и документированию в соответствии с направленной консулом формой. Согласно этой форме, японцев интересовали следующие категории данных о корейцах: наименование местности проживания, состав по полу, численности и роду занятий (торговцы, рабочие, прачки, переводчики, земледельцы, рыбаки, врачи, аптекари, служащие)⁹. Характерно, что японцев не интересовало подданство корейцев, хотя у многих из них оно уже было российским.

Также в 1912 г. об участии консульских работников Японии в руководстве деятельностью японских тайных обществ, в том числе по сбору разведывательной информации, министру внутренних дел Российской империи докладывал исполняющий обязанности отдельного цензора по иностранной печати на восточных языках в г. Владивостоке А. Н. Занковский. Он указывал на то, что под консульским покровительством японцы «детально изучают Приамурье, наводняя свою прессу подробными и всесторонними отчетами, корреспонденциями и чертежами о городах, селах и деревнях нашего Дальнего Востока»¹⁰. То есть данная информация была востребована и простым японским обывателем, с практическим интересом наблюдавшим за японской колонизацией пограничных нам Маньчжурии и Кореи.

Вообще характер сведений, доступных японской разведке, свидетельствовал о «наличии в ее распоряжении широкой и достаточно осведомленной сети как среди населения (на приграничной территории обеих стран), так и в рядах армии» [13, с. 48]. Причем использование таких данных позволяло Японии проводить масштабные внешнеполитические операции мирового уровня. Так, например, 20 января 1932 г. военный атташе Японии в Москве подполковник Ю. Касахара (начальник военных резидентов) направил на имя помощника начальника Генерального штаба Японии телеграмму следующего содержания: «В какой бы форме Япония не стала бы сейчас утверждать свое влияние в политическом и экономическом отношении в Сев[ерной] Маньчжурии, СССР не предпримет никаких контрмер. Если Советскому Союзу придется применить вооруженную силу, то ему, в силу экономических затруднений, грозит развал изнутри. Необходимо использовать настоящий момент для того, чтобы незамедлительно утвердить свое влияние в Северной Маньчжурии. Что касается количества войск в Северной Маньчжурии, то можно ни с кем не считаться. Необходимо сейчас же отправить в Маньчжурию возможно большее количество войск» [13, с. 46–47]. Напомним, что уже 1 марта 1932 г. японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

В целом объем миграционной среды, откуда потенциально могла черпать свои агентурные ресурсы японская разведка, был весьма обширен. По данным Первой

⁹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол, Оп. 487. Д. 759. О японских обществах в Приамурском крае. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 43.

всеобщей переписи населения, в 1897 г. в Приморской области проживали 31 157 китайцев (67,8% всех иностранцев), 12 436 корейских подданных (27,1%) и 2 062 японца (4,5%)¹¹. Через 13 лет в 1910 г. в Приморской области уже постоянно проживали 36 755 корейцев [11, с. 417] и 4 047 японцев [11, с. 432]. Количество китайцев в связи с сезонным характером их трудовой миграции оценить довольно сложно. Но по подсчетам В. В. Граве, можно приблизительно говорить о 150 000 человек, проживавших здесь временно оседло (то есть несколько лет, как минимум) [11, с. 21].

Особый интерес для японских спецслужб представляли корейцы. Их правовой статус мог оказываться достаточно запутанным: при общем значительном количестве желающих принять российское подданство на него могли рассчитывать только корейцы-старожилы. Но при этом с 1910 г. всех корейских подданных Япония провозгласила японскими подданными. Последнее положение российская статистика не применяла и продолжала учитывать корейцев на своей территории именно как корейцев. Так, в Переписи лета 1915 г. в Приморском районе, включавшем в себя Приморскую область (нынешний Приморский и Хабаровский края) и Северный Сахалин, среди постоянных сельских жителей насчитывалось 18 883 корейцев русских подданных и 25 000 корейцев иностранных подданных¹². Причем 332 поселения были на 100% корейскими [14, с. 54].

Основная проблема с корейцами заключалась в том, что отношение к ним со стороны русских было максимально доверительным. За десятилетия пребывания под российским суверенитетом (и очень часто – подданством) в подавляющем большинстве они проявляли исключительную лояльность к новой родине и ее законам. Однако и среди них японцам все же удавалась вербовка. В значительной степени это было результатом наличия родственных связей на территории собственно Кореи, с 1905 г. фактически захваченной Японией. В 1912 г. помощник начальника Хабаровского контрразведывательного отделения штабс-капитан А. М. Лехмусар в докладе на имя генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба писал: «Все корейское население нашей территории постепенно может превратиться в такую же армию японских шпионов, каковую представляют собой все японцы на нашей территории. Корейцы в качестве японских тайных агентов в иных случаях могут оказаться более опасными, чем сами японцы, так как мы к ним питаем известное доверие и для нас будет труднее угадывать между ними шпионов». [15, с. 21].

В отношении уже завербованных лиц японские специальные службы проводили контрразведывательные мероприятия, и в случае установления факта двойного шпионажа агент придавался жестокой казни [16, с. 6]. Так, в 1905 г. безжалостная расправа японцев над китайцами, подозреваемыми в сношениях с русскими, почти совершенно лишила русские штабы агентов разведывательной службы [17, с. 388].

Ситуация не изменилась и в годы Гражданской войны. По данным разведывательной сводки партизанского отряда, действовавшего в Приханкайском районе

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. LXXVI. Приморская область. Тетрадь III. 1905. 212 с. С. X.

¹² Населенные и жилые места Приморского района: Крестьяне. Инородцы. Желтые : Перепись населения 1–20 июня 1915 г. Владивосток : тип. Приморского обл. правления, 1915. 136 с.

в 1922 г., «наибольшее число японских шпионов – корейцы, которые в качестве проводчиков были во всех японских отрядах в большом количестве» [18, с. 157].

Почему значительное число корейцев работало на японскую разведку – вопрос дискуссионный. С одной стороны, крупная корейская диаспора на российском Дальнем Востоке вместе с лояльным отношением к корейцам властей и русского населения в целом делали их желательным и приоритетным объектом вербовки для иностранных спецслужб. С другой стороны, границы в то время были достаточно прозрачными, и корейцы по семейным и коммерческим делам свободно перемещались через них в собственно Корею и в Маньчжурию. Кроме того, родственники на сопредельной территории действительно могли испытывать давление со стороны японских властей, а, соответственно, через них – корейцы, постоянно проживающие на российской территории. Наконец, стоит учитывать изменения в положении корейцев после аннексии Японией их страны. Японцы «сумели найти опору в средних слоях населения Кореи, умело используя существовавшие... прояпонские настроения посредством общества Ильджинхве, возглавляемого корейским предпринимателем Сон Бенджуном» [19, с. 124]. После Первомартовского восстания 1919 г. Япония начала проведение в Корее т. н. «политики культурного управления», нацеленной на постепенное выравнивание политического и социального равенства между корейцами и японцами [19, с. 136]. Хотя основным методом такого «выравнивания» должна была стать ассимиляция корейцев, и эта политика возымела определенный успех. Красноречивым показателем здесь может являться значительная эмиграция корейцев на территорию Японии: к 1945 г. здесь уже проживало около 2 млн корейцев (примерно 7,5% от населения Кореи) [20, с. 35]. Можно констатировать, что лояльность корейцев по отношению к Японии была достаточно высокой.

К этому времени (уже при Советской власти) «разведывательные органы Корейской армии (Япония) считали одним из важных направлений своей деятельности получение сведений о численности и местах проживания корейцев, корейских колхозах, предприятиях, учебных заведениях и общественных организациях Приморья, необходимых для решения задач по линии разведки и контрразведки [15, с. 23].

Таким образом, статистические данные о национальном составе российского Дальнего Востока, прежде всего, о количестве и местах компактного проживания корейцев, считались чрезвычайно важной информацией для спецслужб Японии, которую она с успехом использовала в конце XIX – начале XX вв. для резкого увеличения своего внешнеполитического влияния на Дальнем Востоке.

Заключение

Рассмотренный нами в статье исторический пример наглядно иллюстрирует чувствительный характер для государственного суверенитета демографических данных.

В стратегическом отношении значимость информации о российском народонаселении, являвшейся предметом особенного интереса японских разведывательных органов в конце XIX – начале XX вв., была обусловлена тем, что в контексте несанкционированного и комплексного сбора информации с ее последующим

анализом японским властям открывалась реальная возможность вмешиваться в дела России, что для последней являлось серьезной угрозой национальной безопасности.

Успешность деятельности японской разведки в исследуемый период была также обусловлена отсутствием надлежащего внимания со стороны российских контролирующих органов к распространению сведений, представлявших государственную и военную тайну.

На наш взгляд, сегодня в условиях усложнения международной обстановки, с одной стороны, а с другой – резкого увеличения числа информационных ресурсов, баз данных, содержащих демографическую информацию, обновляемую в реальном времени, а также с развитием технологий компьютерного анализа и прогнозирования, необходимо более внимательно использовать имеющийся исторический опыт и по возможности ограничивать параллельный сбор демографических данных о нашей стране со стороны других государств.

Список литературы

1. *Сунь-Цзы. Искусство войны* / Сунь-Цзы ; пер. с китайского В. В. Башкеева. Москва : АСТ, 2019. 223 с. ISBN 978-5-17-107639-9.
2. *Зорихин, А. Г. Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922.* Москва : Центрполиграф, 2023. 349 с. ISBN 978-5-227-10318-5.
3. *Полутов, А. В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.* : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Полутов Андрей Вадимович; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ИДВ РАН. Владивосток, 2011. 35 с.
4. *Позднеев, Д. М. Япония: страна, население, история, политика.* Москва : Государственное военное издательство, 1925. 351 с.
5. *Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке.* Санкт-Петербург : Типография «Санкт-Петербургские ведомости», 1908. 68 с.
6. *Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1900–1901 академический год.* Владивосток : Паровая Типолиитография газеты «Дальний Восток», 1901 г. 286 с.
7. *Кондратов, Е. Б. Российское противодействие японской разведке на Дальнем Востоке (1906–1917 гг.)* // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 71–74. EDN [TOEWRN](#).
8. *Арсеньев, В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг.* Хабаровск : типография Штаба Приамурского военного округа, 1912. 335 с.
9. *Канненберг, В. Р. Военная география. Общий обзор России в военно-географическом отношении. Пограничная полоса России как театра военных действий.* Санкт-Петербург : В. Березовский, 1909. 198 с.
10. *Вотинов, А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг.* Москва : Государственное военное издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1939. 72 с.
11. *Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного Министерства иностранных дел В. В. Граве.* Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киришаума, 1912. 489 с.
12. *Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны.* Санкт-Петербург : изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 470 с. ISBN 5-288-03737-X.
13. *Капистка, В. В. Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы* // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 44–48. EDN [HUHVQN](#).
14. *Ткачев, С. В. Сельское население Приморского переселенческого района по переписям 1913–1915 гг.* / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3 (62). С. 50–68. DOI [10.24866/1998-6785/2022-3/50-68](#). EDN [NZCGDW](#).

15. Полутов, А. В. Корейская агентура японской военной разведки против советского Приморья в 1924–1942 гг. // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников. Вып. 2: Дальневосточное общество в годы Второй мировой войны (1939–1945). 2013. С. 19–29.
16. Азиатикус. Разведка во время Русско-японской войны. Санкт-Петербург : В. Березовский, 1907. 64 с.
17. Левицкий, Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Москва : Изд-во Эксмо, 2003. 672 с.
18. Милин, И. И. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Москва : «Полиграфкнига», 1934. 236 с.
19. Иванов, К. В. Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Иванов Константин Владимирович; Иркутский государственный институт. Иркутск, 2014. 267 с.
20. Гайкин, В. А. Корея в составе Японской империи (1910–1945 гг.). Экономические и демографические последствия // Россия и АТР. 2000. № 3 (29). С. 30–36.

Сведения об авторах

Куксенко Андрей Валерьевич, студент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: andrei-dfo@yandex.ru.

Ткачев Сергей Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); РИНЦ SPIN-код: [2360-1718](https://elibrary.ru/2360-1718); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

INTEREST OF JAPANESE INTELLIGENCE AGENCIES IN DEMOGRAPHIC DATA ABOUT RUSSIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Andrei V. Kuksenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: andrei-dfo@yandex.ru

Sergei V. Tkachev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sertk@mail.ru

For citation: Kuksenko, A. V., Tkachev S. V. Interest of Japanese Intelligence Agencies in Demographic Data about Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 11–25. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.1).

Abstract. The aim of the article is to identify the significance of demographic data in the context of ensuring national security. The analysis is based on the historical experience of Japanese intelligence activities in Russia in the early 20th century. The main aspects of the work of Japanese intelligence services are revealed based on archival and expert materials from the period under study, including those that have become available recently. Research shows that in the late 19th – early 20th centuries, a significant part of the activities of the Second (Intelligence) Directorate of the Japanese General Staff was focused on collecting demographic information in the following categories. 1. Military statistics (composition, number,

locations of military units; wartime losses; mobilization resources). Obtaining reliable information in this category contributed to the correct assessment of the military situation by the Japanese authorities and the early determination of Russian military-political plans. 2. Ethnic and social composition of the population. The collection and subsequent analysis of this information allowed Japanese intelligence to identify recruitment vulnerabilities in individuals of intelligence interest, successfully persuade them to cooperate, or covertly obtain intelligence information from them.

Keywords: Russian Far East, Japanese intelligence, demographic data, ethnic situation, statistical data, national security

References

1. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny [The Art of War]* / translated from Chinese by V. V. Bashkeeva. Moscow : AST Publishing House, 2019. 223 p. ISBN 978-5-17-107639-9.
2. Zorikhin, A. G. *Voennaya razvedka Yaponii protiv Rossii. Protivostoyanie specsluzhb na Dal'nem Vostoke. 1874–1922 [Japanese Military Intelligence against Russia. Confrontation between Special Services in the Far East. 1874–1922]*. Moscow : Centerpolygraph Publishing House, 2023. 349 p. ISBN 978-5-227-10318-5. (In Russ.).
3. Polutov, A. V. *Yaponskaya voenno-morskaya razvedka i ee deyatel'nost' protiv Rossii nakanune rusko-yaponskoj vojny 1904–1905 [Japanese Naval Intelligence and its Activities Against Russia on the eve of the Russo-Japanese War of 1904–1905]* : Abstract of thesis for the degree of candidate of historical sciences : 07.00.03 / Polutov Andrei Vadimovich; Institute of History, Archeology and Ethnography of peoples of Far East FRI RAS. Vladivostok, 2011. 35 p. (In Russ.).
4. Pozdneev, D. M. *Yaponiya: strana, naselenie, istoriya, politika [Japan: Country, Population, History, Politics]*. Moscow : State Military Publishing House, 1925. 351 p. (In Russ.).
5. Semyonov-Tyan'-Shanskij, A. P. *Nashi blizhajshie zadachi na Dal'nem Vostoke [Our Immediate Tasks in the Far East]*. Saint-Petersburg : Typography of "Vedomosti St.-Petersburg", 1908. 68 p. (In Russ.).
6. *Protokoly zasedanij Konferencii Vostochnogo instituta za 1900–1901 akademicheskij god [Records of the Meetings of the Conference of the Oriental Institute for the Academic Year 1900–1901]*. Vladivostok : Steam typolithography of "Dalnii Vostok" Newspaper, 1901. 286 p. (In Russ.).
7. Kondratov, E. B. *Rossijskoe protivodejstvie yaponskoj razvedke na Dal'nem Vostoke (1906–1917) [Russian Counteraction to Japanese Intelligence in the Far East (1906–1917)]*. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 5. Pp. 71–74. (In Russ.).
8. Arsen'ev, V. K. *Kratkij voenno-geograficheskij i voenno-statisticheskij ocherk Ussurijskogo kraja. 1901–1911 [Brief Military-geographical and Military-statistical Sketch of the Ussuriysk Region. 1901–1911]*. Khabarovsk : Printing House of the Amur Military District Headquarters, 1912. 335 p. (In Russ.).
9. Kannenberg, V. R. *Voennaya geografiya. Obshnij obzor Rossii v voenno-geograficheskom otnoshenii. Pogranichnaya polosa Rossii kak teatra voenny'x dejstvij [Military geography. General overview of Russia in military geography. The border strip of Russia as a theater of military operations]*. Saint-Petersburg : V. Berezovskij Publishing House, 1909. 198 p. (In Russ.).
10. Votinov, A. *Yaponskij shpionazh v rusko-yaponskuyu vojnu 1904–1905 [Japanese Espionage during the Russian-Japanese War 1904–1905]*. Moscow : State Military Publishing House of People's Commissariat of Defense of USSR, 1939. 72 p. (In Russ.).
11. Grave, V. V. *Kitaitsi, koreitsi i yaponski v Priamurye : otchet upolnomochennogo M-va in. del V. V. Grave [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region: Report of the Authorized Representative of the Ministry of Foreign Affairs V. V. Grave]*. Saint-Petersburg, 1912. 489 p. (In Russ.).
12. *Iz istorii rusko-yaponskoj vojny 1904–1905 : Sbornik materialov k 100-letiyu so dnya okonchaniya vojny [From the History of the Russian-Japanese War of 1904–1905 : Collection of Materials for the 100th Anniversary of the End of the War]*. Saint-Petersburg : Saint-Petersburg University Publishing House, 2005. 470 p. ISBN 5-288-03737-X. (In Russ.).
13. Kapistka, V. V. Activities of the Military Intelligence Service of Japan in the Soviet Union in the 1930-s. *Military History Journal*. 2006. No. 8. Pp. 44–48. (In Russ.).
14. Tkachev, S. V., Tkacheva, N. N. Rural Population of the Primorsky Resettlement District According to the Censuses of 1913–1915. *Oikumena. Regional Researches*. 2022. No. 3. Pp. 50–68. DOI [10.24866/1998-6785/2022-3/50-68](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/50-68). (In Russ.).
15. Polutov, A. V. *Korejskaya agentura yaponskoj voennoj razvedki protiv sovetskogo Primor'ya v 1924–1942 gg. [Korean Agents of Japanese Military Intelligence Against the Soviet Primorye in 1924–*

1942]. *Wars and military conflicts of the twentieth century in the fates of Far Easterners*. Vol. 2: Far Eastern Society during the Second World War (1939–1945). 2013. Pp. 19–29. (In Russ.).

16. Aziatikus. *Razvedka vo vremya Russko-yaponskoj vojny [Intelligence during the Russian-Japanese war]*. Saint-Petersburg : V. Berezovskij, 1907. 64 p. (In Russ.).

17. Leviczkiy, N. A. *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. [Russo-Japanese War of 1904–1905]*. Moscow : Eksmo Publishing House, 2003. 672 p. (In Russ.).

18. Mincz, I. I. *Yaponskaya intervenciya 1918–1922 gg. v dokumentax [Japanese Intervention of 1918–1922 in Documents]*. Moscow : Poligraphkniga Publishing House, 1934. 236 p. (In Russ.).

19. Ivanov, K. V. *Istoricheskie problemy Korei perioda 1905–1945 gg. i ih sovremennoye nasledie: kolonial'naya modernizatsiya, assimilyatsiya koreytssev i problema "proyaponskih deyateley" [Historical Problems of Korea in the Period 1905–1945 and Their Contemporary Legacy: Colonial Modernization, Assimilation of Koreans, and the Problem of "Pro-Japanese Figures"]*. Thesis for the degree of candidate of historical sciences : 07.00.03 / Ivanov Konstantin Vladimirovich; Irkutsk State Institute. Irkutsk, 2014. 267 p. (In Russ.).

20. Gaikin, V. A. *Koreya v sostave yaponskoy imperii (1910–1945 gg.). Ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya [Korea under the Japanese Empire (1910–1945): Economic and Demographic Consequences]*. *Russia and Asia Pacific Region*. 2000. No. 3 (29). Pp.30–36. (In Russ.).

Bio notes

Andrei V. Kuksenko, student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Contact information: e-mail: andrei-dfo@yandex.ru.

Sergei V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); RSCI SPIN-code: [2360-1718](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=56669485600); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Received on 08.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2)

EDN [WKBTIW](https://www.edn.ru/WKBTIW)

ПАСПОРТНАЯ СТАТИСТИКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МИГРАЦИИ В РОССИИ (РСФСР) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исупов В. А.

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Для цитирования: Исупов, В. А. Паспортная статистика как источник по истории миграции в России (РСФСР) в годы Великой Отечественной войны // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 26–39.
DOI [10.19181/demis.2025.5.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2). EDN [WKBTIW](https://www.edn.ru/WKBTIW).

Аннотация. Основная цель статьи – по возможности дать детальную источниковедческую характеристику блока статистических документов, используемых исследователями для изучения территориальных перемещений населения: историками – в прошлом, демографами, экономистами и географами – в настоящем. При этом в задачи автора главным образом входит выявление происхождения источника, анализ информативности, полноты и достоверности статистических сведений, получаемых на основе прописки-выписки паспортов. С позиций социальной истории бюрократический акт оформления прописки-выписки паспортов представляет собой следствие сложившегося к середине 1930-х гг. жесткого паспортного режима. Прежде всего этот режим был необходим государству как инструмент контроля над советскими гражданами. Вместе с тем он использовался как своеобразный социально-бюрократический механизм фиксации территориальных перемещений населения, оценки их объема и структурных характеристик. Функционирование такого механизма, оценка достоверности, точности и сопоставимости сведений представляет большой интерес для всех, кто так или иначе исследует миграции советского периода. На основе регистрации прописки-выписки можно выявить численность мигрантов, их состав по полу и возрасту, а главное – территориально-географические направления передвижения населения по стране. В этом аспекте важно определить собственно механизм получения данных, представить характеристику социально-бюрократического процесса, вследствие которого материалы прописки-выписки превращались в цифровые данные, характеризующие миграции. С такой целью статистики разрабатывали два вида табличных форм, в которых фиксировались сведения о передвижении населения по месту выбытия и месту прибытия, а также о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту. Эти данные имели особую важность в годы Второй мировой войны, поскольку играли первостепенную роль при определении военно-мобилизационных и трудовых ресурсов. Соответственно, в статье большое внимание уделяется изучению собственно механизма получения статистических сведений.

Ключевые слова: паспортный режим, миграции, прописка, выписка, регистрация прибывших-выбывших, статистический источник

Введение

В годы Великой Отечественной войны паспортный режим и получаемые на его базе статистические материалы, характеризующие территориальные перемещения населения, имели огромное практическое значение. Паспортная статистика в военные годы предоставляла государственным органам сведения чрезвычайной ценности. Их важность обуславливалась по меньшей по меньшей мере тремя факторами. Во-первых, статистические сведения, получаемые на основе прописки-выписки, содержали информацию о численности мигрантов, а следовательно, использовались не только для оценки мощности миграционных потоков, но и для расчетов численности населения. Во-вторых, материалы паспортной статистики

позволяли выявить структурные параметры миграций, а именно: данные о прибывших-убывших по возрастному и половому признакам. В-третьих, огромное значение паспортная статистика имела для определения территориально-географических направлений миграционных потоков. Таким образом, без данных паспортной статистики невозможно было получить чрезвычайно значимую в годы войны информацию о военно-мобилизационных и трудовых ресурсах. Заместитель начальника ЦСУ Госплана при СНК СССР И. Ю. Писарев в письме от 15 июня 1943 г., адресованном начальникам региональных статуправлений, указывал на то, что расчеты численности населения на основе материалов не только естественного, но и миграционного движения населения «имеют исключительно большое практическое значение и должны производиться со всей возможной тщательностью... Расчеты должны быть самым тщательным образом проконтролированы и проверены»¹. Что касается современных исследований миграции, то очевидно – без данных паспортной статистики изучение многих аспектов территориальных перемещений населения в нашей стране вообще невозможно [1].

Становление и развитие паспортного режима

Паспортный режим, действовавший в РСФСР в годы Второй мировой войны, являет собой результат длительной предшествующей эволюции. Но в этой статье нет необходимости в детальной характеристике развития паспортного режима. Наша цель состоит в другом: в анализе социально-бюрократического механизма, вследствие функционирования которого появлялись статистические данные, характеризующие миграции. Кроме того, возникновение и развитие паспортного режима достаточно глубоко проанализировано в научной литературе [2–5]. В связи с чем ограничимся лишь краткой характеристикой становления паспортного режима, без этого затруднено понимание самого процесса получения статистических сведений, вытекающих из особенностей его работы.

Паспортный режим в нашей стране своими корнями уходит в дореволюционное прошлое. В царской России паспортная система была важным инструментом контроля над населением и его территориальными перемещениями. Но после прихода к власти большевиков паспортный режим был перестроен в сторону смягчения. Отныне любой документ, выданный государственными органами, расценивался как удостоверение личности. Соответственно, демонтированный паспортный режим не был в состоянии выполнять роль основы столь необходимой для получения статистических данных о миграциях. Однако в «ослабленной» версии паспортный режим просуществовал недолго, поскольку государство не могло допустить территориальные перемещения граждан вне бюрократического контроля. В середине 1920-х гг. институт прописки как инструмент контроля над населением и его перемещениями населения был возобновлен.

С целью регистрации прибывших и выбывших в городах были созданы специальные бюрократические структуры – так называемые «адресные столы», а в крупных городах – «бюро». Каждый гражданин, прибывший в город или выбывший за его пределы, был обязан прописаться или выписаться. Иными словами,

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 19.

зарегистрировать факт своего прибытия-выбытия. При этом фиксировались пол и возраст мигранта, место, откуда он прибыл или куда выбывает. Тем не менее неполнота регистрации территориальных перемещений очевидна. Во-первых, далеко не все граждане имели паспорта, вследствие чего регистрация могла быть произведена по предъявлении любого документа. Обладание паспортом было правом гражданина, но не его обязанностью. А во-вторых, адресные столы (бюро) создавались далеко не во всех городах. Согласно оценкам статистиков тех лет, адресные столы (бюро) охватывали всего 3/4 городского населения РСФСР, а статистической обработке подвергался материал, характеризовавший менее 1/3 городского населения². Переселения в сельской местности и перемещения людского контингента в небольших городских поселениях не фиксировались вовсе. В одном из региональных архивов нами обнаружен документ, содержащий оценку регистрации прописки-выписки в РСФСР в конце 1920-х гг. В циркулярном письме Госплана РСФСР, разосланном в мае 1930 г. по региональным статистическим управлениям, подчеркивалось: «...ни передвижения населения в небольшие города и поселения городского типа, ни передвижения населения из одних сельских местностей в другие не получают освещения в настоящее время»³. Но и там, где бюрократические структуры, предназначенные для фиксации прописки-выписки были созданы и где имелись квалифицированные статистики, способные проводить сложные расчеты, значительная часть мигрантов игнорировала требования государства о прописке-выписке и, стало быть, не фиксировала свои передвижения.

В результате при создании в нашей стране механизма фиксации территориальных перемещений населения сложились три основных источника статистических погрешностей: недостаточный охват территорий адресными столами; неполнота регистрации прибывших и выбывших там, где адресные столы имелись; неполная разработка полученных данных. Тем самым существовавшая в РСФСР система текущей регистрации миграций не давала полного представления о переселенческих потоках. Такая ситуация не удовлетворяла власти, поскольку отсутствовал надежный инструмент измерения территориальных перемещений. Имелись и причины социально-политического характера. Бурно формировавшийся в 1920-е гг. сталинский политический режим стремился к тотальному контролю над гражданским обществом. При этом важно было проконтролировать и территориальные перемещения людей. Итак, слабости паспортной системы вступали в противоречие с базовыми принципами функционирования сталинского государства.

Решение проблемы, как казалось руководителям тех лет, было найдено 27 декабря 1932 г., когда ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»⁴. Постановление дополнялось детально разработанной «Инструкцией о выдаче паспортов гражданам СССР в гг. Москве, Ленинграде и Харькове и 50-километровой

² Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 63.

³ Там же.

⁴ Собрание законов и распоряжение Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее СЗ СССР). № 84. 1932, отд. 1, ст. 516.

полосе вокруг г. Харькова». Инструкция была утверждена особым постановлением СНК СССР от 14 января 1933 г.⁵ и, таким образом, приняла вполне заверченный вид.

Согласно этим документам, все граждане СССР в возрасте от 16 лет, постоянно проживавшие в городах, рабочих поселках, работающие на транспорте и в совхозах, обязаны были иметь паспорта. Ранее действовавшие удостоверения личности всецело отменялись. Отныне действительным становился исключительно паспорт. Паспорта выдавались после строгой проверки на политическую лояльность и отсутствие криминальных связей только населению крупных городов и жителям пограничных районов. Так называемая «паспортизация» проводилась также в рабочих поселках, имевших особое значение с позиций индустриального роста, в некоторых совхозах и на транспорте. Большая часть сельского населения, жители небольших городов и поселков городского типа лишались права на получение паспорта (за исключением проживавших в десятикилометровой пограничной зоне). В сущности, эти граждане превентивно рассматривались как нелояльные. Что же касается собственно источниковедческого аспекта проблематики, то будет правильным уточнить, что постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. для всех лояльных обладателей паспортов была введена обязательная прописка-выписка в городах, которая и должна была сыграть роль инструмента для получения статистических сведений о миграциях. Но прописка как инструмент измерения масштабов, структуры и географического направления миграционных потоков своей роли сыграть не могла. Значительная часть граждан по-прежнему не оформляла ни прописки, ни выписки. Из чего следует, что надежный инструмент измерения миграционного движения населения, как и прежде, отсутствовал. Более того, вопрос о миграции во Всесоюзной переписи населения 1939 г., в отличие от Всесоюзной переписи населения 1926 г., отсутствовал. Выходит, что официальная публикация данных о миграции в многочисленных статистических справочниках, издаваемых ЦУНХУ СССР в 1930-е гг., не соответствовала действительности.

Власти настойчиво стремились усилить результативность паспортного режима, а следовательно, и усовершенствовать инструмент фиксации прибывших – выбывших. С этой целью было разработано более изощренное и значительно улучшенное (по сравнению с постановлением от 27 декабря 1932 г.) «Положение о паспортах», утвержденное 10 октября 1940 г.⁶ и действовавшее в течение всей Второй мировой войны. Рассмотрим его подробнее.

Несмотря на значительные усовершенствования, «Положение о паспортах» 1940 г. по сути своей повторяло все недостатки постановления 1932 г. Самый существенный из них состоял в том, что колхозники (т. е. большинство сельского населения), а также единоличники как в 1932 г., так и в 1940 г. паспортами не обеспечивались. Паспорта как показатель политического доверия со стороны государства, а вместе с тем – как инструмент особо строгого контроля получали только те граждане (в возрасте от 16 лет), которые постоянно проживали в городах, рабочих поселках, районных центрах и населенных пунктах, где располагались МТС. Выдавались паспорта и гражданам, постоянно проживавшим в населенных пунктах

⁵ СЗ СССР, № 3. 1933, ст. 22.

⁶ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24, ст. 591.

Московской области, в населенных пунктах в 100-километровой полосе вокруг г. Ленинграда (по-видимому, это послужило основой возникновения советского новояза «101-й километр»). Имели право на получение паспортов и граждане, проживавшие в населенных пунктах, расположенных в пограничных зонах, работавшие на новостройках, водном и железнодорожном транспорте, в совхозах. Паспорта выдавались после проверки на политическую лояльность и при предъявлении массы документов, таких как свидетельство о рождении, учетно-воинский билет, справка о постоянном проживании, заверенная управдомом или сельсоветом, справка с места работы или учебы. Таким образом, главной функцией паспортного режима, как и прежде, являлось ужесточение контроля государства над гражданами.

Сталинское государство преуспело в увеличении числа граждан, которые попадали под строгий контроль посредством паспортного режима. Во всяком случае, в 1939 г. из 2 350 городских поселений СССР, жители которых обрели право на получение паспорта, паспортным учетом было охвачено 2 291 городское поселение (97,5%)⁷. Несомненно, увеличение числа населенных пунктов, в которых действовал паспортный контроль, носило формальный характер, поскольку качество учета оставалось низким. Но безмерно бюрократизированное тоталитарное государство упорно стремилось к ужесточению паспортного режима. Немаловажным аспектом паспортного режима стало заметное усовершенствование механизма прописки паспортов. Согласно «Положения о паспортах» 1940 г. все граждане, меняющие место своего жительства в пределах населенных пунктов, где введена паспортная система, либо вновь прибывающие на постоянное или временное проживание в населенные пункты, вне зависимости от того введена ли в данной местности паспортная система, обязаны были прописать свой паспорт в течение 24 часов по прибытии на новое место жительства.

За пределами паспортного контроля оставались граждане, не получившие паспортов (например колхозники) или те, кто проживал в местностях, где паспорта не выдавались. В результате вне паспортного учета оставалась значительная часть населения. Применительно ко Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР насчитывалось почти 76 млн колхозников (вместе с семьями), из которых в городах проживали 2,5 млн. И если условно допустить, что колхозники, осевшие в городах, обеспечивались паспортами, то свыше 73 млн колхозников, проживавших в сельской местности, право на получение паспорта так и не получили. Кроме того, перепись 1939 г. зафиксировала в СССР свыше 3-х миллионов крестьян-единоличников, также, как и колхозники, лишенных права на получение паспортов⁸. Количество граждан, проживавших в местностях, где паспорта не выдавались (независимо от социального положения и места работы) неизвестно, однако очевидно, таковых было значительное количество. Их миграции вообще не учитывались.

Но и те граждане, которые имели паспорта, зачастую, не регистрировали прописку-выписку. Так, в 1939 г. в РСФСР из общего количества 52 областей, краев и автономных республик в 7 регионах недоучет выбывших колебался от 5 до 7%,

⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 171, л. 1.

⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Москва : Наука, 1992. С. 95.

в 13 регионах – от 11 до 20%, и в 17 регионах – свыше 20%⁹. И это несмотря на то, что положение о паспортах 1940 г. предусматривало многочисленные наказания за нарушение паспортного законодательства. Прежде всего, ответственность в виде штрафных санкций возлагалась на должностные лица предприятий и организаций за прием граждан на работу без паспортов и с непрописанными паспортами. Штрафом до 100 руб. карались управдомы, коменданты и домовладельцы за допущенное проживание без прописки, без паспортов или с просроченными паспортами. Сами граждане за те же преступления подвергались штрафу до 100 руб.¹⁰. Повторное нарушение правил прописки и выписки влекло за собой ответственность по части II ст. 192-а УК РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик. Уголовный кодекс РСФСР, действовавший в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, при повторном нарушении правил прописки паспортов лицами, приезжающими в местности, где введена паспортная система, предусматривал исправительные работы на срок до шести месяцев. Проживавшие в тех самых местностях без паспорта и ранее подвергавшиеся административному взысканию за указанное нарушение могли быть лишены свободы на срок до двух лет¹¹.

И это было не пустой угрозой. Государство строго карало нарушителей паспортного режима. К примеру, во втором полугодии 1940 г. в одном только г. Новосибирске народными судами было рассмотрено 144 дела по нарушениям паспортного режима: проживание без паспорта, без прописки, без определенного места жительства. Из общего числа привлеченных к суду 63 человека были приговорены к лишению свободы, 61 человек – к исправительным работам¹². В г. Сталинске (ныне Новокузнецк) во втором полугодии 1940 г. за нарушение паспортного режима к одному году лишения свободы был приговорен 1 человек, к двум годам лишения свободы – 4 человека, к исправительным работам – 2 человека¹³. Из небольшой газетной заметки лейтенанта милиции Н. Донова, начальника паспортно-регистрационного отдела Хакасского областного управления НКВД «Строго соблюдать паспортный режим», опубликованной 3 ноября 1944 г. в газете «Советская Хакассия» (Орган Хакасского обкома ВКП(б), Абаканского горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся), мы узнаем, что в Хакасской автономной области за оформление граждан на работу без прописки органами милиции оштрафованы заведующая отделом кадров спецторга Скрыпченко, заведующая отделом кадров мясокомбината Колтыга, бывшая заведующая кадрами заготзерно, начальник военизированной охраны станции Абакан Пивнов. Гражданка Молофеева за просрочку паспорта оштрафована на 100 рублей. Впрочем, контрольно-карательные органы одними штрафами не ограничивались. В том же 1944 г. за систематической нарушение паспортного режима, проживание без паспорта и без прописки

⁹ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 171, л. 2.

¹⁰ Собрание постановлений и распоряжений Правительства Союза ССР. 1940, № 24. Ст. 591.

¹¹ УК РСФСР. Комментарий. 2-е издание. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. Ст. 192-а. С. 229.

¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 1199, оп. 1а, д. 14, л. 153.

¹³ Там же, л. 164 об.

к уголовной ответственности были привлечены и осуждены Абаканским народным судом к двум годам лишения свободы О. Волкова и И. Житлов¹⁴.

Неоформление прописки-выписки объясняется не только недисциплинированностью отдельных граждан, но и сложной бюрократической процедурой регистрации, а кроме того, строгой проверкой на политическую лояльность. Например, в годы войны при оформлении выписки гражданин был обязан предоставить в местные органы милиции паспорт и документы, подтверждающие необходимость выписки: справку с работы об освобождении, распоряжение о переводе на другую работу, справку о вербовке, пропуск, выданный органами милиции для проезда по железной дороге.

Механизм получения статистических сведений

Для нас чрезвычайно важно понять, как на основе прописки-выписки паспортов формировались сведения о миграциях, нашедшие выражение в строгих цифрах статистической отчетности. С этой целью в СССР был создан особый бюрократический механизм. Первичными учетными документами статистики миграций являлись так называемые «адресные листки». Они заполнялись на граждан, предъявлявших паспорта для оформления прописки-выписки в домоуправления, комендантам общежитий и всем иным должностным лицам, ответственным за прописку-выписку. Адресные листки заполнялись в двух экземплярах: основной талон, пополнявший милицейскую картотеку на граждан и остававшийся в НКВД, и отрывной талон, предназначавшийся для статистической разработки. Отрывные талоны адресных листов в течение календарного месяца накапливались в паспортных столах милиции, а затем передавались в районные (городские) инспектуры ЦСУ¹⁵.

Регистрации в отрывных адресных листках подлежали:

- по оформляющим прописку – все прибывающие для постоянного жительства; эвакуированные, прибывающие в организованном порядке; прибывающие на работу и учебу; прибывающие в длительную, свыше полутора месяцев командировку; все члены семьи, прибывающие для совместного проживания;

- по оформляющим выписку – все выбывающие из числа постоянно проживающих, если выбывают совсем или на полтора месяца на учебу; на службу в вооруженные силы; все эвакуированные; все члены семьи; все выбывающие на работу независимо от срока, на который они выбывают; выбывающие из числа временно проживающих, если они выбывают по окончании срока временной работы или учебы;

- не заполнялись отрывные листы на прибывших (выбывших) в командировку; на краткосрочные курсы (до полутора месяцев); на совещания, съезды, конференции; на больных, прибывших в больницы; на приехавших на отдых, в отпуск, в гости¹⁶.

¹⁴ Советская Хакасия. 3 ноября 1944 г. № 220 (3861).

¹⁵ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Куйбышев : Госпланиздат, 1943. С. 180; Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Москва : Госпланиздат, 1945. С. 231–232.

¹⁶ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва : 1943. С. 39.

Районные (городские) инспекторы ЦСУ после статистической обработки отрывных талонов получали сводные данные по району (городу) и отправляли полученные цифровые материалы статистическим управлениям областей (краев) и автономных республик. Полученные сведения обобщались в административных границах области (края), автономной республики и ежемесячно передавались в ЦСУ союзной республики (в нашем случае в ЦСУ РСФСР). Из ЦСУ союзных республик материалы поступали в ЦСУ Госплана СССР, где подытоживались в масштабах всего Советского Союза. По окончании каждого года ежемесячные сведения объединялись в годовую сводку¹⁷.

Какие сведения о миграциях получали статистики?

В СССР использовались две основные табличные формы статистической отчетности, куда заносились все цифровые данные. Табличной формы об общей численности мигрантов не существовало, но эти сведения легко извлечь из материалов двух первых форм.

Форма № 1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» содержит следующие данные:

- из каких регионов прибыли (с разбивкой: из городов, из сельской местности, неизвестно из городов или из сельской местности, всего);
- в какие регионы выбыли (с разбивкой: в города, в сельскую местность, неизвестно в города или в сельскую местность, всего);
- за счет каких регионов формировался механический прирост (с разбивкой: за счет городов, за счет сельской местности, неизвестно за счет городов или сельской местности, всего).

Форма № 2 «Сведения о распределении прибывших и выбывших по полу и возрасту» включает такие данные:

- о количестве мужчин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), прибывших из городов, из сельской местности, неизвестно откуда;
- о количестве женщин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), прибывших из городов, из сельской местности, неизвестно откуда;
- о количестве мужчин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), выбывших в города, в сельскую местность, неизвестно куда;
- о количестве женщин с распределением их по возрасту (одногодичные возрастные группировки), выбывших в города, в сельскую местность, неизвестно куда.

Недостатки статистики миграций

Статистика о передвижении населения содержит большое количество информации, но не лишена изъянов, которые вытекали главным образом из особенностей советского паспортного режима. Паспортная статистика РСФСР, а вместе

¹⁷ Материалы и указания по организации учета и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Москва : Бланкоиздательство ЦСУ Госплана СССР, 1944. С. 39, 41.

с ней и механизм получения статистических данных имели ряд «родовых», в значительной степени неустраняемых недостатков. Основной недостаток состоял в том, что паспортный режим, как уже говорилось выше, игнорировал дискриминируемые социальные группы, составлявшие значительную часть населения СССР, а именно: колхозное крестьянство и единоличников, лишенных паспортов. Соответственно, миграции внутри сельской местности (за редким исключением) не учитывались вообще. Это касалось и части перемещений сельских жителей в города. Несовершенство паспортной системы хорошо осознавалось статистиками. Так, начальник Статистического управления Молотовской области Мешавкин и начальник сектора населения и здравоохранения этого же управления Лезе 30 марта 1943 г. докладывали «наверх», в ЦСУ Госплана СССР: «Механическое движение по селу нами совершенно не учитывалось, т. к. село не паспортизировано... При исчислении (численности населения – *прим. автора*) мы допускаем неточность, не учитывая механическое движение по селу, в особенности убыль из села в связи с уходом в Красную армию»¹⁸.

Какая-то часть колхозников и единоличников, минуя паспортный контроль, прибывала в города и устраивалась на работу на заводы, фабрики, стройки, транспорт. Они проживали в городах без паспорта и прописки. Промышленные предприятия вследствие масштабных воинских мобилизаций испытывали столь острый дефицит рабочей силы, что кадровики под давлением руководителей предприятий вынуждены были идти на нарушения. Стало быть, миграции де факто имели место, но статистически не фиксировались. В частности, упоминаемый ранее начальник паспортно-регистрационного отдела Хакасской автономной области лейтенант милиции Н. Донов свидетельствовал, что ряд руководителей, игнорируя паспортную дисциплину, допускает прием на работу беспаспортных граждан или граждан, которые не имеют прописки¹⁹.

Деятельность домоуправлений, комендантов общежитий и всех лиц, ответственных за прописку-выписку, как и работа статистических учреждений, строго контролировались. Еще 27 ноября 1933 г. свет увидело постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об ответственности за предоставление неправильных учетных сведений и отчетных данных, а также за нарушение форм и сроков предоставления отчетных материалов». Постановление требовало за предоставление умышленно искаженных учетных сведений и отчетных данных применять ст. 199 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением – не менее 6 месяцев лишения свободы). За систематическое злостное нарушение форм и сроков предоставления отчетных материалов виновные подлежали уголовной ответственности по ст. 111 УК РСФСР (бездействие власти) – лишение свободы на срок до 3 лет. При смягчающих обстоятельствах требовалось применять ст. 112 ч. II: увольнение с должности и принудительные работы на срок до 1 месяца²⁰. В 1938 г. прокурором Союза ССР был отдан приказ всем прокурорам союзных и автономных республик, предписывающий тщательно рассматривать все сообщения органов ЦУНХУ при Госплане СССР

¹⁸ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 3.

¹⁹ Советская Хакасия. 3 ноября 1944 г. № 220 (3861).

²⁰ ГАРФ, ф. А-482, оп. 10, д. 2319, л. 3.

(с марта 1941 г. – ЦСУ СССР) о нарушении теми или иными организациями правил о предоставлении статистической отчетности и принимать меры к привлечению виновных к уголовной ответственности»²¹. Тем не менее самые суровые меры, вплоть до уголовной ответственности, не могли обеспечить промышленность и стройки рабочей силой. Директорам заводов, которые отвечали за выпуск продукции, приходилось идти на многочисленные нарушения.

Фактором, способствовавшим образованию пробелов в статистической регистрации миграций, стал неполный учет эвакуированных. Эвакуация была специфической составной частью миграций военного времени. В 1941–1943 гг., когда масштаб эвакуации достиг своих пиковых величин, эвакуированные представляли собой миллионные массы граждан, вынужденно изменивших место жительства. О значении эвакуации в формировании общей картины миграций в военные годы мы писали еще в 2016 г. [6]. Однако в начальный период войны эвакуация статистически не учитывалась. И. Ю. Писарев 21 августа 1943 г. информировал начальника Главного управления милиции НКВД СССР Галкина: «Итоги разработки отрывных талонов адресных листов не могут быть использованы, так как распоряжением Главного управления милиции НКВД СССР за № 310/к от 24/XI – 1941 г. было отменено составление отрывных талонов при прописке, прибывших по эвакуации и составление адресных листов на выбывших эвакуированных»²². Соответственно, численность населения, перемещенного в ходе эвакуации, приходилось исчислять на основе сведений эвакуотделов и по количеству выданных продовольственных карточек²³. Только во второй половине 1943 г., когда эвакуация в основном была близка к завершению, заполнение адресных листов на эвакуированных, прибывших в организованном порядке, было восстановлено²⁴. И все же точное количество эвакуированных (если рассматривать их как мигрантов) до сих пор неизвестно. Л. Л. Рыбаковский, один из самых авторитетных отечественных демографов, внесший значительный вклад в разработку историко-демографической проблематики военного времени, отмечал, что вследствие неточности исходной информации разнотечения в оценках численности эвакуированных колеблются в пределах от 10 до 25 млн человек [7, с. 9].

Еще одним крупным пробелом фиксации специфических форм миграций военного времени была не регистрация военнотрудовых и спецконтингентов. В нашем распоряжении имеется большое количество служебных записок, циркулярных писем и указаний ЦСУ Госплана СССР, адресованных начальникам территориальных статуправлений. Как правило, они подписывались одним из руководителей ЦСУ Госплана СССР И. Ю. Писаревым, категорично требовавшим не включать в статистические отчеты всех, находившихся в вооруженных силах и госпиталях, а также спецконтингент в местах заключения и на спецпоселениях²⁵.

²¹ Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. Куйбышев: Госпланиздат, 1943. С. 11.

²² РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1025, л. 18.

²³ Там же, оп. 20, д. 239, л. 177.

²⁴ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва, 1943. С. 39.

²⁵ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 404, л. 19.

В документах военного времени эти граждане относились к категории «нераспределенные по территориям». Чтобы показать масштаб образовавшихся статистических пробелов, укажем на то, что по данным ЦСУ Госплана СССР, на 1 января 1942 г. число лиц, оставшихся за рамками статистики, превышало 24 млн человек²⁶. К 1945 г. численность «нераспределенных по территориям» составляла 16 млн человек²⁷.

Среди военнотружущих исключение было сделано только для демобилизованных из Вооруженных сил. При оформлении прописки они заносились в графу «Неизвестно, откуда прибыли». Призванные в армию при оформлении выписки фиксировались в графе «Неизвестно, куда выбыли». И как следствие, в статистической отчетности образовывались значительные возрастнотполовые диспропорции, которые свидетельствуют о степени неполноценности статистических материалов. Так, в 1945 г. при фиксации прописки прибывших в городские поселения РСФСР в графу «неизвестно откуда прибыли» были записаны 1 061 тыс. мужчин и 388 тыс. женщин²⁸.

Вместе с тем по-прежнему немаловажным фактором, снижавшим качество статистического учета, оставалась недисциплинированность граждан и халатность отдельных должностных лиц. Не все понимали значение статистического учета и зачастую пренебрежительно относились к прописке-выписке паспортов. Фиксировалось особенно большое количество случаев не оформления выписки. Тот же И. Ю. Писарев в указаниях к составлению предварительного расчета численности населения, предназначенных для работников региональных статуправлений, еще 1 января 1941 г. обращал внимание на неполную прописку прибывающего населения и особенно значительную недовыписку выбывающего населения²⁹. Объективным условием, ухудшавшим статистическую ситуацию, было полное отсутствие статистического учета на территориях, оккупированных немецко-фашистскими войсками. По мере отступления Красной армии вне советского статистического учета оставались миллионы граждан.

Не менее важно подчеркнуть, что в начальный период Великой Отечественной войны был допущен сбой в работе паспортных столов (бюро) и органов статистики. Беспорядок был обусловлен многомиллионными территориальными перемещениями людей (эвакуация, воинские мобилизации, депортации и т. д.). Отдельные статистические учреждения временно прекратили работу в связи с переездом в восточные районы страны в ходе эвакуации. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского о преодолении хаоса в учете³⁰. Но навести должный порядок в статистическом учете удалось только к концу 1942 – началу 1943 гг. Следовательно, за 1941–1942 гг. и частично за 1943 г. мы не имеем надежных данных о движении населения. Цифровые материалы, полученные на основе прописки-выписки вплоть до второй половины 1943 г. не могут служить надежной основой для оценки числа эвакуированных.

²⁶ РГАЭ, оп. 329, д. 791, л. 68.

²⁷ Там же, д. 2219, л. 119.

²⁸ Там же, оп. 20, д. 623, л. 3.

²⁹ Там же, д. 239, л. 84.

³⁰ Там же, д. 239, л. 177.

Таким образом, фиксация прибывших и выбывших долгое время оставалась слабым звеном советской паспортной статистики. И. Ю. Писарев в циркулярном письме, адресованном начальникам региональных статуправлений, 26 августа 1941 г. писал: «Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчете ни в коем случае не следует без критики принимать отчетные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными...»³¹.

Факторы, повышающие точность статистических данных по миграции

Прописка в военные годы была прочно увязана с постановкой граждан на централизованное снабжение продуктами. Получить хлебные карточки, не имея городской прописки, было невозможно³². Значение хлебных карточек как инструмента статистического учета не только численности и состава населения, но и прописки–выписки резко повысилось с 1943 г. с введением так называемых «стандартных справок», усиливших контроль за получением продуктовых карточек³³. Определенную роль в повышении качества прописки играло переуплотнение жилищ в тылу, особенно в районах массового вселения эвакуированных. Стремление избежать подселения заставляло всех проживающих в перенаселенных жилищах – квартирах, домах частного сектора, в бараках, землянках, своевременно приписываться³⁴. Помимо этого, милиция организовывала контрольные обходы жилищ для выявления проживавших без прописки. Немаловажное значение имел и тот факт, что во второй половине 1943 г. было восстановлено заполнение адресных листов на эвакуированных³⁵. Еще одним фактором улучшения статистического учета стало быстрое восстановление разрушенной сети учетных и статистических органов на освобожденных территориях. В данном случае основополагающее значение имело постановление СНК СССР от 7 марта 1943 г. № 229 «О восстановлении учета и отчетности в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»³⁶.

Выводы

Мы считаем допустимым дать высокую оценку советской миграционной статистике в той ее части, которая касалась граждан, имевших паспорта (оставив «за бортом» тех, кому паспорта были «не положены»). В условиях хаоса военных лет бюрократическим институтам, ответственным за прописку-выписку удалось добиться если не полной, то во всяком случае удовлетворительной фиксации прибывших и выбывших. Государство, использовавшее как инструмент паспортный режим и институт прописки, в принципе достигло удовлетворительной точности учета

³¹ РГАЭ, л. 137.

³² ГАРФ, ф. А-374, оп. 11, д. 303, л. 1.

³³ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 339, л. 6–10.

³⁴ Там же, д. 228, л. 35.

³⁵ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). Москва, 1943. С. 39.

³⁶ Материалы и указания по организации учета и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. Москва : Бланкоиздательство ЦСУ Госплана СССР, 1944. С. 39, 41.

передвижения людей, обладавших паспортами. Это позволяло получить объективную картину миграций граждан, передвигавшихся «по закону». По имеющимся данным, в 1945 г. по городам РСФСР были зафиксированы 6,5 млн человек, переменивших место жительства, из них 4,3 млн новоселов, прибывших в города, и 2,2 млн мигрантов, выбывших из городов³⁷.

Наряду с этим передвижения миллионных масс, нераспределенных по территориям, а также колхозников и единоличников не фиксировались. Что значительно снижало качество миграционной статистики, ибо за рамками учета оставались миллионы граждан.

Список литературы

1. Isupov, V. A., Chernysheva, N. V. Migration of the USSR Population in the Pre-War Years (1939–1940) // Population and Economics. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 70–78. DOI [10.3897/popecon.6.e81466](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81466). EDN [MXRWYU](https://www.edn.ru/entry/10.3897/popecon.6.e81466).
2. Попов, В. П. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185–203. EDN [SMUKWM](https://www.edn.ru/entry/10.3897/popecon.6.e81466).
3. Любарский, К. А. Паспортная система и система прописки в России // Российский бюллетень по правам человека. 1994. Вып. 2. С. 14–24.
4. Байбурин, А. К. Советский паспорт: История – структура – практики. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с. ISBN 978-5-94380-232-4.
5. Kessler, G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001. Vol. 42, No. 2. Pp. 477–504. DOI [10.4000/monderusse.98](https://doi.org/10.4000/monderusse.98).
6. Исупов, В. А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17. DOI [10.15372/HSS20160102](https://doi.org/10.15372/HSS20160102). EDN [VTIMEF](https://www.edn.ru/entry/10.15372/HSS20160102).
7. Рыбаковский, Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Москва : Экон-Информ, 2000. 139 с. ISBN 978-5-9506-0520-8. EDN [QPPADP](https://www.edn.ru/entry/10.15372/HSS20160102).

Сведения об авторе

Исупов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: vladimir_2004@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7378-4403](https://orcid.org/0000-0002-7378-4403); ПИНЦ SPIN-код: [1024-2756](https://www.edn.ru/entry/10.15372/HSS20160102); Scopus Author ID: [7005186122](https://www.edn.ru/entry/10.15372/HSS20160102).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PASSPORT STATISTICS AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF MIGRATION IN RUSSIA (RSFSR) DURING THE SECOND WORLD WAR

Vladimir A. Isupov

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: vladimir_2004@mail.ru

³⁷ РГАЭ, ф. 1562, оп. 20, д. 623, л. 3.

For citation: Isupov, V. A. Passport Statistics as a Source for the History of Migration in Russia (RSFSR) during the Second World War. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 26–39. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2).

Abstract. The main objective of the article is to provide a description as detailed as possible of the corpus of statistical sources used by historians in the past, and by demographers, economists and geographers in the present. Accordingly, the author's tasks primarily include identifying the origin of the source, analyzing the informativeness, completeness and reliability of statistical data obtained based on propiska (registration) – issuance of passports. From the standpoint of social history, propiska (registration) is a consequence of the strict passport regime that had developed by the mid-1930s. First, this regime was necessary for the state as an instrument of control over Soviet citizens. At the same time, it was used as a kind of socio-bureaucratic mechanism for recording territorial population movements, assessing their volume and structural characteristics. The operation of this mechanism, assessment of the reliability, accuracy and comparability of the data obtained because of its operation are of great interest to all those who study migrations of the Soviet period in one way or another. Based on the registration of the residence permit and deregistration, it is possible to identify the number of migrants, their composition by gender and age, and most importantly, the territorial and geographical directions of population movement across the country. In this aspect, it is important to determine the actual mechanism for obtaining data, to present the characteristics of the socio-bureaucratic process, because of which the registration and deregistration materials were transformed into digital data characterizing migration. For this purpose, statisticians developed two types of tabular forms that recorded information on the movement of the population by the place of departure and the place of arrival, as well as on the distribution of arrivals and departures by gender and age. These data were of particular importance during the Second World War, since they played a primary role in determining military mobilization and labor resources. Accordingly, the article pays much attention to the study of the actual mechanism for obtaining statistical information.

Keywords: passport regime, migrations, registration, deregistration, registration of arrivals and departures, statistical source

References

1. Isupov, V. A., Chernysheva, N. V. Migration of the USSR Population in the Pre-War Years (1939–1940). *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 70–78. DOI [10.3897/popecon.6.e81466](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e81466).
2. Popov, V. P. Paspornnaya sistema sovetskogo krepostnichestva [Passport system of Soviet serfdom]. *Novyi Mir*. 1996. No. 6. Pp. 185–203. (In Russ.).
3. Lyubarskiy, K. A. Paspornnaya sistema i sistema propiski v Rossii [Passport system and registration system in Russia]. *Rossiyskiy byulleten' po pravam cheloveka [Russian Bulletin on Human Rights]*. 1994. Vol. 2. Pp. 14–24. (In Russ.).
4. Bayburin, A. K. Sovetskiy pasport: Istoriya – struktura – praktiki [Soviet passport: History – structure – practices]. Saint Petersburg: European University Publishing in Saint Petersburg, 2017. 488 p. ISBN 978-5-94380-232-4. (In Russ.).
5. Kessler, G. The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du Monde Russe*. 2001. Vol. 42, No. 2. Pp. 477–504. DOI [10.4000/monderusse.98](https://doi.org/10.4000/monderusse.98).
6. Isupov, V. A. On the Question of Migration Types and Their Ratio During the Great Patriotic War. *Humanities in Siberia*. 2016. Vol. 23, No. 1. Pp. 12–17. DOI [10.15372/HSS20160102](https://doi.org/10.15372/HSS20160102). (In Russ.).
7. Rybakovskiy, L. L. Lyudskiye poteri SSSR i Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR and Russia in the Great Patriotic War]. Moscow: Econ-Inform Publishing House, 2000. 139 p. ISBN 978-5-9506-0520-8. (In Russ.).

Bio note

Vladimir A. Isupov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: vladimir_2004@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7378-4403](https://orcid.org/0000-0002-7378-4403); RSCI SPIN code: [1024-2756](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=7005186122); Scopus Author ID: [7005186122](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=7005186122).

Received on 08.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.3)

EDN [VOUEBG](https://www.vouebg.ru)

РУССКИЕ ПЕРВОЦЕЛИННИКИ ИЗ КИТАЯ: ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-РЕЭМИГРАНТЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1954–1955 ГГ.

Дацышен В. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

Красноярский научный центр СО РАН;

Красноярский государственный педагогический университет

имени В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

E-mail: dazishen@mail.ru

Для цитирования: Дацышен, В. Г. Русские первоцелинники из Китая: переселенцы-реэмигранты в Восточной Сибири в 1954–1955 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 40–53. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.3). EDN [VOUEBG](https://www.vouebg.ru).

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории переселения русскоязычного населения Северо-Восточного Китая в регионы Восточной Сибири на освоение целинных и залежных земель. В 1954–1955 гг. руководство СССР организовало репатриацию русскоязычного населения из Китайской Народной Республики на историческую родину. Репатриация была оформлена в виде переселения на освоение целинных и залежных земель, русские реэмигранты прибыли в регионы России и Казахстана в качестве переселенцев-целинников. Самыми восточными регионами Советского Союза, где были размещены переселенцы-реэмигранты, были Иркутская область и Красноярский край. Исследование выполнено на основе делопроизводственных документов, хранящихся в региональных архивах Восточной Сибири, а также источников личного происхождения, воспоминаний самих переселенцев-реэмигрантов. Массовый и добровольный переезд русских из КНР в СССР начался после принятия ЦК КПСС в 1954 г. постановления «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», но данный вопрос был решен на уровне советско-китайских отношений еще в 1953 г. Переселенцы из Китая составили всего несколько процентов от общего числа переселенцев-целинников, и значительная их часть уже в 1954–1955 гг. покинула сельскохозяйственные предприятия, практически не приняв участие в освоении целинных и залежных земель. Проблемы подготовки репатриации русскоязычного населения в СССР, как и собственно участие их в освоении целинных и залежных земель, указывают на то, что переселение на освоение целины было формой репатриации с попутным решением задач освоения целинных и залежных земель. Переселение реэмигрантов из КНР стало важным фактором развития Красноярского края и Иркутской области не только в части освоения целинных и залежных земель в этих регионах. Переселение на освоение целины оказалось оптимальной по форме и содержанию репатриацией русских из Китая на историческую родину.

Ключевые слова: русские реэмигранты, репатриация в СССР, освоение целинных и залежных земель, переселение из Северо-Восточного Китая в Восточную Сибирь

Введение

Заметным фактором развития регионов Восточной Сибири в 1950-е гг. стало переселение русских эмигрантов из Северо-Восточного Китая. В два региона, Красноярский край и Иркутскую область, в 1954–1955 гг. на постоянное место жительства в сельскую местность из Северо-Восточного Китая переехало несколько тысяч человек. Несмотря на относительно небольшое число, эти переселенцы внесли огромный вклад в развитие экономики, науки, культуры и образования в Сибири.

Массовое переселение живших в Китае русских эмигрантов, их потомков и членов смешанных семей началось через несколько лет после провозглашения Китайской Народной Республики. Это переселение было обусловлено как интересами двух государств, так и собственно желанием русских вернуться

на историческую родину. Вопрос переселения россиян из Китая на историческую родину был непростым, долгое время обсуждался на самом высоком уровне¹. Формально переселение русских из Китая в СССР было включено в программу освоения целинных и залежных земель. В начале 1954 г. пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В этом же, 1954 г., началось массовое переселение русских из КНР в Советский Союз. В результате организованного переселения из Китая в 1954–1955 гг. в двух самых больших регионах Восточной Сибири осело несколько тысяч человек русского населения, в основном хорошо образованных людей, среди которых было много высококвалифицированных кадров с высшим образованием.

Вопросы переселения русских реэмигрантов в районы освоения целинных и залежных земель до конца советской эпохи не поднимались в отечественной науке. Эти вопросы не затрагивались не только в исследованиях по истории освоения целины, но и в немногочисленных работах, посвященных русской реэмиграции [1]. Как справедливо отмечает известный иркутский исследователь Л. В. Занданова: «в исторической литературе этот процесс практически не нашел отражения, поскольку все материалы архивов по этой теме были строго засекречены» [2, с. 391]. В современной российской историографии интерес к проблеме был проявлен уже в 1990-е гг. В одном из первых исследований, специально посвященных названной проблеме, авторитетный иркутский историк Л. В. Занданова дала общую картину переезда русских из Китая в Сибирь. В работе представлены данные о размещении переселенцев-реэмигрантов в восточных регионах РСФСР [3]. Крупнейшим исследователем проблем русской реэмиграции из КНР с начала 2000-х гг. является видный новосибирский историк Н. Н. Аблажей. В ее работах воспроизведены данные об общем числе реэмигрантов [4–6]. Проблемам русской реэмиграции много внимания уделяли известные востоковеды Е. П. Таскина [7] и Л. П. Черникова [8]. Исследователей интересовали в первую очередь судьбы русских, переселившихся из Китая в Советский Союз. Например, в работе Л. П. Черниковой показаны проблемы семьи Гордеевых, приехавших в июле 1954 г. в Рыбинский молмясосовхоз в Красноярском крае, и семьи Э. Одинцовой, прибывшей в Иркутскую область в 1954 г. [7, с. 58–59]. Заметный вклад в изучение истории реэмиграции в Сибири внес молодой красноярский историк М. Ю. Новоселов [9–11]. Наиболее глубоко разработана данная проблема в статье известного дальневосточного исследователя С. А. Пискунова «Репатриация русскоязычного населения из КНР в сельскую местность РСФСР (опыт 1954 г.)» [12]. На основе документов из фондов ГАРФ в работе рассмотрены проблемы переселения в 1954 г. реэмигрантов из КНР и размещения их в девяти регионах России.

В целом вопросы участия переселенцев-мигрантов в освоении целины по-прежнему не рассматриваются в исследованиях по истории освоения целинных и залежных земель. Кроме того, в работах авторитетных ученых встречаются

¹ Письмо А. А. Громыко И. В. Сталину о возможности репатриации советских граждан из КНР в 1952 г. // Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов : в 2 т. / Под ред. В. С. Мясникова. Т. 2. Друг и союзник нового Китая. Москва : Памятники исторической мысли, 2010. С. 129–130.

противоречия и разночтения. Данная исследовательская тема требует введения в научный оборот новых источников. Например, приведенные в исследовании Л. П. Черниковой данные «о размещении семей советских граждан, прибывших из КНР в области и края РСФСР» [8, с. 141], взятые из фондов ГАРФ, противоречат данным, хранящимся в региональных архивах. Собственно вопросы переселения переселенцев-реэмигрантов из Китая на сельскохозяйственные предприятия в регионах Восточной Сибири остаются почти неизученными.

Целью нашего исследования является восстановление исторических событий переселения русских из Северо-Восточного Китая в 1954–1955 гг. по программе освоения целинных и залежных земель и размещение их на сельскохозяйственных предприятиях в регионах Восточной Сибири. Восстановление исторических событий переселения из Китая на целину позволяет выявить и проанализировать связанные с этими событиями, как общие проблемы переселения государством больших групп населения, так и частные проблемы, возникшие в процессе переселения реэмигрантов. Для исследования мы выбрали два самых восточных региона Советского Союза из числа определенных советским правительством для размещения реэмигрантов-переселенцев. Это два самых больших региона Восточной Сибири – Красноярский край и Иркутская область. В советских документах русские переселенцы-реэмигранты были обозначены как «советские граждане, прибывшие из Китая» или «репатрианты» [2, с. 392]. Однако исследователь Л. В. Занданова наряду с понятием «репатрианты» использует понятие «реэмигранты», не смешивая их [2, с. 391]. Мы полагаем, что понятия репатрианты и реэмигранты близки друг к другу по своему содержанию, но понятие реэмиграция можно использовать шире, и оно лучше отражает историю переселения бывших российских и советских граждан (включая не утративших или вновь принявших советское гражданство) и их потомков из Китая в СССР в 1950-е гг. В 1954–1955 гг. имело место массовое добровольное переселение из Северо-Восточного Китая в регионы Сибири и Казахстана, поэтому для обозначения приехавших из КНР в СССР на освоение целины в эти годы правильнее всего называть переселенцы-реэмигранты.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе исторических источников, в том числе и впервые вводимых в научный оборот. В основе исследования делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Красноярского края (фонды П-26 «Красноярский краевой комитет КПСС» и Р-1374 «Управление агропромышленного комплекса администрации Красноярского края») и Государственного архива Иркутской области (фонд 127 «Иркутский обком КПСС»). В фондах представлены такие документы: «Маршрут следования эшелонов с переселенцами, следующих от ст. Отпор. Забайкальской ж. д.»², «Список о размещении Совграждан из Китайской Народной Республики по районам МТС края», «Отчет о хозяйственном и трудовом устройстве прибывших Советских граждан из Китайской Народной Республики на работу на МТС Красноярского края»³, «Список Граждан,

² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1374. Оп. 2. Д. 4219. Л. 53.

³ ГАКК. Ф. Р-1374. Оп. 2. Д. 4219. Л. 63.

прибывших из Китая в Первомайский Племовцесовхоз Балаганского района»⁴, «Список граждан, прибывших из КНР, и их хозяйственное устройство в МТС, совхозах, колхозах и других организациях области»⁵ и «Список граждан, прибывших на освоение целинных земель из КНДР»⁶ в Первомайский овцесовхоз»⁷. Важным дополнением являются источники личного происхождения, в первую очередь воспоминания самих реэмигрантов, рукописные или опубликованные в 1990-е гг.

Исследование выполнено на основе общенаучных и специальных методов исторического исследования. В частности, историко-описательный метод лежит в основе восстановления исторической картины событий, а историко-системный и историко-генетический методы позволили рассмотреть факты и проблемы в целостности, с выявлением причинно-следственных связей. Введение в научный оборот архивных документов и рукописных материалов из личных архивов позволили углубить и расширить круг проблем отечественной истории, связанных как с историей освоения целинных и залежных земель, так и репатриации русских из Китая.

Результаты исследования

Переселение русских из Китайской Народной Республики в Советский Союз и размещение их на советских сельскохозяйственных предприятиях – машинно-тракторных станциях (МТС) и совхозах на территории РСФСР и Казахстана – было регламентировано постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 711-329с. Массовое переселение русских из Китая в Советский Союз началось в конце мая – начале июня 1954 г. Выезд из Китая русскоязычного населения в середине 1950-х гг. можно назвать добровольно-принудительным, так как в сложившихся социально-экономических и политических реалиях КНР и советско-китайских отношений русско-советская община больше не могла сохранить привычный образ жизни и вынуждена была покинуть территорию Китая. Исследователи, сами в прошлом приехавшие в Россию из КНР, отмечали: «после передачи Китаю советским правительством прав на КЧЖД и другие советские и советско-китайские предприятия русских специалистов, совсем недавно востребованных в больших городах... и на станциях железной дороги, стал вытеснять китайский технический персонал. Обучение в Харбинском политехническом институте (ХПИ), готовившем кадры русских инженеров и экономистов, стало проводиться на китайском языке. Многие средние специальные учебные заведения были закрыты» [7, с. 92]. Немаловажную роль играл финансово-экономический фактор, так как в СССР можно было переехать бесплатно, а кроме того, переселенцы получали подъемные (3 000 рублей на семью и дополнительно по 600 рублей на человека). Для многих русских в Китае переезд в Советский Союз был единственной возможностью не только встретиться со своими родными, но и узнать об их судьбе.

Собственно выбор в качестве страны для переселения СССР был добровольным, и предложение выехать «на освоение целинных и залежных земель» пришло около

⁴ Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 2–10.

⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 43–48.

⁶ В документе опечатка, правильно – КНР.

⁷ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 49–52.

половины русских, другие же выехали в страны Запада. При выселении из Китая значительная, если не большая часть семей и коллективов родственников, была разделена. К примеру, один из сыновей бывшего атамана Енисейского казачьего войска А. Н. Тялшинского, депортированного из Китая в 1945 г. и находившегося в местах лишения свободы в Красноярском крае Г. А. Тялшинский приехал на освоение целины в Восточную Сибирь к отцу, а другой сын – Ф. А. Тялшинский вместе с матерью и своей семьей выехал в Австралию. Переезжали в Советский Союз в первую очередь молодые люди, родившиеся в Китае. Представители старшего поколения зачастую выжидали, например, в совхоз «Советская Хакасия» в 1955 г. переселились 12 человек семьи Банщиков, но их родители переехали из Китая в СССР лишь в 1967 г.

Согласно воспоминаниям известного активиста-общественника красноярца-реэмигранта С. В. Пятунина⁸, первая партия «целинников» выехала из Харбина в сторону советской границы в конце мая-начале июня 1954 г. Первый пассажирский вагон с выезжающими на целину из КНР, с товарным вагоном, на который был погружен багаж, был прикреплен к поезду Харбин-Маньчжурия 30 мая 1954 г. 31 мая отъезжал второй вагон, первого июня – третий. На станции Маньчжурия вся эта группа собралась в один эшелон в товарных вагонах, и переселенцев-реэмигрантов повезли в Красноярский край. «Санитарную обработку», то есть баню с дезинфекцией одежды, переселенцы прошли на станции Карымская под Читой. В соответствии с донесением начальника поезда Ф. К. Медведева 4 июня 1954 г. в Карымской баню прошли 372 человека «людского состава спец. контингента, следующего поездом № 751 со станции Отпор Забайкальской ж. д. до станции Красноярск Красноярской ж. д.»⁹. По пути следования в городах Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Нижне-Удинск, Красноярск делались остановки 3–4 часа, во время которых производились «прием горячей пищи, получение кипятка, воды и свечей»¹⁰, на промежуточных станциях можно было взять воду и кипяток.

По данным Н. Н. Аблажей, в июне 1954 г. в Красноярский край прибыли 175 семей в составе 460 человек. Кроме того, 75 семей (244 человек) были размещены в Иркутской области. Всего же на Восточную Сибирь в июне 1954 г. пришлось до 1/3 всех переселенцев-реэмигрантов из Китая [6, с. 105]. В июне 1954 г. переселенцы были размещены на 33 МТС в 23 районах Красноярского края. В каждой МТС было размещено от 2 до 9 семей, от 4 до 23 человек.

В воспоминаниях С. В. Пятунина дается такая картина событий: «Итак, мы просыпаемся от того, что наш вагон долго стоит и не движется. Откатываем дверь и обнаруживаем, что мы в тупике. Стоит утренняя тишина, кругом поле и ни одной посторонней души. Наш вагон не один, рядом стоит второй. Из него выходят люди. Спрашиваем друг друга: «Где мы?» Ответа нет. Через полчаса подъезжает к нам газик, подходит к нам человек и спрашивает, кто мы и откуда. Мы отвечаем, и он говорит нам, что скоро за нами приедут, мы ждем. Через некоторое время подъезжает много грузовых машин, и начинают искать «своих». Это была станция Крутояр

⁸ Машинописные материалы из коллекции С. В. Пятунина // Личный архив В. Г. Дацышена.

⁹ ГАКК. Ф. Р-1374. Оп. 2. Д. 4219. Л. 52.

¹⁰ Там же. Л. 53.

Ужурского района Красноярского края. Оказывается, что население нашего вагона, три семьи, определили в Сахаптинскую МТС Назаровского района, это за 110 км от станции. Грузят наши вещи и нас на них, и трогаемся в путь. О дороге говорить не будем. Часам к 10 вечера подвозят нас к конторе МТС, где встречают нас местные руководители, которые не знали, что к ним приедут и сколько. Принимается решение поселить нас временно в здание пустующей летом школы. Это пять отдельно стоящих деревянных изб на одной территории. Устраиваемся на ночлег и отдыхаем от длительного нахождения в пути»¹¹.

Следующая партия переселенцев из КНР приехала в СССР в июле-августе 1954 г. Об этом пишут исследователи, на это указывают и материалы личного происхождения. В письме заместителя министра сельского хозяйства СССР С. В. Кальченко секретарю Красноярского крайкома КПСС Н. Н. Органову говорилось о необходимости Ужурскому и Бородинскому племсовхозам подготовиться к принятию в июле-августе 1954 г. «40 семей советских граждан, изъявивших желание выехать из Китайской Народной Республики, на работу и постоянное жительство в Советский Союз»¹². Н. Н. Аблажей утверждает, что переселенцы из этой группы были размещены в совхозах. Больше всего репатриантов в июле-августе поступило в Красноярский край – 538 семей (2 382 человек), кроме того, 81 семья в составе 336 человек была размещена в Иркутской области [6, с. 105].

В документе «Справка О хозяйственном, трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших из Китайской Народной Республики»¹³ сообщается следующее: «В 1954 г. в МТС и совхозы Иркутской области из Китайской Народной Республики прибыло всего 156 семей советских граждан, в составе 598 человек, в т. ч. 324 человек трудоспособных»¹⁴. Эти цифры совпадают с данными из Российского государственного архива экономики, приведенными в работе Н. Н. Аблажей (156 семей, 590 человек) [6, с. 105]. Согласно этому документу, 142 человека трудоспособных переселенцев были размещены в 9 МТС области, 97 – в Балаганском овцесовхозе, 75 – в Ленинском племсвинсовхозе и 10 оказались в колхозах области¹⁵. В другом документе, «Список граждан, прибывших из КНР, и их хозяйственное устройство в МТС, совхозах, колхозах и других организациях области», были перечислены 11 МТС (Парфеновская, Ангинская. Нельхайская, Кутулинская, Алтарикская, Нукутская, Хомутовская, Бильчирская, Осинская, Уянская, Чеботарихинская)¹⁶. 50 семей были размещены на 5 фермах Первомайского овцесовхоза в Балаганском районе¹⁷; пять семей реэмигрантов – в колхозе «Ленинский путь» Куйтунского района.

В 1955 г. переселение из Китая на целинные и залежные земли в СССР продолжилось. В первой половине 1955 г., по сведениям Н. Н. Аблажей, в Красноярском крае разместили 101 семью в составе 489 человек и в Иркутской области – 72 семьи

¹¹ Машинописные материалы из коллекции С. В. Пятунина // Личный архив В. Г. Дацышена.

¹² ГАКК. Ф. П-26. Оп.26. Д. 4. Л. 67.

¹³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284 А.Е. Л. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 43–47.

¹⁷ Там же. Л. 49–52.

в составе 219 человек. Таким образом, на начальном этапе переселения из Китая на целину именно Красноярский край оказался в числе лидеров по приему переселенцев. А всего в течение полутора лет на территорию Красноярского края из КНР прибыл 3 331 человек. Иркутская область также приняла значительную часть переезжавших в СССР реэмигрантов.

Новые целинники размещались по всему краю, включая Хакасию. Будущий «заслуженный артист Узбекистана» Г. А. Мустафин в 1954 г. прибыл с мамой и сестрой в Крутойярский совхоз¹⁸. В июле 1954 г. несколько семей переселенцев привезли на станцию Ши́ра, а оттуда на машинах увезли в центральную усадьбу совхоза «Овцевод». В воспоминаниях одной из реэмигранток говорится: «7 апреля 1955 года нам были поданы вагоны... ехали больше 10 суток... Родители приехали на станцию Ужур Широ́нского района (*так в документе* – В. Д.), а мы 17 апреля прибыли в село Городок Минусинского района Красноярского края»¹⁹.

В новых исторических условиях начала «хрущевской оттепели» центральные и местные власти старались сделать переезд реэмигрантов и жизнь на новом месте максимально комфортным. Все сельскохозяйственные предприятия получили указания заранее подготовить жилье и рабочие места для переселенцев. А местным властям предписывалось обеспечить переселенцев литературой, периодикой, провести работу по ознакомлению с советским законодательством, организовать среди них общественно-политическую работу.

Переселенцы в СССР столкнулись с трудностями уже по пути следования по Сибири, для них многое было неожиданным и необычным. В воспоминании А. Е. Косаревой (Окулич) речь идет о том, какое тяжелое впечатление произвели бедность и разруха, увиденная реэмигрантами в Сибири, по пути следования на Запад²⁰. Свой переезд через Сибирь Н. И. Приступ описывает так: «Мы прибыли на станцию Маньчжурия, последний раз поели горячую пищу и мясо. На другой день переехали границу Союза... Из Китая ехали в спальных вагонах, а здесь в пульмане на нарах. Весь этот кошмар не хочется вспоминать»²¹.

На новых местах жительства переселенцы-реэмигранты зачастую не могли найти работу по специальности. В воспоминаниях С. В. Пятунина отмечается: «Самая сложная проблема возникла с трудоустройством. Большинство приехавших были люди интеллигентного труда. Какая им работа на селе? На покос с граблями или на сушилку зерно лопатить. Среди мужчин ни одного механизатора, в которых нуждалась целина. Инженеры – проектировщики, конструкторы – технологи, юристы, бухгалтеры, артисты и т. п. долго на общих работах задерживаться не стали. Пошли поиски работы по специальности. Стали разъезжаться с целины по крупным городам и искать работу по своим знаниям и способностям, чтобы принести пользу Родине»²².

¹⁸ На сопках Маньчжурии. 2015. № 190 (ноябрь). С. 7.

¹⁹ Плеханова Л. В. С любовью о прошлом и настоящем // На сопках Маньчжурии. 2015. № 188 (февраль-март). С. 3.

²⁰ Косарева (Окулич). Начало новой жизни // На сопках Маньчжурии. 2015. № 187 (январь). С. 3.

²¹ Приступ, Н. И. Воспоминания о моей семье // Русская Атлантида. № 50. Челябинск, 2014. С. 19.

²² Машинописные материалы из коллекции С. В. Пятунина // Личный архив В. Г. Дацышена.

В документах Иркутского архива называются специальности переселенцев и профессии, по которым они были устроены в совхозах и МТС. Например, М. Т. Ермолин, поселившийся в Первомайском племовцесовхозе, имел специальность шофер-тракторист и был трудоустроен трактористом, а М. В. Ключев в этом совхозе, имея специальности «маслодел-сыровар и музыкант», работал «на разных работах»²³; слесарь В. П. Толстоногов трудился плотником, а его жена – счетовод была принята на работу «уборщицей д/сада»²⁴. Переселенцам разрешалось работать по документам, полученным в КНР. Например, переселенец Сокус в Барлукской МТС работал шофером с правами, полученными в Китае. Власти Куйтунского района Иркутской области докладывали: «В основном все граждане получили работу по специальности»²⁵. По нашим подсчетам, в племовцесовхозе чуть меньше половины переселенцев были устроены на работу по специальности, с растениеводством эти занятия напрямую не были связаны, а многие работали пастухами и чабанами²⁶. В колхозе «Ленинский путь» Куйтунского района все переселенцы, независимо от профессии, трудились «на разных работах»²⁷. В целом же по Иркутской области, в соответствии с имеющимся обобщающим документом, большинство переселенцев было устроено на работу по специальности²⁸.

Однако, согласно «Справке О хозяйственном, трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших из Китайской Народной Республики», через полгода после приезда в назначенные места расселения далеко не все переселенцы-реэмигранты были обеспечены работой. К примеру, из общего числа проживавших в совхозах Иркутской области из 136 трудоспособных переселенцев обеспечены работой были только 95, а из 40 человек, направленных в различные организации, лишь 28 были трудоустроены²⁹. Проблема трудоустройства прежде всего касалась женщин, которые, как фиксируется в документах, «по разным причинам до сих пор на работу не устроены»³⁰. В «Справке О хозяйственном, трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших из Китайской Народной Республики» говорится: «Отдельные руководители МТС и совхозов проявляли неправильное отношение к прибывшим людям. Директор Балаганского овцесовхоза тов. Власов считал, что прибывшие в совхоз люди не имеют права требовать работу по специальности, а должны работать там, куда их пошлют»³¹.

Переселенцы нередко сталкивались с проблемами жилья и снабжения. Однако на основании донесений местных руководителей, уже в первые месяцы после прибытия на МТС и в совхозы подавляющее большинство переселенцев-реэмигрантов в Иркутской области было обеспечено отдельным жильем, продуктами питания, топливом. Большинству семей были выделены приусадебные участки. Дети были устроены в школы, оперативно решались вопросы обеспечения медицинской

²³ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 49–52.

²⁷ Там же. Л. 47.

²⁸ Там же. Л. 43–48.

²⁹ Там же. Л. 21.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же. Л. 17.

помощью. Переселенцы имели право получения кредита на индивидуальное строительство и приобретение скота.

В реальности же, если в МТС все семьи переселенцев и были обеспечены квартирами, но не все из этих квартир были подготовлены к зимним условиям. Имели место задержки с выдачей переселенцам советских паспортов. Власти также указывали: «Министерство финансов СССР запретило Областной конторе сельхозбанка производить выдачу кредита на строительство индивидуальных домов в IV квартале. Поэтому желающие семьи получить кредит на строительство дома сейчас, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 711-329с, не имеют возможности»³².

Вместе с тем в материалах личного происхождения сообщается о том, что многие переселенцы все же оказались без жилья. С. В. Пятунин в своих воспоминаниях пишет: «Подходит осень. Школу нужно освобождать. Селить некуда. Строился один дом, просто изба. Ее разделили на две квартиры и туда поселили две семьи инженеров, а нас перевезли на конный двор и поселили в амбар без единого окна. Мы были вынуждены искать частную квартиру. Сняли горницу в деревне»³³. В воспоминаниях прибывшей весной 1955 г. в село Городок Минусинского района Л. В. Плехановой говорится: «Полгода жили в одной комнате вместе с семьей из 8 человек»³⁴. На приобретение коровы переселенцам давалась ссуда в 1 500 руб., но среднерыночная цена коровы составляла 2 500–3 000 рублей.

В условиях социалистической экономики переселенцы-реэмигранты столкнулись с проблемой дефицита товаров. В делопроизводственных документах отмечалось: «валянки, сапоги и др. дефицитные товары продаются только на заготовку картофеля. У гр. прибывших из КНР нет в наличии картофеля...»³⁵.

Русские реэмигранты ехали в Советский Союз на освоение целинных и залежных земель. Вместе с тем часть из них по приезду в СССР не стала размещаться в назначенных им МТС и совхозах. В воспоминаниях харбинцев излагается: «Шеманский Алексей Леонидович приехал на целину в составе коллектива работников сценического искусства на станцию Абакан. Не приезжая в Бейский совхоз, куда их направили с границы, стали искать работу в театрах Абакана, с чем им повезло. Был принят почти весь коллектив. Часть артистов приняли Ачинский и Минусинский театры. Из остальных создали разъездную бригаду и на приспособленном грузовике отправили на гастроли по краю»³⁶. В воспоминаниях упомянутой выше Л. В. Плехановой можно прочесть: «Я работала и училась. Муж работал на стройке. Но все равно нас считали целинниками»³⁷.

Исследователи констатируют: «Большинство переселенцев, не встречая особых возражений со стороны руководства совхозов, расселялось по ближайшим городам, пробыв на целине в период уборки урожая от нескольких месяцев до года» [7,

³² ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 18.

³³ Машинописные материалы из коллекции С. В. Пятунина // Личный архив В. Г. Дацышена.

³⁴ Плеханова Л. В. С любовью о прошлом и настоящем // На сопках Маньчжурии. 2015. № 188 (февраль-март). С. 3.

³⁵ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 16.

³⁶ Машинописные материалы из коллекции С. В. Пятунина // Личный архив В. Г. Дацышена.

³⁷ Плеханова Л. В. С любовью о прошлом и настоящем // На сопках Маньчжурии. 2015. № 188 (февраль-март). С. 3.

с. 94]. А исследователь Л. П. Черникова указывает и на такое явление: «Так, в ноябре 1954 г. были зафиксированы довольно многочисленные случаи спешного избавления совхозов от грамотных и настойчиво требующих нормальных условий репатриантов (в первую очередь – от активно «качающих права»)» [8, с. 291].

Уже осенью 1954 г. более 15% размещенных в МТС и в совхозах Иркутской области переселенцев-реэмигрантов получили возможность сменить место работы. В «Справке О хозяйственном, трудовом и бытовом устройстве советских граждан, прибывших из Китайской Народной Республики» говорится: «В ходе проверки трудового устройства прибывших из КНР людей оказалось, что более 25 глав семей, имеющих квалификации: преподавателей иностранных языков, горных инженеров, экономистов по эксплуатации ж. д., закройщиков, корректоров, музыкантов, медицинских работников, артистов и др., которых использовать по специальности в МТС и совхозах не представлялось возможности, а переквалифицироваться на другие специальности они отказались. Поэтому 17 семей из совхозов и 4 семьи из МТС пришлось перевести в другие организации области и устроить на работу по специальности³⁸. В документах, к примеру, сделана такая запись: «Гр. Барри Владимир Андреевич, инженер, переселенческим отделом отозван на работу по специальности в гор. Иркутск»³⁹. Действительно, в 1954 г. советские власти в Сибири позволили одному из самых знаменитых русских профессоров Харбина, автору проекта знаменитого виадука, украшающего город недалеко от харбинского вокзала и заведующего кафедрой в Харбинском политехе, покинуть сельхозработы для того, чтобы возглавить кафедру в Иркутске [13, с. 779–803]. И другие специалисты переехали из совхозов в города Ангарск и Черемхово. Художник Н. Я. Кожевников из Чеботарихинской МТС был переведен в Куйтунский районный дом культуры, Д. Н. Люстрицкий из племсвинсовхоза перешел работать на завод в Иркутске. А Т. П. Костерева была назначена преподавателем в Областной отдел народного образования. Новую работу нашли железнодорожники. Уже осенью 1954 г. многие переселенцы-реэмигранты выехали из совхозов и поступили в высшие учебные заведения. Так, например, Тимофеев из Ленинского племсвинсовхоза поступил в Лесохимический институт в Новосибирске, А. Л. Костерева и Н. Андреева из того же совхоза – в Иркутский финансово-экономический институт. Бывший студент Харбинского политеха Трофимов был направлен в Новосибирский институт железнодорожного транспорта. Несколько человек осенью выехали из Иркутской области в другие регионы к детям: А. А. Чижова – к дочери в Красноярский край, Г. М. Ларин – к дочери в г. Новосибирск⁴⁰.

Заключение

История переселения реэмигрантов из КНР в регионы Восточной Сибири в 1954–1955 гг. является важной составляющей русской реэмиграции из Китая. Именно здесь были размещены первые переселенцы-реэмигранты. Будучи размещенными во всем земледельческом районе двух регионов, поселившись

³⁸ ЦДНИ ГАИО. Ф. 127. Оп. 45. Д. 284. Л. 16.

³⁹ Там же. Л. 21.

⁴⁰ Там же. Л. 48.

в большинстве МТС и в ключевых совхозах, они оказались значимой составляющей «освоения целины» в Красноярском крае и Иркутской области. При этом в истории переселенцев-реэмигрантов в Восточной Сибири отражается вся история возвращения русских эмигрантов из Китая в СССР в 1954–1955 гг. Здесь, в Восточной Сибири, как и в других регионах Советского Союза переселенцы-реэмигранты, несмотря на некоторые трудности с размещением, трудоустройством, снабжением и проч., сразу же относительно успешно обустроились. В воспоминаниях Л. В. Плехановой говорится: «Я работала и училась. Муж работал на стройке... Давали ссуду на строительство жилья, продавали дефицитные товары (швейные машины, продукты)»⁴¹. Непосредственно в Восточной Сибири реэмигранты из КНР в своем подавляющем большинстве не расселялись совместно с переселенцами из западных регионов СССР. Успешная адаптация была обусловлена целым рядом факторов, таких как отсутствие значительных языковых и культурных различий между переселенцами и местным населением, расселение маленькими группами, но в поселениях, недалеко расположенных друг от друга, что не препятствовало сохранению старых связей и не способствовало формированию замкнутых сообществ. Главным фактором успешности переселения реэмигрантов, очевидно, стали относительная свобода, предоставленная властями переселенцам, и готовность реэмигрантов принять новые условия жизни, встроиться в новое общество.

Формально переселение русских из Китая в СССР было включено программу освоения целинных и залежных земель. По сути же освоение целины явилось формальным прикрытием или оптимальным вариантом добровольной реэмиграции из КНР в Советский Союз в тех исторических условиях. Благодаря общей социально-экономической и политической ситуации в стране, складывавшейся после смерти И. В. Сталина, русские реэмигранты смогли реализовать свои способности по свободному выбору и внести значительный вклад в развитие экономики, науки, культуры и образования в Сибири. Тем не менее переселенцы-реэмигранты внесли значительный вклад и, собственно, в освоение целинных и залежных земель в Восточной Сибири. Позднее большинство из переселенцев-реэмигрантов получили медаль «За освоение целинных земель».

Список литературы

1. Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов / сост., авт. предисл. и ввод. ст. А. П. Осадчая, А. Л. Афанасьев, Ю. К. Баранов. 2-е изд., доп. Москва : Прогресс, 1987. 398 с.
2. Занданова, Л. В. Проблемы исследования репатриации граждан из Китая в СССР после Второй мировой войны (1946 – нач. 60-х гг.) // Восток и Россия: взгляд из Сибири : материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции, Иркутск, 16–18 мая 1996 г. / Иркутский государственный университет ; Администрация Иркутской области. Иркутск : ООО «Издательство Оттиск», 1996. С. 391–394. EDN [НКОАQE](#).
3. Занданова, Л. В. Репатриация граждан из Китая в СССР в 1947–1960 годы // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : Подготовительные материалы ко Второй Международной научно-практической конференции, Иркутск, 23–26 сентября 1997 г. Иркутск : Иркутский государственный педагогический институт, 1996. С. 183–204. EDN [PVUWKE](#).

⁴¹ Плеханова Л. В. С любовью о прошлом и настоящем // На сопках Маньчжурии. 2015. № 188 (февраль-март). С. 3.

4. Аблажей, Н. Н. Расселение репатриантов из Китая, Японии и Болгарии на территории Сибири во второй половине 1950-х гг. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.) : Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, Новосибирск, 19–20 июня 2003 г. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2003. С. 268–271. ISBN 5-94356-139-0. EDN [QOTBNB](#).

5. Аблажей, Н. Н. Реэмиграция из Китая на территорию России и Казахстана во второй половине XX в. // Этносоциальные процессы в Сибири : Тематический сборник. Материалы VI международного семинара, Улан-Удэ, 13–15 сентября 2001 г. / Под ред. Ю. В. Попкова. Выпуск 5. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2003. С. 82–87. EDN [MYZXZZ](#).

6. Аблажей, Н. Н. Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954–1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104–106. EDN [JQPYUZ](#).

7. Таскина (Кириллова), Е. П. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40–50-х годов XX века / Е. П. Таскина (Кириллова), И. А. Мухин // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91–99. EDN [KZUUGN](#).

8. Черникова, Л. П. Репатрианты из Китая: размещение в советских сибирских городах и селениях и проблемы адаптации // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований : материалы первой Всероссийской научной конференции, посвященной памяти А. В. Старцева (1956–2019), Барнаул, 29–30 октября 2020 г. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2021. С. 137–145. EDN [CXRBLY](#).

9. Новоселов, М. Ю. Проблемы занятости и трудоустройства русских реэмигрантов из Китая в 50-х гг. XX в. // Восток и Запад: история, общество, культура : сборник научных материалов I Международной заочной научно-практической конференции, 15 октября 2012 г. Красноярск : Красноярский краевой научно-учебный центр кадров культуры, 2012. С. 108–110. ISBN 978-5-9733-0045-6.

10. Новоселов, М. Ю. Реэмиграция из КНР на территорию Красноярского края (вклад реэмигрантов в развитие региона) // В мире научных открытий. 2013. № 9–1(45). С. 64–76. EDN [RLMEXR](#).

11. Новоселов, М. Ю. Русская реэмиграция из Китая на территорию Красноярского края в 1950-е гг. // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней : материалы IX Сибирского исторического форума, Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2022. С. 1152–1155. ISBN 978-5-7638-4737-6. EDN [LKUJQY](#).

12. Пискунов, С. А. Репатриация русскоязычного населения из КНР в сельскую местность РСФСР (опыт 1954 г.) // Общество и власть в СССР и постсоветской России : материалы Всероссийских научных чтений, посвященных памяти профессора Э. Н. Бурджалова, Москва, 17 мая 2013 г. Москва : Буки-Веди, 2013. С. 376–385. ISBN 978-5-4465-0386-5. EDN [TZZRRB](#).

13. Бочарова, З. С. Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) / З. С. Бочарова, М. В. Кротова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 4. С. 779–803. DOI [10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803](#). EDN [A1HXKB](#).

Сведения об авторе

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Красноярский научный центр Сибирского отделения РАН; профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Красноярск, Россия.

Контактная информация: e-mail: dazishen@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6471-8327](#); ПИНЦ SPIN-код: [2690-9973](#); Scopus Author ID: [53983902800](#).

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; принята в печать 14.01.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN PIONEERS OF VIRGIN LANDS FROM CHINA: RE-EMIGRANTS IN EASTERN SIBERIA IN 1954–1955

Vladimir G. Datsyshen

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Krasnoyarsk Scientific Center SB RAS; Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia
E-mail: dazishen@mail.ru*

For citation: Datsyshen, V. G. Russian Pioneers of Virgin Lands from China: Re-Emigrants in Eastern Siberia in 1954–1955. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 40–53. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.3).

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the resettlement of the Russian-speaking population of North-Eastern China to the regions of Eastern Siberia for the development of virgin and fallow lands. In 1954–1955, the leadership of the USSR organized the repatriation of the Russian-speaking population from the People's Republic of China to their historical homeland. The repatriation was formalized in the form of resettlement for the development of virgin and fallow lands, Russian re-emigrants arrived in the regions of Russia and Kazakhstan as virgin land settlers. The easternmost regions of the Soviet Union where the re-emigrants were settled were the Irkutsk Region and the Krasnoyarsk Territory. The study was conducted based on office documents stored in the regional archives of Eastern Siberia, as well as personal sources and the recollections of the re-emigrants themselves. The mass and voluntary relocation of Russians from the PRC to the USSR began after the adoption of the resolution of the CPSU Central Committee in 1954 "On the further increase in grain production in the country and on the development of virgin and fallow lands", but this issue was resolved at the level of Soviet-Chinese relations back in 1953. The settlers from the PRC made up only a few percent of the total number of virgin land settlers, and a significant part of them already in 1954–1955 left agricultural enterprises, practically not taking part in the development of virgin and fallow lands. The problems of preparing the repatriation of the Russian-speaking population to the USSR, as well as their actual participation in the development of virgin and fallow lands, indicate that resettlement to develop virgin lands was a form of repatriation, with a concomitant solution to the problems of developing virgin and fallow lands. The resettlement of re-emigrants from China became an important factor in the development of the Krasnoyarsk Territory and the Irkutsk Region, not only in terms of developing virgin and fallow lands in these regions. Resettlement to develop virgin lands turned out to be the optimal repatriation of Russians from China to their historical homeland in form and content.

Keywords: Russian re-emigrants, repatriation to the USSR, development of virgin and fallow lands, resettlement from North-Eastern China to Eastern Siberia

References

1. *Pochemu my vernulis' na Rodinu: Svidetel'stva reemigrantov [Why We Returned to Our Homeland: Testimonies of Re-Emigrants]* / compiled, foreword and introduction by A. P. Osadchaya, A. L. Afanasyev, Yu. K. Baranov. 2nd ed., supplemented. Moscow : Progress Publishing House, 1987. 398 p. (In Russ.).
2. Zandanova, L. V. Problemy issledovaniya repatriatsii grazhdan iz Kitaya v SSSR posle Vtoroy miro-voy voyny (1946 – nach. 60-kh gg.) [Problems of studying the repatriation of citizens from China to the USSR after World War II (1946 – early 60s)]. In: *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri [East and Russia: a view from Siberia]* : Materials and abstracts of reports for a Scientific and Practical Conference, Irkutsk, May 16–18, 1996 / Irkutsk State University; Administration of the Irkutsk Region. Irkutsk : Ltd Izdatelstvo Ottisk Publishing House, 1996. Pp. 391–394. (In Russ.).
3. Zandanova, L. V. Repatriatsiya grazhdan iz Kitaya v SSSR v 1947–1960 gody [Repatriation of citizens from China to the USSR in 1947–1960]. In: *Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost' [Relations between the peoples of Russia, Siberia and the countries of the East: history and modernity]* : Preparatory materials for the Second International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 23–26, 1997. Irkutsk : Irkutsk State Pedagogical Institute Publishing, 1996. Pp. 183–204. (In Russ.).
4. Ablazhey, N. N. Rasseleniye repatriantov iz Kitaya, Yaponii i Bolgarii na territorii Sibiri vo vtoroy polovine 1950-kh gg. [Resettlement of repatriates from China, Japan and Bulgaria in Siberia in the second half of the 1950s]. In: *Etnokul'turnyye vzaimodeystviya v Sibiri (XVII–XX vv.) [Ethnocultural interactions*

in Siberia (XVII–XX centuries)] : Abstracts of reports and communications of the International Scientific Conference, Novosibirsk, June 19–20, 2003. Novosibirsk : Novosibirsk State University Publishing, 2003. Pp. 268–271. ISBN 5-94356-139-0. (In Russ.).

5. Ablazhey, N. N. Reemigratsiya iz Kitaya na territoriyu Rossii i Kazakhstana vo vtoroy polovine XX v. [Re-emigration from China to the territory of Russia and Kazakhstan in the second half of the 20th century]. In: Etnosotsial'nyye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia] : Thematic collection. Materials of the VI International Seminar, Ulan-Ude, September 13–15, 2001. Ed. by Yu. V. Popkov. Issue 5. Novosibirsk : Novosibirsk National Research State University Publishing, 2003. Pp. 82–87. (In Russ.).

6. Ablazhey, N. N. Repatriants from Chinese Peoples Republic to the Virgin Lands Region (1954–1962). *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2008. No. 2. Pp. 104–106. (In Russ.).

7. Taskina, E. P., Mukhin, I. A. Destiny Of Russians Repatriated from China in 1940–1950th. *Far Eastern Studies*. 2009. No. 2. Pp. 91–99. (In Russ.).

8. Chernikova, L. P. Repatrianty iz Kitaya: razmeshcheniye v sovetskikh sibirskikh gorodakh i sel'nyakh i problemy adaptatsii [Repatriates from China: placement in Soviet Siberian cities and villages and adaptation problems]. In: *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy* [Siberia in the focus of historical, oriental and legal research] : Materials of the first All-Russian Scientific Conference Dedicated to the memory of A. V. Startsev (1956–2019), Barnaul, October 29–30, 2020. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Pp. 137–145. (In Russ.).

9. Novoselov, M. Yu. Problemy zanyatosti i trudoustroystva russkikh reemigrantov iz Kitaya v 50-kh gg. XX v. [Problems of employment and job placement of Russian re-emigrants from China in the 50s of the XX century]. In: *Vostok i Zapad: istoriya, obshchestvo, kul'tura* [East and west: history, society, culture] : Collection of scientific materials of the I International Scientific And Practical Conference, October 15, 2012. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk Regional Scientific and Educational Center for Cultural Personnel Publishing, 2012. Pp. 108–110. ISBN 978-5-9733-0045-6. (In Russ.).

10. Novoselov, M. Yu. Re-Emigration from China to the Territory of the Krasnoyarsk Region (Re-Emigrants Contribute to the Development of the Region). *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2013. No. 9–1(45). Pp. 64–76. (In Russ.).

11. Novoselov, M. Yu. Russkaya reemigratsiya iz Kitaya na territoriyu Krasnoyarskogo kraia v 1950-ye gg. [Russian re-emigration from China to the territory of Krasnoyarsk Krai in the 1950s]. In: *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremen do nashikh dney* [Peoples of Siberia and the Far East from ancient times to the present day] : Proceedings of the IX Siberian Historical Forum, Krasnoyarsk, September 14–16, 2022. Krasnoyarsk : Siberian Federal University Publishing, 2022. Pp. 1152–1155. (In Russ.).

12. Piskunov, S. A. Repatriatsiya russkoyazychnogo naseleniya iz KNR v sel'skuyu mestnost' RSFSR (opyt 1954 g.) [Repatriation of the Russian-speaking population from the PRC to the rural areas of the RSFSR (experience of 1954)]. In: *Obshchestvo i vlast' v SSSR i postsovetskoy Rossii* [Society and power in the USSR and post-Soviet Russia] : Proceedings of the All-Russian Scientific Readings dedicated to the memory of Professor E. N. Burdzhakov, Moscow, May 17 2013 Moscow: Buki-Vedi, 2013. Pp. 376–385. ISBN 978-5-4465-0386-5. (In Russ.).

13. Bocharova, Z. S., Krotova, M. V. The Harbin Polytechnic Institute as a Center of Russian Science and Education in China (1920–1950s) *RUDN Journal of Russian History*. 2019. Vol. 18, No. 4. Pp. 779–803. DOI [10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803](https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-779-803). (In Russ.).

Bio note

Vladimir G. Datsyshen, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia; Leading Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch RAS; Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

Contact information: e-mail: dazishen@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6471-8327](https://orcid.org/0000-0001-6471-8327); RSCI SPIN code: [2690-9973](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=53983902800); Scopus Author ID: [53983902800](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=53983902800).

Received on 22.10.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.4)

EDN [SQOZJY](https://edn.sqozjy.ru)

ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ И МИГРАЦИИ

Ахметова Г. Ф.

*Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан; Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
E-mail: aguldar@yandex.ru*

Утяшева И. Б.

*Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия
E-mail: ira.utiasheva2014@yandex.ru*

Для цитирования: Ахметова, Г. Ф. Пожилое население Башкортостана: социально-демографические характеристики, тенденции смертности и миграции / Г. Ф. Ахметова, И. Б. Утяшева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 54–75. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.4). EDN [SQOZJY](https://edn.sqozjy.ru).

Аннотация. В статье на примере одного из российских регионов – Республики Башкортостан, рассматривается актуальная социально-демографическая проблема современного общества – старение населения. Авторы, опираясь на данные официальной статистики, анализируют ряд социально-демографических характеристик пожилого населения: численность, возрастно-половую и брачную структуры; уровень детности, а также показатели смертности и миграции: ожидаемую продолжительность жизни населения; структуру смертности по причинам, возрастные коэффициенты смертности, возрастно-половую структуру мигрантов, уровень участия пожилого населения в разных направлениях миграции. Особенностью социально-демографической структуры пожилого населения являются: преобладание женщин; лиц, не состоящих в браке; значительная доля одиночных домохозяйств, которая имеет тенденцию к росту. На уровень смертности пожилого населения значительное влияние оказала пандемия коронавируса, перед которой старшие возраста оказались наиболее уязвимыми. Миграция пожилого населения характеризуется миграционным приростом лиц в возрасте 60–64 лет. Среди них преобладают те, кто возвращается на свою историческую родину из других российских регионов после завершения трудовой деятельности. Рост численности пожилого населения, высокий уровень хронических заболеваний в данной возрастной группе, увеличение доли одиноких пожилых людей обуславливают необходимость развития эффективной геронтологической службы в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: Башкортостан, старение, пожилое население, смертность, миграция

Введение

Старение населения, как процесс роста численности и удельного веса лиц старших возрастов, относится к необратимым глобальным общемировым демографическим тенденциям. По прогнозам ООН, к 2050 г. удельный вес людей старше 65 лет

составит в мире 16%¹. По данным ВОЗ, население в возрасте 60 лет и старше к этому времени достигнет численности более 2,1 млрд человек, т. е. увеличится вдвое по сравнению с 2020 г. и составит около 22%².

Существуют разные критерии измерения старения населения [1, с. 305]. Среди них наиболее распространенным является доля населения старше 60 или 65 лет в составе населения (коэффициент старения населения). В методике ООН в основе коэффициента старения лежит доля населения старше 65 лет, на основе которой разработана демографическая шкала. Согласно ей, население стран, регионов может быть охарактеризовано как молодое, если коэффициент старения ниже 4%; на пороге старости – от 4 до 7%, старое – выше 7% [2]. В 2020 г. коэффициент старения населения мира был равен 9% [3]. Наиболее высокие его значения – в странах Европы (в среднем 16%), Северной Америки (17%), Восточной Азии (14%)³.

Как ответ глобальному вызову роста пожилого населения Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд решений, которые были призваны обратить внимание мирового сообщества на проблемы старшего поколения: провозглашен Международный день пожилых людей (отмечается с 1991 г. 1 октября); приняты Политическая декларация и Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002 г.); объявлено Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.). В основе принятых ООН решений лежит идея активного долголетия, которая предполагает оптимизацию возможностей для поддержания здоровья, участия в жизни общества и обеспечения безопасности с целью повышения качества жизни по мере старения людей⁴.

Проблема демографического старения населения остро стоит и в России. Здесь, как и в большинстве стран, проводится политика поддержки пожилого населения. С 2016 г. действует «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.»⁵. В Национальный проект «Демография», который осуществлялся в России с 2019 по 2024 гг., был включен федеральный проект «Старшее поколение»⁶. Аналогичные региональные программы и проекты были приняты в субъектах страны, в т. ч. и в Республике Башкортостан⁷.

¹ World Population Prospects 2022. Summary of Results. New York : United Nations Publications, 2022. 52 p.

² ВОЗ: к 2050 г. число людей старше 60 лет удвоится; необходимы кардинальные социальные перемены // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. 30.09.2015. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/30-09-2015-who-number-of-people-over-60-years-set-to-double-by-2050-major-societal-changes-required> (дата обращения: 15.10.2024).

³ World Population Prospects 2022. Summary of Results. New York : United Nations Publications, 2022. 52 p.

⁴ Active Ageing. A Policy Framework. Geneva : World Health Organization, 2002. 60 p.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 05 февраля 2016 г. № 164-р // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71222816/> (дата обращения: 11.10.2024).

⁶ Старшее поколение // Портал «национальныепроекты.рф» : [сайт]. URL: https://национальные-проекты.рф/projects/demografiya/starstee_pokolenie/ (дата обращения: 11.10.2024).

⁷ Региональный проект «Реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение»» // Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан : [сайт]. URL: <https://mintrud.bashkortostan.ru/activity/16917/> (дата обращения: 11.10.2024).

Важными факторами, определяющими численность и состав пожилого населения наряду с рождаемостью, являются смертность и миграция. В последние годы в социальной, экономической жизни общества произошли события, которые отразились на их характере. В первую очередь это ситуация с пандемией COVID-19, а также усиление кризисных явлений в социальной, экономической жизни российского общества. В связи с этим актуальным становится исследование характера и направленности процессов смертности и миграции среди пожилого населения в течение последних лет. Целью статьи является рассмотрение данной проблемы на примере одного из российских регионов – Республики Башкортостан.

Обзор научной литературы

Важные характеристики старения как демографического процесса, факторы и последствия, которые им обусловлены, рассматривались в работах классиков отечественной и зарубежной демографии. А. Г. Вишневецкий отмечал, что старение населения – закономерный эволюционный процесс, тесно связанный с другими составляющими демографического перехода. Во многом он обусловлен как установлением контроля человека над наиболее опасными факторами смерти и резким снижением смертности, так и сокращением рождаемости. Ученый подчеркивал, что старение населения ведет к значительным изменениям в жизненном пути, в повседневной жизни, родственных связях старшего поколения и к другим последствиям [4].

А. Я. Боярский рассматривал старение как следствие влияния изменений в области воспроизводства на структуру населения, отмечая большее влияние фактора рождаемости, чем увеличение продолжительности жизни [5, с. 183]. Аналогичных взглядов придерживался А. Сови. Он, опираясь на данные о численности лиц старше 60 лет, акцентировал внимание на том, что процесс старения начался еще в конце XVIII века во Франции, которая отличалась от других стран низкой рождаемостью. Ученый утверждал, что рост доли стариков происходит не столько за счет взрослого населения, сколько за счет младших возрастов. Наряду с причинами и факторами старения, А. Сови рассматривал его прямые и косвенные последствия [6, с. 72, 77, 78].

Э. Россет, подробно анализируя структурные преобразования в результате старения населения в современных обществах в различных частях мира, рассматривал влияние рождаемости, смертности, миграции и войн на изменения в возрастной структуре населения. Им разработана шкала оценки уровня старости населения, в которой критерием оценивания является доля населения старше 60 лет. Россет подчеркивал «омолаживающее» влияние миграции на возрастную структуру городского населения в связи с притоком из села молодых селян [7, с. 461].

Проблему старения в контексте продолжительности жизни и снижения смертности исследовал Б. Ц. Урланис. По его мнению, существуют социальные и естественные условия, факторы и подфакторы, которые влияют на продолжительность жизни. Ученый признавал, что процесс физиологического старения может протекать под влиянием определенных неблагоприятных социальных условий и приводить к патологическому старению. Он выделял биологическое и социальное

долголетие, сближение которых, является одной из стратегических задач по prolongации жизни людей [8, с. 247, 269, 303].

Акцент на социальных факторах старения и долголетия делает в своих работах В. Г. Доброхлеб. Демографическое старение в России она расценивает как патологическое социальное старение населения, проявлением которого является высокий уровень хронической заболеваемости пожилого населения, невысокие показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни и др. [9]. В условиях пандемии коронавирусной инфекции пожилое население попало в группу особого риска и понесло наиболее ощутимые потери. Автор предлагает методологию по сохранению и улучшению ресурсного потенциала старшего поколения [10].

В ряде работ советских и современных российских исследователей проанализировано влияние миграции на старение населения. Как отмечал Ю. Т. Краснощек, взаимосвязь миграции и процессов старения достаточно сложна и не сводится только к явным, открытым последствиям. Им были выделены прямые (первичные) и косвенные (вторичные) формы воздействия миграции на возрастную структуру населения. В первом случае речь идет об изменении возрастной структуры вследствие миграции населения; во-втором – об изменении интенсивности рождаемости как следствия прямого воздействия миграции [11, с. 157].

Всесторонний и глубокий анализ влияния фактора миграции наряду с естественным движением населения на процессы демографического старения сделан А. В. Топилиным, О. Д. Воробьевой и их коллегами. Учеными на основе изучения данных по 19 государствам из разных регионов мира сделан вывод об ускоряющем или сдерживающем влиянии миграции на демографическое старение в зависимости от состава миграционных потоков, их направленности, ситуации в странах прибытия и выбытия мигрантов. Исследователями предложены шесть сценариев взаимосвязей естественного и миграционного прироста/убыли населения [1]. Говоря о России, ученые подчеркивают ее сильную региональную дифференциацию, проявление разных сценариев в региональном разрезе. Исходя из этого, ими разработана типология российских регионов по темпам старения и миграционному приросту [12].

Различные аспекты старения населения в Республике Башкортостан рассматривались Р. А. Галиным и его коллегами. Учеными исследовались социально-демографические, социально-экономические факторы и последствия старения [13]. Социологическая оценка специфики и основных проблем социального положения пожилых людей в современной России и Башкортостане дана М. С. Ахметовой в диссертационном исследовании [14]. Учеными-медиками исследуются вопросы заболеваемости и смертности пожилого населения республики [15; 16]. В данной работе анализируются проблемы естественного и миграционного движения пожилого населения Башкортостана, ранее не получившие подробного освещения в работах по исследуемому региону.

Методология и методы исследования, источники информации

В настоящем исследовании термины «пожилое население», «старшее поколение», «лица старших возрастов» используются как понятия-синонимы. К этой категории населения авторы относят лиц в возрасте старше 60 и 65 лет (в зависимости

от возрастных границ, которые обозначены в доступных для анализа статистических базах данных).

Учеными рассматриваются следующие социально-демографические характеристики пожилого населения: численность, возрастно-половая и брачная структуры, уровень детности. Тенденции смертности и миграции анализируются через такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, структура смертности по причинам, возрастные коэффициенты смертности; возрастно-половая структура мигрантов, уровень участия пожилого населения в разных направлениях миграции.

Авторы опираются на официальные данные Росстата, Башкортостанстата.

Результаты

Изменение численности и особенности социально-демографической структуры пожилого населения

Тенденции старения в России начались относительно позже, чем в европейских странах. Однако ее темпы в течение XX столетия нарастали стремительно. Если в 1926 и 1939 гг. доля лиц старше 65 лет в стране была равна 4,2%, то в 1959 г. достигла 5,9% и к 1970 г. перешла границу старости – 7,7%, а к 2024 г. составила более 17%. С такими же темпами происходил рост доли лиц пожилого возраста и в Республике Башкортостан, несмотря на его относительно низкие значения (рис. 1).

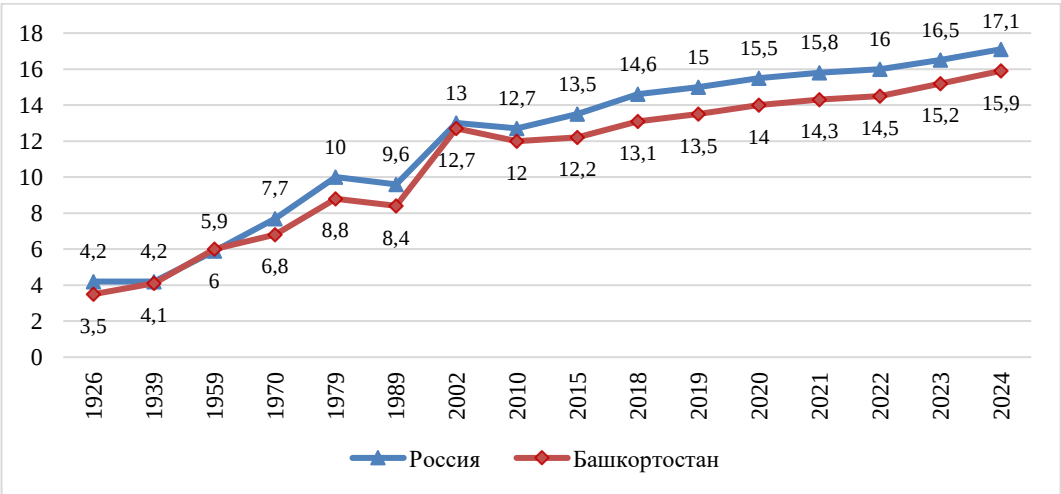

Рис. 1. Динамика удельного веса населения 65+ в России и Республике Башкортостан в 1926–2024 гг. (%)

Fig. 1. Dynamics of the proportion of the 65+ population in Russia and the Republic of Bashkortostan в 1926–2024 (%)

Примечание: за 1926–2010 гг. приведены данные по итогам переписей населения, за 2015–2024 гг. представлена текущая оценка на 1 января

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁸

⁸ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.10.2024).

О росте темпов старения в стране говорит увеличение значений таких показателей, как глубина старения (соотношение населения старше 80 лет к общей численности пожилого населения 65+) и индекс старости (соотношение людей в возрасте 65+ к детским и подростковым возрастам до 15 лет) [10].

В России наблюдаются значительные региональные различия в уровне демографического старения. На начало 2024 г. его наиболее высокие значения (более 21%) сложились в Тульской и Тамбовской областях; самые низкие (менее 7%) – в Республике Тыва, Чеченской Республике и Республике Ингушетия. В 54 субъектах РФ коэффициент старения колеблется в пределах 15–20%.

Как было отмечено выше, Башкортостан имеет относительно низкие значения старения, чем по стране в целом, и находится на 28 позиции среди субъектов страны. Общая численность лиц старше 60 и 65 лет в республике в начале 2024 г. составила 958,2 тыс. и 647,3 тыс. человек соответственно. Согласно прогнозам Росстата, к 2045 г. их удельный вес будет равен примерно 30 и 22,5% (табл. 1).

Таблица 1

**Отдельные показатели населения старше 60 лет в Республике Башкортостан
(на 1 января)**

Table 1

**Selected indicators of the population over 60 years in the Republic of Bashkortostan
(as of January 1)**

Показатели	2010*	2015	2022	2023	2024	2035	2045
Численность (тысяч человек)							
60 лет и старше	674,4	737,8	865,0	933,2	958,2	1 037,9	1 122,1
из них 65 лет и старше	488,1	506,5	593,8	618,2	647,3	813,8	842,3
Темп роста численности к предыдущему периоду (%)							
60 лет и старше	-	109,4	117,2	107,9	102,7	111,2	108,1
из них 65 лет и старше	-	103,8	117,2	104,1	104,7	125,7	103,5
Темп роста численности к 2010 г. (%)							
60 лет и старше	-	109,4	128,3	138,4	142,1	153,9	166,4
из них 65 лет и старше	-	103,8	121,6	126,6	132,6	166,7	172,6
Удельный вес в общей численности населения (%)							
60 лет и старше	16,6	18,0	21,0	22,9	23,6	26,7	29,9
из них 65 лет и старше	12,0	12,3	14,5	15,2	15,9	21,0	22,5
На 1000 мужчин приходится женщин							
60 лет и старше	1 839	1 754	1 625	1 571	1 564	1 551	1 561
из них 65 лет и старше	2 075	1 995	1 790	1 767	1 748	1 662	1 727

Примечание: по итогам ВПН-2010

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁹

Изменение в численности пожилого населения, которое происходило на фоне поэтапного расширения границ пенсионного возраста, повлияло на рост в регионе представленности пожилых в составе занятого населения (табл. 2). В возрастной группе 60–69 лет он в значительной степени связан с повышением пенсионного возраста у мужчин, границы которого выросли с 60 до 65 лет. Однако сравнение

⁹ Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 11.10.2024).

итогов двух последних переписей населения показывает увеличение численности занятых и среди лиц 65–69 лет. Если в 2010 г. их насчитывалось 6,8 тыс. человек или 7,4% от общей численности занятых, то в 2020 г. – 24 тыс. или 10,6%. В течение последних 13 лет в составе занятых сохраняется и представленность лиц старше 70 лет – на уровне 0,2% или в среднем 4–4,5 тыс. человек в год.

Таблица 2

**Динамика численности и доли пожилого населения в составе занятых
в Республике Башкортостан в 2018–2023 гг.**

Table 2

**Dynamics of the number and share of the elderly in the employed population
in the Republic of Bashkortostan in 2018–2023**

Годы	Тысяч человек		Доля в составе занятого населения	
	60–69 лет	70 лет и старше*	60–69 лет	70 лет и старше*
2010**	40,5	3,1	2,3	0,2
2018	61,1	4,7	3,2	0,2
2019	68,2	4,4	3,7	0,2
2020	78,1	5,6	4,3	0,3
2021	85,2	4,5	4,6	0,2
2022	92,1	4,3	4,9	0,2
2023	109,1	3,6	5,7	0,2

Примечание: * – по данным ВПН-2010 – лица 70–72 лет; ** – по данным ВПН-2010

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁰

Если говорить о социально-демографической структуре пожилого населения, то следует отметить, что она характеризуется, во-первых, более выраженной диспропорцией в соотношении мужчин и женщин, что обусловлено высокой мужской преждевременной смертностью. К 60 годам численное преобладание женщин над мужчинами достигает разницы в 1,5 раза (табл. 1). В 1970–1980 гг. она была значительно больше: на 1 тыс. мужчин приходилось более 2 тыс. женщин. Во многом это было обусловлено тем, что в возрастах 60+ находились поколения с высокими потерями мужчин в Великой Отечественной войне.

Половая диспропорция сильнее проявляется в городской местности: на 1 января 2024 г. на 1 тыс. мужчин в возрасте 60+ приходилось в городе 1 705 женщин, на селе – 1 393¹¹. Менее выраженная диспропорция на селе формируется в результате более высокой миграции сельских женщин в города в молодых и средних возрастах.

Во-вторых, социально-демографическая структура пожилого населения отличается особенностями показателей брачности. Это обусловлено как более ранней смертностью мужчин, так и различиями в численности мужчин и женщин в городе и на селе. В возрастных группах от 60 до 70 лет среди мужчин наблюдается самая

¹⁰ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

¹¹ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13284> (дата обращения: 01.10.2024).

высокая доля людей, состоящих в браке. Это может быть отражением большей ориентированности данных поколений на устойчивый брак, на его сохранение. Среди женщин доля состоящих в браке ниже, с одновременно высокой долей вдов, что также связано с относительно высокой преждевременной смертностью мужчин, и, как следствие, относительно узким брачным выбором женщин старших возрастов.

Уровень вдовства среди пожилых женщин в 3 и более раз выше, чем среди мужчин. В то же время за последний межпереписной период заметно повысилась доля вдовцов среди мужчин 50–60 лет, что может быть следствием, наряду с другими причинами, ковидных потерь.

Современной тенденцией для послевоенных поколений, в том числе и в возрасте 60+, является увеличение доли лиц, никогда не состоявших в браке. Кроме этого, больше становится официально разведенных и разошедшихся, как во всем населении, так и в старших возрастах. Повышение удельного веса данной категории характерно как для мужчин, так и для женщин, как для городского, так и для сельского населения. Но в городском населении эта тенденция проявляется в большей степени.

В-третьих, особенностью социально-демографической структуры населения 60+ является большое число частных домохозяйств, состоящих из одного человека. По итогам ВПН-2020 их число было равно 270,7 тыс., что составило 42,4% среди всех частных домохозяйств, состоящих из одного человека¹². Доля таких одиночных домохозяйств среди пожилого населения имеет тенденцию к росту: по сравнению с данными ВПН-2010 их стало больше на 65,4%. Домохозяйства с одним человеком чаще встречаются в сельской местности, а также больше характерны для женского населения. В 80% домохозяйств, состоящих из одного человека, проживают женщины в возрасте 75 лет и старше.

Стоит отметить, что фактором дальнейшего повышения числа и доли одиночных домохозяйств являются заметные изменения в репродуктивном поведении населения в последние 40–50 лет. Представительницы старших возрастов (70 и более лет) отличаются от своих дочерей и внучек более полной реализацией своего репродуктивного потенциала, особенно в сельской местности. По итогам ВПН-2010 на одну сельскую женщину 65 лет и старше приходилось более трех рожденных детей, тогда как у поколения их дочерей уровень детности упал до двух детей на одну женщину (сельские женщины 50–54 лет по итогам ВПН-2020). В городах детность также снижается от поколения к поколению, и сегодня в городе 50–54-летние женщины за весь свой репродуктивный период рожают в среднем менее 1,5 ребенка в расчете на одну женщину (рис. 2).

¹² Итоги ВПН-2020. Том 8 Число и состав домохозяйств // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyaistv (дата обращения: 01.10.2024).

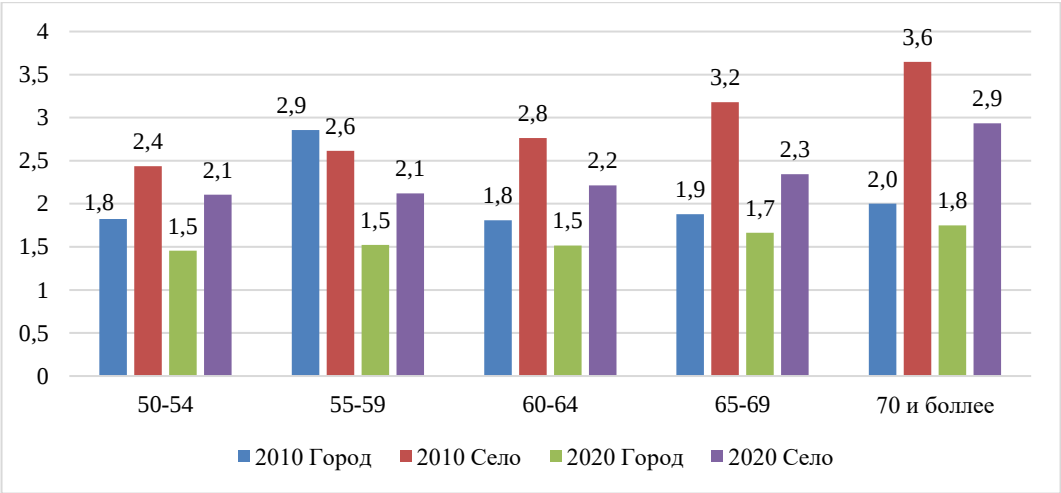

Рис. 2. Среднее число детей по возрастным группам женщин по Республике Башкортостан, по данным ВПН 2010, 2020 гг.
Fig. 2. The average number of children by age groups of women in the Republic of Bashkortostan, according to the Population Censuses of 2010, 2020
Источник: составлено авторами по данным Росстата¹³

Снижение уровня рождаемости повышает вероятность увеличения лиц, особенно женщин, которые в пожилом возрасте останутся одинокими, в том числе вследствие преждевременной смерти единственного ребенка. Также расширяется удельный вес женщин, которые к окончанию своего репродуктивного периода так и не родили ни одного ребенка (по разным причинам и обстоятельствам) (табл. 3).

Таблица 3
Число не родивших и родивших одного ребенка женщин в Республике Башкортостан, 2002–2020 гг., на 1 000 женщин соответствующего возраста

Table 3
The number of women who gave birth to no or one children in the Republic of Bashkortostan, 2002–2020, per 1 000 women of the corresponding age

Возраст, лет	Все население			Городское население			Сельское население		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Не родившие ни одного ребенка									
50–54	66	56	98	71	64	125	54	43	59
55–59	76	58	90	86	67	117	53	43	56
60–64	72	62	86	79	71	108	60	46	56
65–69	76	60	88	84	71	108	65	43	57
70 лет и более	93	66	85	93	73	107	93	59	53

¹³ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).
Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 01.10.2024).

Продолжение таблицы 3

Возраст, лет	Все население			Городское население			Сельское население		
	2002	2010	2020	2002	2010	2020	2002	2010	2020
Родившие одного ребенка									
50–54	196	181	301	237	231	389	94	101	181
55–59	200	178	263	252	178	344	81	99	159
60–64	162	191	231	219	242	299	72	98	137
65–69	147	168	225	200	227	285	75	78	132
70 лет и более	161	140	213	198	186	280	115	87	111

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁴

Основные тенденции в сфере смертности

В России негативное воздействие на смертность населения, в т. ч. и пожилого, оказала нестабильная социально-экономическая ситуация 1990-х гг., что проявилось в значительном снижении ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ). В среднем по стране дореформенный уровень ОПЖ, т. е. уровень 1990 г., был достигнут в 2011 г., в Башкортостане – в 2012 г. К 2023 г. значения ОПЖ во всех старших возрастах стали превышать показатели 1990 г.

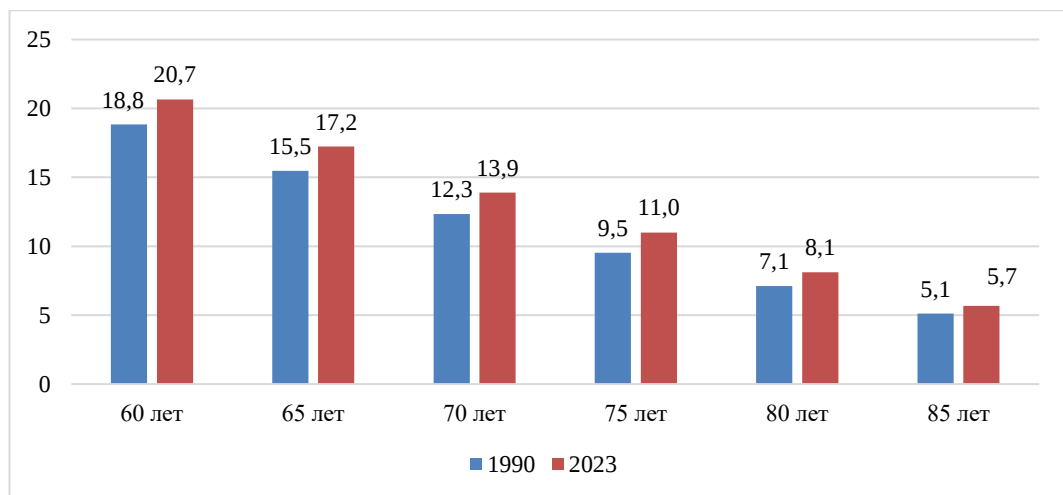

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни возрастных групп старше 60 лет в Республике Башкортостан в 1990 и 2023 гг.

Fig. 3. Life expectancy of age groups over 60 years in the Republic of Bashkortostan in 1990 and 2023

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁵

¹⁴ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁵ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

В России наблюдается значительная разница в ОПЖ мужчин и женщин с преобладанием показателя у последних. Эта разница имеет место среди всех возрастных групп старше 60 лет, но с возрастом она сокращается (рис. 4).

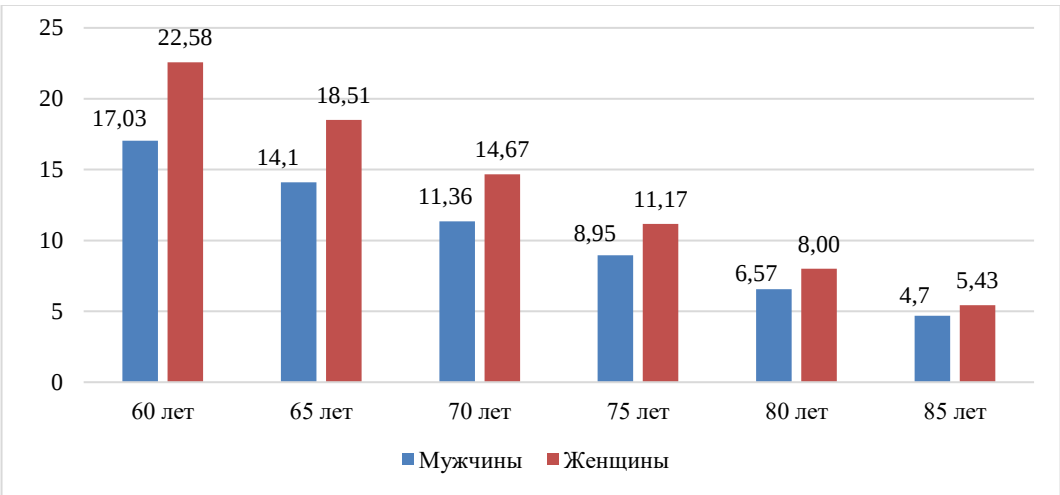

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин старших возрастов в Республике Башкортостан в 2022 г.

Fig. 4. Life expectancy of older men and women in the Republic of Bashkortostan in 2022

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁶

Как и во всем населении, среди лиц пожилого возраста уровень ОПЖ, как правило, выше в городе, чем на селе. Однако в 2020–2021 гг. в Башкортостане среди старших возрастов сложилась обратная картина: наблюдалось небольшое превышение значения ОПЖ сельчан. По итогам 2022–2023 гг. ситуация изменилась в пользу горожан.

Отдельного внимания заслуживает анализ изменений интенсивности смерти в старших возрастах в период пандемии коронавирусной инфекции и постпандемийные 2022–2023 гг. Расчеты возрастных коэффициентов смертности¹⁷ показывают, что в 2020–2021 гг. наиболее высокий рост смертности был среди лиц 65–85 лет. В 2022 г. у 60–80-летних наблюдались более низкие возрастные коэффициенты смертности по сравнению с 2019 г. (кроме возрастов 80 лет и старше). По итогам 2023 г. по всем старшим возрастам уровень смертности был ниже 2019 г. (табл. 4).

Старшее поколение в период пандемии оказалось более уязвимым не только перед прямым, но и косвенным воздействием COVID-19 и его осложнениями. Последнее во многом было связано с проблемой получения пожилыми

¹⁶ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁷ Возрастные коэффициенты смертности рассчитаны как отношение числа умерших в данном возрасте в течение календарного года к среднегодовой численности лиц данного возраста по текущей оценке. Эти коэффициенты характеризуют средний уровень смертности в каждой возрастной группе в календарном году.

своевременного лечения серьезных хронических заболеваний.

Таблица 4

**Темп роста возрастных коэффициентов смертности пожилого населения
в Республике Башкортостан в 2020–2023 гг. к 2019 г.**

Table 4

**The growth rate of the age-related mortality rates of the elderly population
in the Republic of Bashkortostan in 2020–2023 by 2019**

Возрастные группы	в % к 2019			
	2020	2021	2022	2023
60–64	122,2	131,1	93,7	93,12
65–69	122,0	139,1	90,2	89,09
70–74	133,1	154,4	97,2	92,65
75–79	127,0	147,0	91,4	83,15
80–84	129,4	144,6	101,6	95,51
85+	119,9	132,2	107,3	94,01

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁸

Наиболее пострадавшей от ситуации с пандемией оказалась женская часть пожилого населения. Темпы роста интенсивности смерти в 2020 г. у женщин 60–80 лет (в 2021 г. до 85 лет) заметно выше, чем у мужчин этого возраста. В результате у женщин наблюдалось более сильное падение значений ОПЖ при рождении.

С возрастом растет значимость основной причины смерти – от болезней органов кровообращения. По данной причине умирает почти 38% лиц в возрасте 60–64 лет и примерно 49% в возрасте 85 лет и более. С возрастом снижается смертность от новообразований. Так, если среди 60–69-летних она составляет 22%, то среди лиц в возрасте 85 лет и старше – около 4%. Достаточно устойчива смертность в разных возрастах от болезней органов дыхания и мочеполовой системы. Смертность от болезней эндокринной системы наиболее часто проявляется среди лиц 70–79 лет.

Для лиц старше трудоспособного возраста¹⁹ самой частой причиной смерти становятся болезни системы кровообращения (42,2%), далее следует смертность от новообразований (13,7%), затем – от болезней органов дыхания (7,9%) и эндокринной системы (7,5%). Смертность от этих причин среди пожилого населения выше, чем у более молодых возрастов. В то же время смертность от болезней органов пищеварения (4,8%) и внешних причин (2,7%) у пожилого населения представлена в меньшей степени, чем в других возрастных группах. Последняя является значимым фактором смерти среди лиц трудоспособного и младше трудоспособного возрастов (рис. 5).

¹⁸ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁹ В связи с тем, что с 2019 г. ежегодно меняются границы пенсионного возраста, сложно анализировать в динамике показатели, характерные для лиц трудоспособного и старше трудоспособного возрастов. Переходный период границ пенсионного возраста не дает возможность проводить корректный сопоставимый анализ социально-демографических процессов среди этих групп населения.

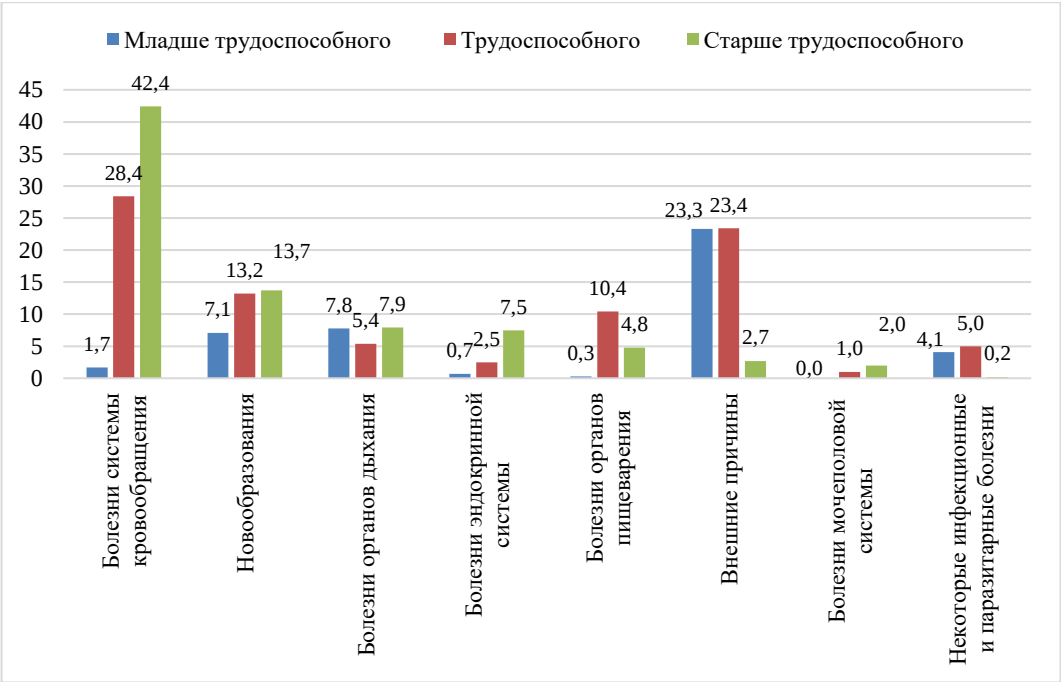

Рис 5. Структура смертности по причинам среди укрупненных возрастных групп в Республике Башкортостан в 2022 г. (%)

Fig. 5. The structure of mortality by causes among enlarged age groups in the Republic of Bashkortostan in 2022 (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата ²⁰

Стоит подчеркнуть, что в Башкортостане выше, чем в России уровень смертности от болезней органов дыхания, болезней эндокринной системы, расстройств питания и нарушения обмена веществ, болезней органов пищеварения, внешних причин. Одновременно республика отличается более низким уровнем смертности от болезней системы кровообращения и новообразований.

На основе такого показателя как ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ) можно определить до какого возраста проживет население страны или региона без каких-либо серьезных проблем со здоровьем, ограничивающих повседневную жизнедеятельность человека. В 2023 г. ОПЗЖ составляла в России 61,4 года, в Республике Башкортостан – 59,8 лет²¹. Это может означать, что с большой долей вероятности в Башкортостане каждый человек старше 60 лет не только не здоров, но и имеет какое-либо заболевание, влияющее на нормальную жизнедеятельность.

²⁰ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

²¹ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни // ЕМИСС. Государственная статистика : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59233> (дата обращения: 10.10.2024).

Показатель общей заболеваемости населения старше трудоспособного возраста (по обращаемости) в 2023 г. составил 3 163 случая на 1 000 населения данного возраста, или в среднем более трех хронических заболеваний на 1 человека²².

Пожилому населению в комплексной оценке его состояния и увеличении продолжительности жизни может и должна помочь гериатрическая служба. В Башкортостане, который вошел в число 7 пилотных субъектов по формированию такой службы на региональном уровне, в 2023 г. действовали Республиканский гериатрический центр, 44 амбулаторных гериатрических кабинета, 205 гериатрических коек в стационарном звене. Через гериатрическую службу получили помощь около 60 тыс. человек (55 тыс. человек амбулаторно и 5 тыс. человек стационарно) – 6,3% или каждый 16-й из жителей республики в возрасте 60+. В 2024 г. организованы гериатрические кабинеты в 14 многопрофильных стационарах²³.

Миграционные процессы. В последние годы наблюдается тенденция роста доли лиц в возрасте 60+ в составе как прибывших, так и выбывших мигрантов, среди которых они составляют от 7 до 9%. В структуре пожилых мигрантов наибольшая доля (около 38–40%) приходится на лиц в возрасте 60–64 года как на самую активную в миграционном отношении часть пожилого населения (рис. 6).

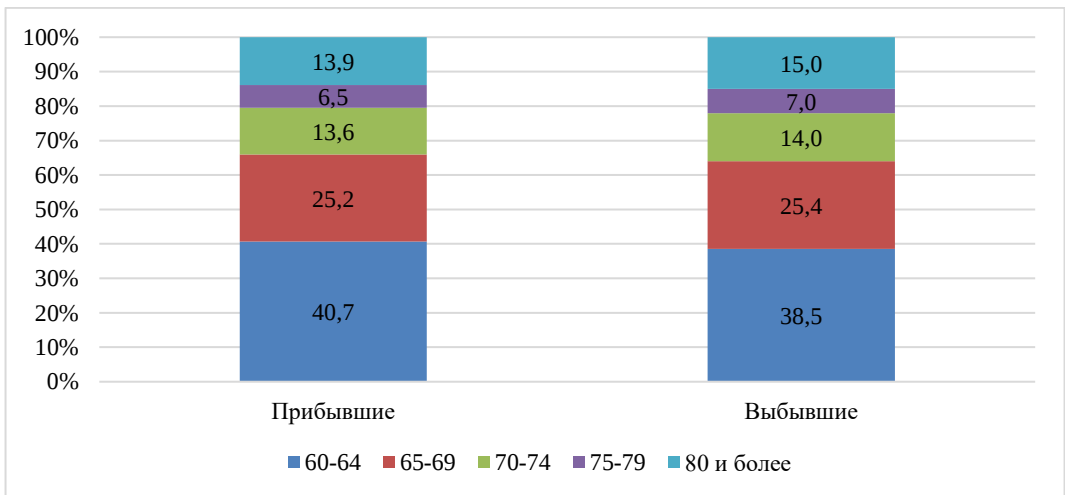

Рис. 6. Возрастная структура мигрантов старше 60 лет в Республике Башкортостан в 2018–2022 гг. (%)

Fig. 6. The age structure of migrants over 60 years in the Republic of Bashkortostan in 2018–2022 (%)

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁴

²² Здоровье населения и деятельность медицинских организаций Республики Башкортостан в 2023 г. Уфа : ГКУЗ РБ МИАЦ, 2024. 266 с.

²³ Специалисты гериатрической службы Башкортостана в 2023 году помогли 60 тысячам пациентов // Глава Республики Башкортостан : [сайт]. 29.07.2024. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/181267.html (дата обращения: 09.10.2024).

²⁴ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

Половая структура мигрантов старше 60 лет, во многом отражающая соотношение мужчин и женщин в данной категории населения в целом, характеризуется преобладанием последних. Среди 60–64-летних мигрантов мужчин 46–47%, женщин – 52–54%.

Для лиц старших возрастов, как и для всего населения Башкортостана, характерна более высокая миграционная активность в пределах республики, чем миграция в российские регионы. Так, в 2022 г. интенсивность внутрирегионального миграционного оборота составила среди них 15,3 на 1 000 человек населения, межрегионального – 9,3 (рис. 7).

Миграционный обмен в пределах Республики Башкортостан не только больше по своим масштабам, но и сильнее подвержен колебаниям. В течение 2011–2022 гг. его значения были в пределах 15–21 на 1 000 человек. Межрегиональная миграция носит стабильный характер и не имеет сильного разброса значений, держится на уровне 8–9 на 1 000 человек.

Рис. 7. Интенсивность межрегионального и внутрирегионального миграционного обмена лиц старше 60 лет в Республике Башкортостан, коэффициент миграционного оборота на 1 000 человек

Fig. 7. Intensity of interregional and intraregional migration exchange of persons over 60 years of age in the Republic of Bashkortostan, migration turnover coefficient per 1 000 people

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁵

Естественно, что по интенсивности миграционного движения пожилое население значительно уступает молодым возрастам. Расчеты коэффициентов внутрирегионального миграционного оборота показывают, как с возрастом происходит постепенное снижение миграционной активности населения, пик которой приходится на 15–19-летних, т. е. на выпускников школ. Интенсивность миграционного

²⁵ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

движения в пределах республики этой возрастной группы в 2018–2022 гг. была равна 140–160 на 1 000 человек, т. е. почти в 10 раз превышала активность пожилых лиц, у которых она колебалась в пределах 13–19 на 1 000 населения (рис. 8).

Среди пожилого населения наиболее высокие значения интенсивности миграционного движения характерны для лиц в возрасте 60–64 лет. В следующих двух возрастных группах миграционная активность снижается до 13–14 на 1 000 населения и затем после 80 лет несколько увеличивается. Такое возрастание миграционной активности самого пожилого населения, на наш взгляд, объясняется тем, что оно мигрирует вместе со своими детьми, которые осуществляют уход за своими престарелыми родителями.

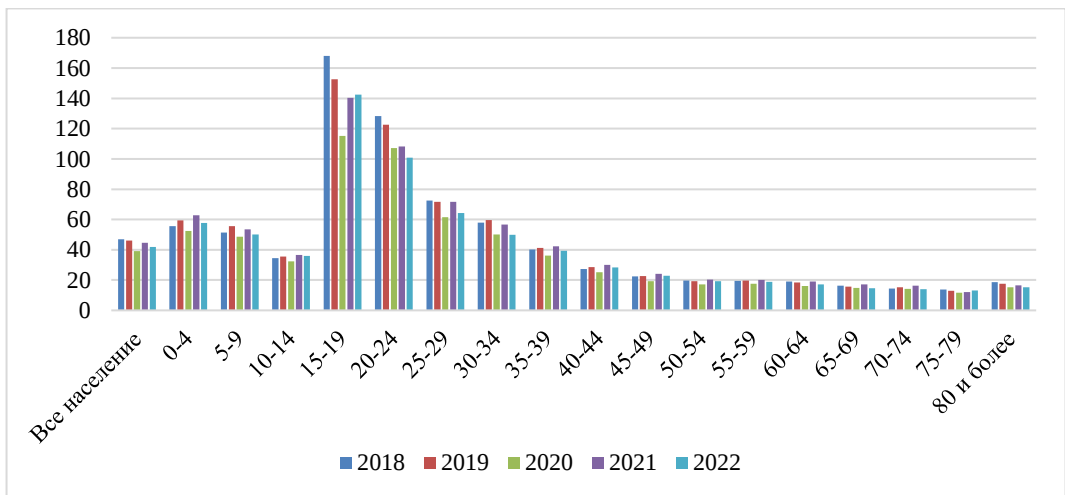

Рис. 8. Интенсивность внутрорегионального миграционного обмена отдельных возрастных групп Республики Башкортостан, коэффициент миграционного оборота, на 1 000 человек

Fig. 8. Intensity of intraregional migration exchange of certain age groups of the Republic of Bashkortostan, migration turnover coefficient, per 1 000 people

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁶

Республика Башкортостан относится к российским регионам, где в результате межрегионального миграционного обмена наблюдается ежегодная миграционная убыль населения. В течение последних двух десятилетий исключением явился только 2021 г., когда в результате снятия «антиковидных» ограничительных мер наблюдался межрегиональный миграционный прирост населения.

Сравнение показателей межрегионального миграционного прироста/убыли населения республики в возрастном разрезе показывает, что в период 2018–2022 гг. только в двух возрастных группах, 60–64 и 55–59 лет, наблюдался ежегодный миграционный прирост. По итогам 2022 г. он составил в данных возрастах около 9 на 1 000 населения. В указанных возрастных группах значительную часть

²⁶ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

составляют, на наш взгляд, так называемые «молодые пенсионеры», которые возвращаются в республику из других регионов России после завершения своей трудовой деятельности (рис. 9).

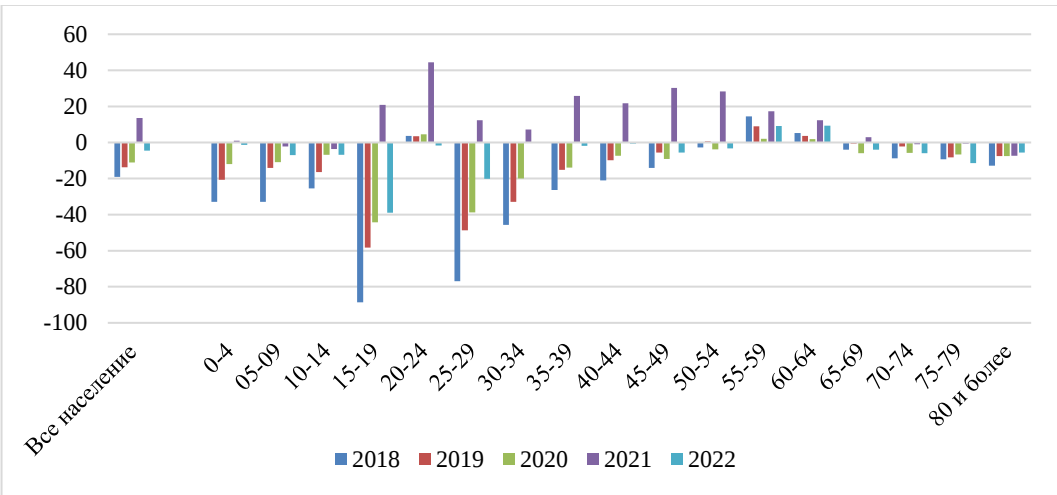

Рис. 9. Интенсивность межрегионального миграционного прироста/убыли отдельных возрастных групп Республики Башкортостан, на 1 000 человек
Fig. 9. The intensity of inter-regional migration growth/decrease of individual age groups Republic of Bashkortostan, per 1 000 people

Источник: составлено авторами по данным Росстата²⁷

Указанную тенденцию подтверждают данные статистики о возрастной структуре миграционного обмена Республики Башкортостан с некоторыми регионами РФ. Наибольшая доля мигрантов в возрасте 60+ прибывает в республику из северных регионов страны [17].

Относительно высокий приток «молодых пенсионеров» из российских регионов показали и результаты фокус-группового исследования среди экспертов в муниципальных образованиях республики. В ходе исследования представители практически каждого сельского района Башкортостана отмечали, что сельская местность является привлекательной для пожилых мигрантов, которые стремятся обустроиться на своей малой родине. При этом эксперты указывали на то, что они зачастую не регистрируются в Башкортостане по месту жительства, т. к. не хотят терять определенные льготы, которые они имеют как пенсионеры других регионов, что особенно характерно для пожилых мигрантов, прибывших из Тюменской области²⁸.

²⁷ Республика Башкортостан (Статистический справочник) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан: [сайт]. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/65480/document/65485> (дата обращения: 01.10.2024).

²⁸ Социологическое исследование «О миграционной ситуации в муниципальных образованиях Республики Башкортостан». Эксперты – главы городских и сельских поселений; представители администраций городских округов и муниципальных районов РБ. Территория охвата: 62 МО. Первый этап: фокус-групповое исследование экспертов. 18 фокус-групп, 112 поселений, 208 участников.

Говоря об интенсивности межрегионального миграционного прироста/убыли отдельных возрастных групп, нужно обратить внимание на крайне высокие показатели межрегиональной миграционной убыли молодых возрастов, особенно среди 15–19 и 25–29-летних. Миграционный прирост молодежи 20–24 лет, которая скорее всего представлена лицами, завершившими обучение в вузах и ссузах за пределами республики, в большей мере носит «виртуальный» характер и отражает не столько реальную картину, сколько автоматические возвраты мигрантов, учтенных как временно выбывшие из региона. Очевидно, среди них также наблюдается миграционная убыль, которая не отражается в статистике.

Сокращение числа молодежи в результате миграционного обмена с российскими регионами и одновременный прирост пожилого населения в результате такого обмена безусловно способствуют росту удельного веса старших возрастных групп, вносит определенный вклад в процессы старения населения Башкортостана.

Заключение

Возрастание числа и доли пожилого населения увеличивает вклад данной категории в демографические процессы в регионе, особенно в сферах смертности и миграции. Различия в численности поколений и постепенный рост продолжительности жизни обуславливает продолжение процесса демографического старения населения в ближайшие двадцать лет.

Социально-демографическая структура пожилого населения имеет свои особенности и характеризуется значительным преобладанием женского населения; большой долей лиц, не состоящих в браке, преимущественно среди женщин; ростом удельного веса одиночных домохозяйств, что особенно проявляется в возрастах старше 75 лет. Все эти явления в большей степени характерны для городского населения.

На фоне резкого снижения уровня детности, роста уровня окончательной бездетности в поколениях женщин, недавно вступивших или в ближайшее время вступающих в категорию 60+, неизбежно повысится доля пожилых лиц (как женщин, так и мужчин), которые не будут иметь традиционную для предыдущих поколений поддержку взрослых детей и внуков в связи с их отсутствием. Это повышает значимость развития (возможно реорганизации) существующей системы социальной помощи.

При наблюдающемся постепенном росте продолжительности жизни пожилого населения и снижении интенсивности смертности среди них, старшие возраста оказались наиболее уязвимыми перед пандемией COVID-19, в том числе с точки зрения ее косвенных последствий, связанных с проблемой своевременного лечения серьезных хронических заболеваний, которые свойственны большинству населения старших возрастов.

Масштабы участия пожилого населения в миграционном обмене Республики Башкортостан не столь значительны как в молодых возрастных группах. Они составляют менее десятой части как среди прибывших, так и выбывших мигрантов. По своему возрастно-половому составу мигранты старше 60 лет характеризуются преобладанием женщин, а также значительной представленностью лиц в возрасте 60–64 лет, среди которых наблюдается миграционный прирост населения. Так как

не все прибывшие мигранты регистрируются в республике, можно предположить, что реальные масштабы притока мигрантов пенсионного возраста в регион значительно выше, чем это показывает официальная статистика. Межрегиональный миграционный обмен, который способствует приросту пожилого населения и убыли молодого, выступает одним из факторов, способствующих росту численности лиц старших возрастов в составе населения республики.

Рост численности пожилого населения, высокий уровень хронических заболеваний в данной группе населения диктуют необходимость значительного расширения геронтологической службы для обеспечения комплексной врачебной помощи пожилому населению, развития различных форм их социальной поддержки.

Список литературы

1. *Топилин, А. В.* Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. / А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 302–319. DOI [10.47711/2076-318-2022-302-319](https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319). EDN [HIMPQG](https://www.edn.ru/HIMPQG).
2. *Демографическая энциклопедия* / гл. ред. А. А. Ткаченко. Москва : Энциклопедия, 2013. 944 с. ISBN 978-5-94802-051-8. EDN [YWVYAZ](https://www.edn.ru/YWVYAZ).
3. *Щербакова, Е. М.* Старение населения мира – взгляд из 2020 года // Демоскоп Weekly. 2020. № 879–880. С. 1–30. EDN [ORKZBS](https://www.edn.ru/ORKZBS).
4. *Вишневский, А. Г.* Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3.
5. *Боярский, А. Я.* Курс демографии / под ред. проф. А. Я. Боярского. Москва : Статистика, 1974. 454 с.
6. *Сови, А.* Общая теория населения. В 2-х т. Жизнь населений. Т. 2. Москва : Прогресс, 1977. 519 с.
7. *Россет, Э.* Процесс старения населения. Москва : Статистика, 1968. 509 с.
8. *Урланис, Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. Москва : Статистика, 1978. 309 с.
9. *Доброхлеб, В. Г.* Старение населения как фактор модели демографического перехода на примере современной России // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 67–73. EDN [QASGOF](https://www.edn.ru/QASGOF).
10. *Доброхлеб, В. Г.* Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 66–76. DOI [10.19181/population.2022.25.2.6](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6). EDN [SCLQUP](https://www.edn.ru/SCLQUP).
11. *Краснощек, Ю. Т.* Миграция и старение населения // Демографические процессы и их закономерности // под ред. А. Г. Волкова. Москва : Мысль, 1986. С. 155–169.
12. *Воробьева, О. Д.* Взаимосвязь миграции и демографического старения населения регионов России: анализ на уровне возрастных групп / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 2. С. 149–164. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-149-164](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-149-164). EDN [RBTPNA](https://www.edn.ru/RBTPNA).
13. *Галин, Р. А.* Старение населения: социально-экономические последствия / Р. А. Галин, Л. Л. Галина, Т. Р. Акмадиева // Вестник ВЭГУ. 2010. № 2 (46). С. 31–39. EDN [LMCNYR](https://www.edn.ru/LMCNYR).
14. *Ахметова, М. С.* Социальное положение пожилых людей в трансформирующемся российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Ахметова Марина Сергеевна; УГАТУ. Уфа, 2009. 19 с.
15. *Рахматуллин, Э. В.* Смертность лиц пожилого возраста от внешних причин в Республике Башкортостан / Э. В. Рахматуллин, Н. Х. Шарафутдинова // Российская академия медицинских наук. Бюллетень национального научно-исследовательского Института общественного здоровья. 2012. № 5. С. 109–111. EDN [PGPIWD](https://www.edn.ru/PGPIWD).
16. *Кондратьева, Ю. Е.* Анализ заболеваемости населения старше трудоспособного возраста в Республике Башкортостан в 2016–2020 годах / Ю. Е. Кондратьева, Л. А. Карасаева, В. С. Лучкевич, И. Ф. Тимербулатов, Д. Л. Логунов // Профилактическая и клиническая медицина. 2023. № 1 (86). С. 94–102. DOI [10.47843/2074-9120_2023_1_94](https://doi.org/10.47843/2074-9120_2023_1_94). EDN [HQXJLM](https://www.edn.ru/HQXJLM).

17. Ахметова (Хилажева), Г. Ф. Возрастная дифференциация межрегионального миграционного обмена Республики Башкортостан / Г. Ф. Ахметова (Хилажева), И. Б. Утяшева // Глобальные вызовы демографическому развитию. Сборник научных статей. В 2-х т. Т. 1. / ред. О. А. Козлова и др. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2022. С. 303–314. DOI [10.17059/udf-2022-3-1](https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-1). EDN [EGXQ](https://edn.ru/EGXQ).

Сведения об авторах

Ахметова (Хилажева) Гульдар Фаритовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан; главный специалист, Научная лаборатория социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: aguldar@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246); РИНЦ SPIN-код: [8427-0965](https://elibrary.ru/8427-0965); Web of Science Researcher ID: [ADT-6149-2022](https://orcid.org/ADT-6149-2022); Scopus Author ID: [55489625300](https://orcid.org/55489625300).

Утяшева Ирина Борисовна, научный сотрудник, Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Башкортостан.

Контактная информация: e-mail: ira.utiasheva2014@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6444-1452](https://orcid.org/0000-0001-6444-1452); РИНЦ SPIN-код: [2791-6610](https://elibrary.ru/2791-6610).

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; принята в печать 13.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE ELDERLY POPULATION OF BASHKORTOSTAN: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS, MORTALITY, AND MIGRATION TRENDS

Guldar F. Akhmetova

Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan; Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

e-mail: aguldar@yandex.ru

Irina B. Utyasheva

Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

e-mail: ira.utiasheva2014@yandex.ru

For citation: Akhmetova, G. F., Utyasheva, I. B. The Elderly Population of Bashkortostan: Socio-Demographic Characteristics, Mortality, and Migration Trends. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 54–75. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.4).

Abstract. Using the example of one of the Russian regions, the Republic of Bashkortostan, the article examines the current socio-demographic problem of modern society – the aging of the population. The authors, based on official statistics, analyze a number of socio-demographic characteristics of the elderly population: number, age-sex, marital structure; level of childbearing, as well as mortality and migration rates: life expectancy of the population; the structure of mortality by cause, age-related mortality rates, the age-sex structure of migrants, the level of participation of the elderly population in different areas of migration. A feature of the socio-demographic structure of the elderly population is the predominance of women, unmarried people, and a significant proportion of single households, which tends to grow. The coronavirus pandemic has had a significant impact on the mortality rate of the elderly population, to which the elderly are the most vulnerable. Migration of the elderly population is characterized by a migration increase in people aged 60–64 years. Most of them are those who return to their historical homeland from other Russian regions after completing their work. The growing number of the elderly population, the high level of chronic diseases in this age group, and an increase

in the proportion of elderly people living alone necessitate the development of an effective gerontological service in the Republic of Bashkortostan.

Keywords: Bashkortostan, aging, elderly population, mortality, migration

References

1. Topilin, A. V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S. Population Migration and Demographic Aging in Some Countries of the World and Russia for the Period 1960–2021. *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 20. Pp. 302–319. DOI [10.47711/2076-318-2022-302-319](https://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319). (In Russ.).
2. *Demograficheskaya entsiklopediya. [Demographic encyclopedia]*. Ed. by A. A. Tkachenko. Moscow : Encyclopedia Publ., 2013. 944 p. ISBN 978-5-94802-051-8. (In Russ.).
3. Shcherbakova, E. M. Stareniye naseleniya mira – vzglyad iz 2020 goda [The aging of the world's population – a view from 2020]. *Demoscope Weekly*. 2020. No. 879–880. Pp. 1–30. (In Russ.).
4. Vishnevsky, A. G. Pokhvala stareniyu [Praise of aging]. *Otechestvennyye zapiski [Domestic Notes]*. 2005. No. 3. (In Russ.).
5. Boyarsky, A. Ya. *Kurs demografii [Course of demography]*. Ed. by A. Ya. Boyarsky. Moscow : Statistics Publ., 1974. 454 p. (In Russ.).
6. Sovi, A. *Obshchaya teoriya naseleniya [General theory of the population]*. In 2 Vol. *Zhizn' naseleniy [The life of populations]*. Vol. 2. Moscow: Progress Publ., 1977. 519 p. (In Russ.).
7. Rosset, E. *Protsess stareniya naseleniya [The process of population aging]*. Moscow : Statistics Publ., 1968. 509 p. (In Russ.).
8. Uralnis, B. C. *Evolutsiya prodolzhitel'nosti zhizni [The evolution of life expectancy]*. Moscow : Statistics Publ., 1978. 309 p. (In Russ.).
9. Dobrokhleb, V. G. The Aging of the Population of Russia: Problems and Possible Directions of Increase of Longevity. *Sotsiologicheskii al'manakh [Sociological Almanac]*. 2012. No. 3. Pp. 67–73. (In Russ.).
10. Dobrokhleb, V. G. Demographic Aging in Russia and New Social Reality. *Population*. 2022. Vol. 25, No. 2. Pp. 66–76. DOI [10.19181/population.2022.25.2.6](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6). (In Russ.).
11. Krasnoshchek, Yu. T. Migratsiya i stareniye naseleniya [Migration and population aging]. *Demograficheskiye protsessy i ikh zakonomernosti [Demographic processes and their patterns]*. Ed. by A. G. Volkov. Moscow : Mysl' Publ., 1986. Pp. 155–169. (In Russ.).
12. Vorobyova, O. D., Topilin, A. V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S. The Relationship Between Migration and Demographic Aging of the Population of the RF Regions: Analysis at the Level of Age Groups. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 2. Pp. 149–164. DOI [10.24412/1561-7785-2024-2-149-164](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-149-164). (In Russ.).
13. Galin, R. A., Galina, L. L., Akmadieva, T. R. Ageing of Population: Social-Economic Repercussion. *Vestnik VEGU [Bulletin of the VEGU]*. 2010. No. 2 (46). Pp. 31–39. (In Russ.).
14. Akhmetova, M. S. *Sotsial'noye polozheniye pozhilykh lyudey v transformiruyushchemsya rossiyskom obshchestve [The social status of the elderly in a transforming Russian society]*. Abstract of the dissertation of the Candidate of Social Sciences: 22.00.04 / Akhmetova Marina Sergeevna; UGATU. Ufa, 2009. 19 p. (In Russ.).
15. Rakhmatullin, E. V., Sharafutdinova, N. H. Smertnost' lits pozhilogo vozrasta ot vneshnikh prichin v Respublike Bashkortostan [Mortality of the elderly from external causes in the Republic of Bashkortostan]. *Rossiyskaya akademiya meditsinskikh nauk. Byulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo Instituta obshchestvennogo zdorov'ya. [Russian Academy of Medical Sciences. Bulletin of the National Research Institute of Public Health]*. 2012. No. 5. Pp. 109–111. (In Russ.).
16. Kondratieva, Yu. E., Karasaeva, L. A., Luchkevich, V. S., Timerbulatov, I. F., Logunov, D. L. Analysis of Morbidity of the Population Older than Working Age in the Republic of Bashkortostan in 2016–2020. *Preventive and clinical medicine*. 2023. No. 1 (86). Pp. 94–102. DOI [10.47843/2074-9120_2023_1_94](https://doi.org/10.47843/2074-9120_2023_1_94). (In Russ.).
17. Akhmetova (Hilazheva), G. F., Utyasheva, I. B. Age Differentiation of Interregional Migration Exchange in the Republic of Bashkortostan. *Global'nyye vyzovy demograficheskomu razvitiyu [Global challenges to demographic development] Collection of scientific articles*. In 2 Vol. Vol. 1. Ed. by O. A. Kozlov et al.

Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, 2022. Pp. 303–314. DOI [10.47843/2074-9120_2023_1_94](https://doi.org/10.47843/2074-9120_2023_1_94). (In Russ.).

Bio notes

Guldar F. Akhmetova, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan; Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: gguldar@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246); RSCI SPIN code: [8427-0965](https://www.rsci.spin.ru/8427-0965); Web of Science Researcher ID: [ADT-6149-2022](https://orcid.org/ADT-6149-2022); Scopus Author ID: [55489625300](https://orcid.org/55489625300).

Irina B. Utyasheva, Researcher, Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Bashkortostan.

Contact information: e-mail: ira.utiasheva2014@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-6444-1452](https://orcid.org/0000-0001-6444-1452); RSCI SPIN code: [2791-6610](https://www.rsci.spin.ru/2791-6610).

Received on 17.01.2025; accepted for publication on 13.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.5)

EDN [TKAHNR](https://www.edn.ru/TKAHNR)

ИНОСТРАННЫЕ МИГРАНТЫ И КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Егорова А. И.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

E-mail: aidaego@mail.ru

Кондаков А. А.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

E-mail: aissen_ykt@mail.ru

Тимофеева М. Г.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

E-mail: mlapparova@mail.ru

Для цитирования: Егорова, А. И. Иностранные мигранты и криминальная активность в Республике Саха (Якутия) / А. И. Егорова, А. А. Кондаков, М. Г. Тимофеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 76–101. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.5). EDN [TKAHNR](https://www.edn.ru/TKAHNR).

Аннотация. В работе предлагается анализ этнодемографических данных об административных правонарушениях и уголовных преступлениях, совершенных мигрантами в Республике Саха (Якутия) в 2021–2023 гг. Применяя математический метод экспоненциального сглаживания, авторы статьи представили прогноз возможных преступлений мигрантов до 2030 г. Республика Саха (Якутия) является самым крупным регионом РФ; в пространственном отношении территориальную структуру хозяйства Республики образуют районы (улусы), объединенные в экономические зоны. С целью рассмотрения динамики преступлений, совершаемых мигрантами, ученые провели оценку этнодемографической ситуации по экономическим зонам Республики. В результате удалось выявить тенденцию к увеличению числа среднеазиатских и юго-восточных народов. За последние 20 лет сократилось количество распространенных до 2002 г. этнических групп, таких как белорусы, украинцы, молдаване, казахи, азербайджанцы. Наблюдается постепенный отток представителей славянской группы. В ходе анализа официальных статистических данных МВД РС (Я) было установлено, что значительное число преступлений совершают мигранты из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. В основном они совершают преступления по главам УК РФ – «нарушения против порядка управления» (37%), против собственности (28%), против жизни и здоровья (13%), против половой неприкосновенности (10%).

Ключевые слова: этнические группы, мигранты, миграционная политика, динамика правонарушений и преступлений, математический метод экспоненциального сглаживания

Введение

В условиях роста геополитической значимости Дальнего Востока и северных территорий укрепление и сохранение социальной стабильности, национальной безопасности и межнационального согласия, позитивное развитие всех народов и национальностей становится все более актуальным. В ближайшее время и на перспективу основными задачами национальной политики будут оставаться

дальнейшее сохранение стабильных межнациональных отношений и гражданского мира в регионе, совершенствование национально-государственных основ федерализма в России. Несмотря на целенаправленно реализуемую национальную и миграционную политику, эффективную пропаганду идей мирного сосуществования народов, принципов интернационализма, Республика Саха (Якутия) продолжает быть одним из этнических субъектов Российской Федерации, где допустим риск формирования организованных экстремистских националистических организаций, конфликтных ситуаций на национальной или религиозной почве. В условиях изменения политической ситуации в мире, обострения межнациональных конфликтов, усиления миграционных потоков, есть факты проявления негативных этнических стереотипов и предрассудков, ухудшения межэтнической ситуации, повышения этнической интолерантности и снижение доверия. Наличие же этнических конфликтов в Республике может негативно отразиться на инвестиционной привлекательности региона и на темпах решения социально-экономических задач в целом. Необходимо создать условия для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество; снизить количество конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений; создать условия и механизмы для эффективного претворения в жизнь государственной программы РФ «Реализация государственной национальной политики».

Республика Саха (Якутия) является самым крупным по площади регионом РФ, где проживает около 1 миллиона человек, соответственно плотность населения в ней одна из самых низких в стране. Административно-территориальное устройство представлено 34 муниципальными районами, 2 городскими округами, 48 городскими поселениями и 361 сельским поселением. В пространственном отношении территориальную структуру хозяйства Республики образуют районы (улусы), объединенные в экономические зоны, крупные территориальные образования, отличающиеся административно-территориальной общностью, географической близостью, схожестью природно-климатических условий, стабильностью границ, общностью транспортной и энергетической инфраструктуры, четко выраженной специализацией хозяйства на основе использования природных и социально-экономических условий территории, наличием общих экономических, социальных и культурных связей. Выделяют 5 экономических зон: арктическую (АЭЗ), восточную (ВЭЗ), западную (ЗЭЗ), центральную (ЦЭЗ) и южную (ЮЭЗ), каждая из которых имеет свои особенности, конкурентные преимущества и социально-экономические проблемы.

Проблема миграций и миграционных процессов в российском обществе всегда актуальна. В последние десятилетия изменилась цель миграционной политики российского законодательства: усиление борьбы с нелегальной миграцией и ее негативными последствиями – совершаемыми мигрантами преступлениями и правонарушениями [1, с. 3]. Невзирая на имеющиеся меры профилактики и борьбы с нарушениями законов, растет количество совершаемых преступлений внешними мигрантами. Особенно значима проблема совершения внешними мигрантами преступлений в национальных республиках России, поскольку они могут иметь резонансный характер и способствовать дестабилизации общественной ситуации.

Целью настоящей статьи является анализ этнодемографических данных, представленных в официальных источниках, материалов статистических данных МВД о правонарушениях и преступлениях трудовых мигрантов в Республике Саха (Якутия), а также прогноз динамики преступности среди мигрантов, направленный на разработку путей гармонизации межэтнических отношений и повышение национальной безопасности в Республике Саха (Якутия). Эти разработки будут представлены в дальнейших научных трудах авторов. Для расчета прогнозных данных применялся математический метод экспоненциального сглаживания, который использует все доступные исторические значения, но коэффициенты, определяющие вклад, убывают в прошлое по экспоненте, таким образом, более новые значения имеют более высокий вес.

Изучению проблемы совершения мигрантами правонарушений и преступлений на Дальнем Востоке посвящены исследования, С. Н. Мищук, Т. М. Комаровой [1], О. О. Громовой [2]. И. В. Никитенко проведен аналитический обзор преступности иностранных мигрантов в ДФО [3]. В работе Д. М. Винокуровой и А. Г. Томаска [4] проанализированы миграционные процессы в Республике Саха (Якутия). А. З. Асаналиевой и В. Д. Корниловым рассмотрена целесообразность привлечения в регион трудовых мигрантов из стран Средней Азии [5, с. 60–62]. В то же время малоизученными остаются вопросы миграционной преступности в Республике. Так, С. Г. Анисимовой исследовалась специфика криминогенной ситуации и особенно миграции граждан Китая в Якутию, поставлена проблема девиантологических аспектов миграции [6, с. 140].

Оценка этнодемографической ситуации по экономическим зонам Республики Саха (Якутия)

Каждая экономическая зона существенно отличается по основным социально-экономическим показателям и социальным условиям, неравномерностью распределения населения, уровню доходов, доступностью транспорта и развитостью инфраструктуры: огромная территория, суровые климатические условия, низкая плотность населения, отдаленность и транспортная недоступность АЭЗ и ВЭЗ, узкая специализация с преобладанием добывающих отраслей, недостаточно развитое производство ЗЭЗ и ЮЭЗ, сельскохозяйственная направленность ЦЭЗ и высокая концентрация населения в столице. Население внутри региона и между экономическими зонами гетерогенно, неодинаково по составу, имеется диспропорция распределения трудовых ресурсов, его переизбыток в ЗЭЗ и ЦЭЗ, недостаток в ВЭЗ и АЭЗ. Если представители этнического большинства – якуты и русские – находятся в относительно благоприятном положении, то уровень и качество жизни представителей малочисленных народов существенно разнятся. На рис. 1 представлена карта распространенных этнических групп по экономическим зонам.

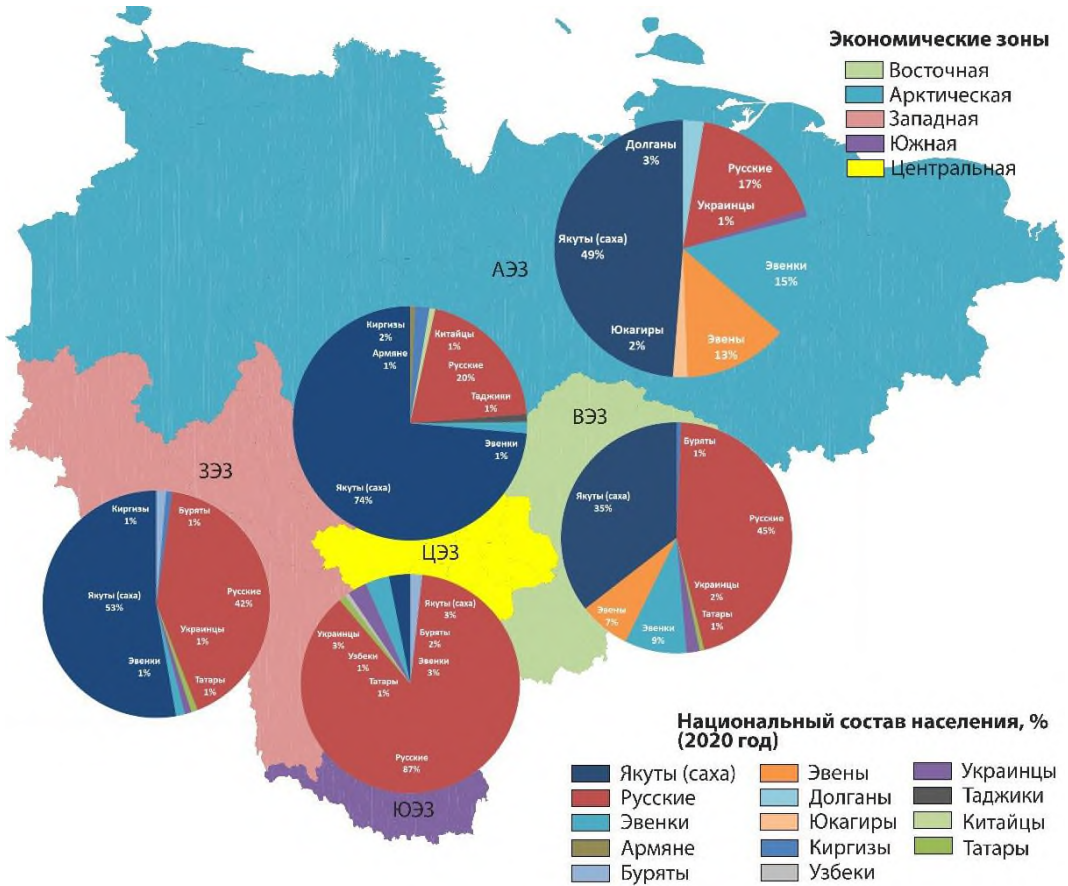

Рис. 1. Карта распределения этнических групп по экономическим зонам, 2020 г.

Fig. 1. Map of distribution of ethnic groups by economic zone, 2020

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹

В Республике Саха (Якутия) проживают представители 134 этнических групп (по данным за 2020 г.), в 2002 г. насчитывалась 141 группа, в 2010 г. – 125, в 1989 г. – 114, в 1979 г. – 108, в 1970 г. – 104 этнических группы, т. е. на протяжении полувека (и даже более лет) Якутия представляет собой самый полиэтнический, многонациональный регион Российской Федерации. В 2020 г. наиболее многочисленной была группа этнического большинства (74,95%), в т. ч. якуты (47,1%), русские (27,8%); этническое меньшинство составляло 4,2%, в т. ч. эвены (2,44%), эвены (1,32%); остальное население составляли иные этнические группы, в т. ч. киргизы (1,13%), украинцы (0,72%), буряты (0,66%), таджики (0,56%), татары (0,43%), узбеки (0,35%) (табл. 1).

¹ Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasias> (дата обращения: 24.06.2024).

Таблица 1

**Количество представителей наиболее распространенных этнических групп
ближнего и дальнего зарубежья в ЯАССР и Республике Саха (Якутия),
по данным переписей 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 гг.² (человек)**

Table 1

**The number of representatives of the most common ethnic groups of the near and far
abroad in the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic and the Republic of Sakha
(Yakutia) according to the Censuses of 1970, 1979, 1989, 2002, 2010, 2020 (people)**

Этнос	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Азербайджанцы	197	436	1 758	2 293	2 040	1 706
Армяне	388	707	1 138	2 764	3 691	3 904
Белорусы	4 090	6 769	9 900	4 236	2 527	891
Казахи	238	502	1 760	1 525	1 338	1 121
Киргизы	38	152	566	1 454	5 022	11 203
Китайцы	420	329	329	891	926	3 544
Таджики	18	239	260	1 105	2 696	5 620
Узбеки	172	379	780	1 207	3 332	3 491
Украинцы	20 253	46 326	77 114	34 633	20 341	7 169

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Анализ распространенности этнических групп, представляющих дальней и ближнее зарубежье, показал, что больше всего во всех экономических зонах насчитывается украинцев, армян, белорусов и киргизов. В АЭЗ в 2002 и 2010 гг. это были украинцы, белорусы, в 2020 г. – украинцы, киргизы. В ВЭЗ в 2002 г. были распространены украинцы, белорусы, в 2010 г. – украинцы, белорусы, армяне, в 2020 г. – украинцы, узбеки. В ЗЭЗ в 2002 г. было больше украинцев, белорусов, азербайджанцев, киргизов, казахов, армян, в 2010 г. – украинцев, киргизов, азербайджанцев, казахов, узбеков, таджиков, армян, в 2020 г. – украинцев, киргизов, азербайджанцев, казахов, узбеков, таджиков. В ЦЭЗ в 2002 г. были распространены украинцы, армяне, белорусы, китайцы, азербайджанцы, таджики, киргизы, казахи, узбеки, в 2010 г. – украинцы, киргизы, армяне, татары, узбеки, таджики, китайцы, белорусы, азербайджанцы, в 2020 г. – киргизы, таджики, китайцы, армяне, узбеки, украинцы. В ЮЭЗ в 2002 г. было больше украинцев, белорусов, в 2010 г. – украинцев, белорусов, азербайджанцев, узбеков, армян, казахов, в 2020 г. – украинцев, узбеков, азербайджанцев, армян, киргизов, таджиков (табл. 1, рис. 2–5).

С 2002 по 2020 г. количество украинцев сократилось в АЭЗ и ВЭЗ в 6 раз, в ЗЭЗ в 5 раз, в ЮЭЗ 4 раза, в ЦЭЗ в 4,4 раза; число белорусов уменьшилось во всех экономических зонах (рис. 2). Количество азербайджанцев немного сократилось во всех экономических зонах, число армян увеличилось в ВЭЗ, ЦЭЗ, ЮЭЗ (рис. 3). Количество киргизов, таджиков, узбеков выросло, а число казахов уменьшилось во всех экономических зонах; количество киргизов увеличилось в ЦЭЗ в 16 раз, в ЗЭЗ

² Переписи населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39635> (дата обращения: 24.06.2024).

³ Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasias> (дата обращения: 24.06.2024).

в 4 раза, в ЮЭЗ в 2 раза (рис. 4). Число китайцев сократилось во всех экономических зонах, кроме ЦЭЗ. Здесь количество китайцев выросло в 4,5 раза (рис. 5).

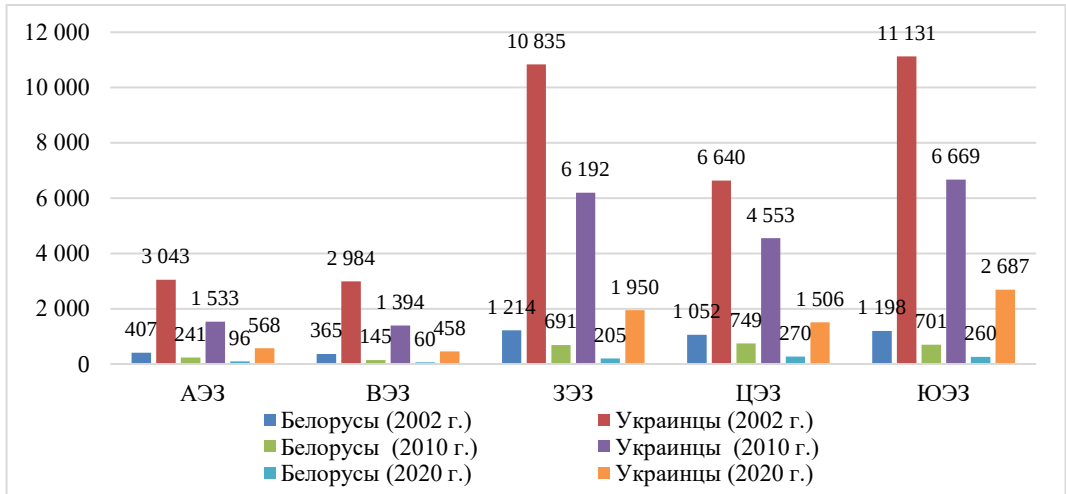

Рис. 2. Представленность украинцев и белорусов по экономическим зонам в 2002, 2010 и 2020 гг. (человек)

Fig. 2. Representation of Ukrainians and Belarusians by economic zones in 2002, 2010, 2020 (people)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴

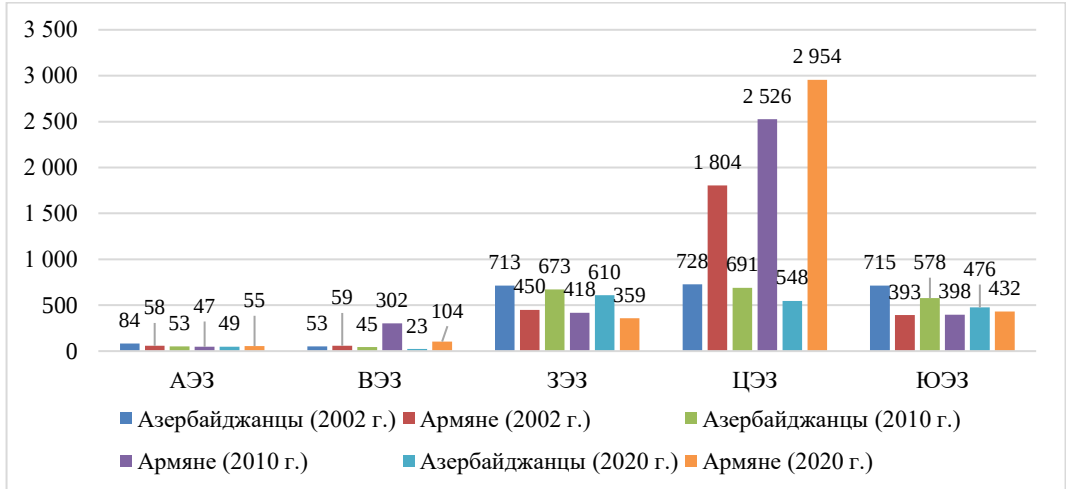

Рис. 3. Представленность армян и азербайджанцев по экономическим зонам в 2002, 2010 и 2020 гг. (человек)

Fig. 3. Representation of Armenians and Azerbaijanis by economic zones in 2002, 2010, 2020 (people)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵

⁴ Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 24.06.2024).

⁵ Там же.

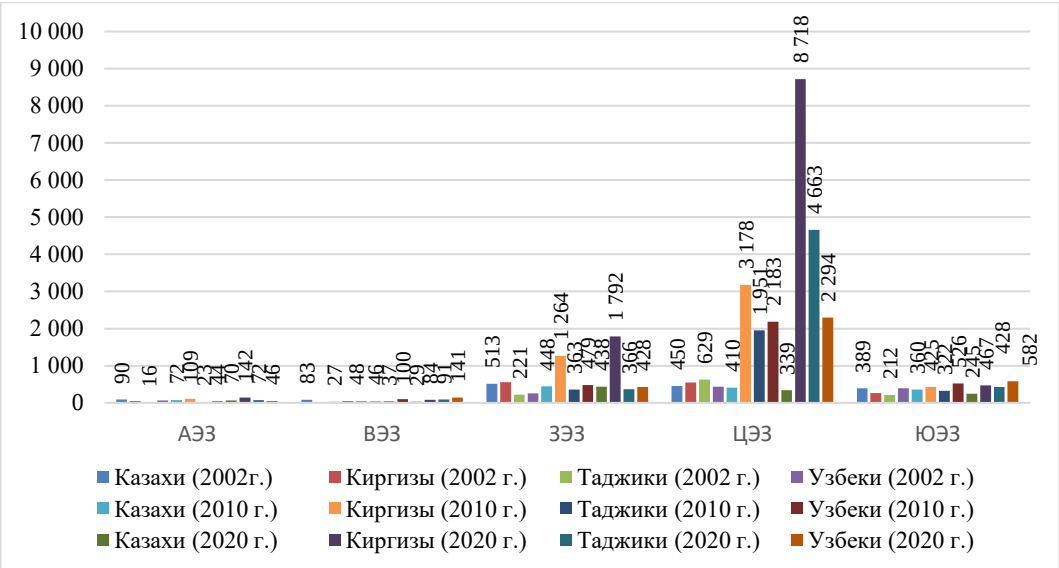

Рис. 4. Представленность казахов, киргизов, узбеков и таджиков по экономическим зонам в 2002, 2010 и 2020 гг. (человек)
Fig. 4. Representation of Kazakhs, Kyrgyz, Uzbeks and Tajiks by economic zones in 2002, 2010, 2020 (people)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

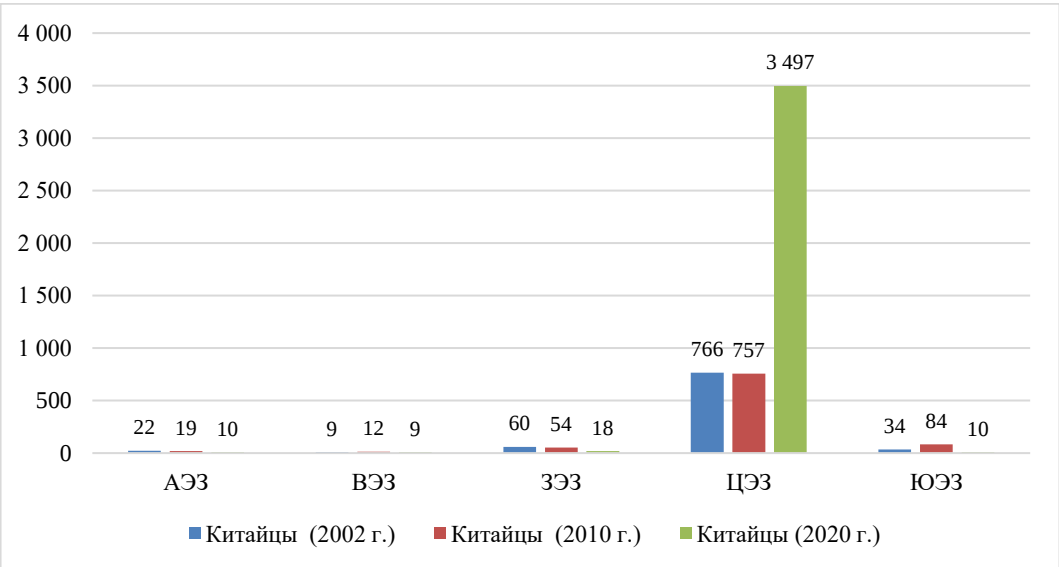

Рис. 5. Представленность китайцев по экономическим зонам в 2002, 2010 и 2020 гг. (человек)
Fig. 5. Representation of Chinese by economic zones in 2002, 2010, 2020 (people)

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

⁶ Миграция // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 24.06.2024).

⁷ Там же.

Таким образом, наблюдается тенденция увеличения числа среднеазиатских и юго-восточных народов и уменьшения количества славянских, северокавказских народов (азербайджанцев). С 1970 г. число таджиков выросло в 312 раз, киргизов в 295 раз, узбеков в 21 раз, армян в 10 раз, азербайджанцев в 8,6 раз, китайцев в 8,4 раза, казахов в 4,7 раз, бурятов в 3 раза, башкир в 2 раза; сократилось количество белорусов в 4,5 раз, украинцев в 2,8 раз, татар в 1,8 раз, корейцев в 1,3 раза. За последние 20 лет увеличилось количество киргизов, таджиков, узбеков, китайцев, армян (табл. 1). За последние 20 лет сократилось количество распространенных до 2002 г. этнических групп – белорусов, украинцев, молдаван, казахов, азербайджанцев, т. е. наблюдается постепенный отток славянской группы народов.

Правонарушения мигрантов по экономическим зонам Республики Саха (Якутия)

Правонарушения – это неправомерное и противоправное поведение людей (обязательно дееспособных), которое противоречит установленным обществом правилам и нормам. Понятие «правонарушение» включает в себя совершение не только преступлений, но и проступков. В свою очередь, проступки делятся на административные, гражданские и дисциплинарные деяния.

Иностранные граждане прибывают в Республику Саха (Якутию) с целью заработка (трудовые мигранты), с целью частной поездки, обучения или в связи с политической нестабильностью (беженцы). Стоит отметить, что число трудовых мигрантов постоянно меняется, поскольку время их пребывания может быть ограничено, то есть какое-то количество мигрантов встает на миграционный учет, некоторые с учета снимаются и покидают Республику (согласно российскому законодательству, трудовые мигранты могут находиться в стране, пока не истечет срочный трудовой договор). Иностранные граждане, прибывшие в регион с целью получить образование, остаются в Республике до окончания процесса обучения. В имеющихся статистических показателях и отчетах МВД РС (Я) отражены сведения о совершении преступлений и правонарушений трудовых мигрантов, незаконных мигрантов (нарушившие правила прибытия и пребывания в стране) и беженцев, поэтому далее в статье мы объединили перечисленные категории в одну – «мигранты».

Согласно статданным Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия), в 2022–2023 гг. преступления и правонарушения совершали как мужчины (91%), так и женщины (9%). Мигранты нарушали закон не только в сфере уголовного права, но и других кодексов Российской Федерации. В частности, в статистических показателях МВД РС (Я)⁸ представлены нарушения административного характера и преступления (нарушения Уголовного кодекса РФ). Проступки гражданского характера отсутствуют в статистических данных МВД РС (Я).

Получение разрешения на временное проживание (РВП) и вида на жительство (ВНЖ), а в дальнейшем и гражданства РФ, является злободневным вопросом

⁸ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел // Министерство внутренних дел по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: [https://14.mvd.pf/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных](https://14.mvd.pf/slujba/otчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных) (дата обращения: 20.06.2024).

для мигрантов. Получить РВП возможно в соответствии с выделяемой государством квотой, но наяву есть различные способы его приобретения. К примеру, можно заключить брак с гражданином РФ или при рождении от мигранта ребенка с российским гражданством. Желая как можно дольше оставаться на территории Республики Саха (Якутия), мигранты заключают фиктивные браки с гражданками Республики и устанавливают отцовство, обращаясь в органы ЗАГС. Согласно статданным МВД по РС (Я), только в 2024 г. на стадии проверки законности заключения брака находились 14 дел, связанных с мигрантами.

Всего в Республике Саха (Якутия) в 2021–2023 гг. на миграционный учет были поставлены 171 354 мигранта, в т. ч. 2 013 в АЭЗ, 119 272 в ЦЭЗ, 18 839 в ЮЭЗ, 27 178 в ЗЭЗ, 4 052 в ВЭЗ (по сведениям МВД РС (Я))⁹. Следует обратить внимание на то, что число мигрантов постоянно меняется, поскольку время их пребывания может быть ограничено, иными словами, определенное количество прибывших встает на миграционный учет, некоторые с учета снимаются и покидают регион.

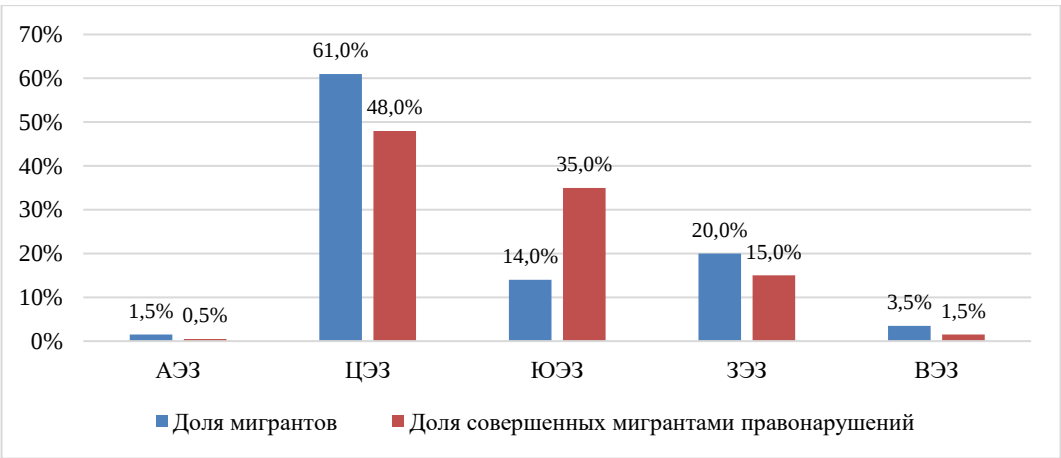

Рис. 6. Правонарушения мигрантов по экономическим зонам за 2021–2023 гг.
(% от общего числа по РС (Я))

Fig. 6. Law offences committed by migrants by economic zones in 2021-2023
(% of the total number in Yakutia)

Источник: составлено авторами по данным территориальных ОВД¹³

В соответствии со статистическими данными Генеральной прокуратуры РФ, в 2021–2023 гг. мигрантами были совершены 112 349 преступлений, или 3,5% от общего числа расследованных преступлений по России¹⁰. В Республике Саха (Якутия) за такой же период были совершены 747 преступлений, или 0,6% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в РФ. Как отмечают Е. Е. Письменная

⁹ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел // Министерство внутренних дел по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.mvd.pf/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных> (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁰ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики : [сайт]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 12.11.2024).

и Е. И. Русанова, Дальневосточный, Уральский и Сибирский федеральные округа, имеют множество различий по индикаторам преступности, что не позволяет объединить их для общего изучения, данные округа уникальны по своему социальному климату [7, с. 159].

Самая большая доля совершенных мигрантами преступлений приходится на ЦЭЗ – 48% от общего количества преступлений, совершенных мигрантами в республике; 35% преступлений совершены в ЮЭЗ; 15% преступлений – в ЗЭЗ; меньше всего в АЭЗ – 0,5%. Однако, если сделать поправку на количество мигрантов в определенных зонах, то можно отметить, что в ЮЭЗ совершается преступлений больше (рис. 6).

Арктическая экономическая зона (АЭЗ). По АЭЗ представлены сведения из 12 миграционных пунктов МВД (13 улусов). За рассматриваемый период в АЭЗ прибыли 2 013 иностранных граждан. Всего мигрантами было совершено 298 правонарушений. В основном это административные нарушения, такие как нарушение правил въезда в Россию либо режима пребывания (проживания) в РФ: не уведомление или нарушения формы уведомления о привлечении к трудовой деятельности. Данная экономическая зона (далее – ЭЗ) характеризуется наименьшим количеством совершенных мигрантами преступлений – 0,3% по РС (Я). Согласно статданным, в одном улусе мигранты АЭЗ не совершили ни одного правонарушения.

Восточная экономическая зона (ВЭЗ). В сравнении с другими экономическими зонами, восточная зона характеризуется меньшим числом совершенных мигрантами преступлений и административных правонарушений.

Так, в соответствии со статистическими данными МВД РС (Я), в Томпонском улусе были совершены 40% преступлений от общего количества преступления мигрантов в ВЭЗ. Число совершенных административных правонарушений ненамного меньше и равно 32% от общего количества административных нарушений мигрантов в ВЭЗ. В Оймяконском улусе были совершены 60% преступлений по линии миграции в ВЭЗ, в частности, незаконное пересечение государственной границы, подделка документов по миграционному направлению. Больше всего административных правонарушений было совершено также в Оймяконском улусе (44% от правонарушений мигрантов в ВЭЗ). Этот улус лидирует и по прибытию мигрантов: 40% от всех мигрантов в ВЭЗ. Преимущественно они заняты в золотодобывающей отрасли¹¹.

В 2021 г. во всех экономических зонах преобладали нарушения миграционного законодательства и административные правонарушения, а кроме того, уголовно наказуемые деяния (за исключением АЭЗ, здесь преобладали административные правонарушения). В 2022 и 2023 гг. также преобладали нарушения миграционного законодательства и административные правонарушения, но появилась тенденция к росту нарушений в сфере Гражданского кодекса РФ и к сокращению уголовно наказуемых деяний (хотя по многим улусам статистические сведения не представлены) (рис. 7–9).

¹¹ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел // Министерство внутренних дел по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: [https://14.mvd.pf/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных](https://14.mvd.pf/slujba/otчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных) (дата обращения: 20.06.2024).

Западная экономическая зона. В ЗЭЗ за 2021–2023 гг. было зарегистрировано 15% от общего числа уголовных преступлений, совершенных мигрантами в РС (Я). Росту преступлений способствовали отмена карантинных мер в связи с COVID-19 и последовавший рост миграционного потока. Что касается административных правонарушений, то мигрантами было совершено 2% проступков от общего числа правонарушений в Республике.

Центральная экономическая зона. За рассматриваемый период 48% преступлений, совершенных мигрантами в регионе, пришлось на ЦЭЗ. Также иностранные граждане совершили 9 729 административных правонарушений. Большая часть из них была зарегистрирована в г. Якутске (7 610). В 2022–2023 гг. был замечен значительный рост выявленных правонарушений – 3 311. 1 715 мигрантов нарушили правила въезда; 622 – правила пребывания в стране; 92 мигранта незаконно осуществляли трудовую деятельность; 456 мигрантов незаконно привлекли к трудовой деятельности; 144 мигранта нарушили сроки обращений за выдачей патента; 207 предоставили ложные сведения при постановке на миграционный учет.

Южная экономическая зона. В ЮЭЗ входят два улуса – Нерюнгринский и Алданский. По количеству совершенных преступлений мигрантами ЮЭЗ занимает второе место после ЦЭЗ. Там было зафиксировано 35% всех преступлений мигрантов по РС (Я). Мигранты активно прибывают в данные районы: в 2022–2023 гг. в ЮЭЗ въехали 18 839 мигрантов (для сравнения в г. Якутск – 80 615 человек).

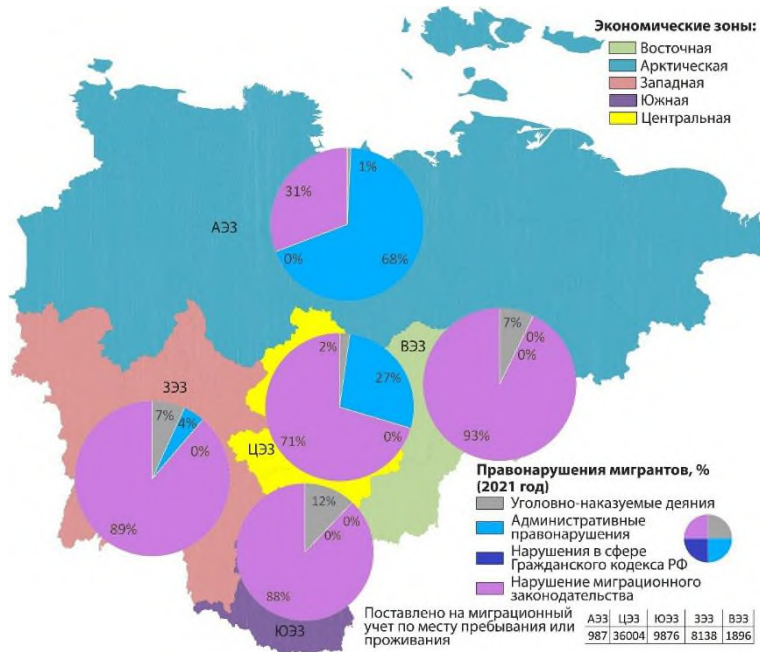

Рис. 7. Категории правонарушений мигрантов по экономическим зонам, 2021 г.

Fig. 7. Categories of law offenses committed by migrants in 2021 by economic zone

Источник: составлено авторами по данным территориальных ОВД¹²

¹² Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел // Министерство внутренних дел по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.mvd.pf/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных> (дата обращения: 20.06.2024).

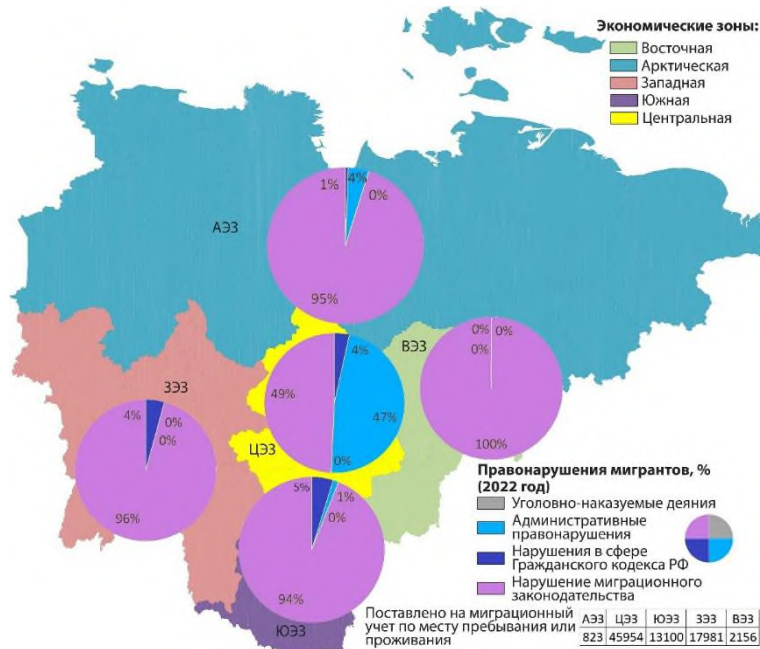

Рис. 8. Категории правонарушений мигрантов по экономическим зонам, 2022 г.
Fig. 8. Categories of law offenses committed by migrants in 2022 by economic zone

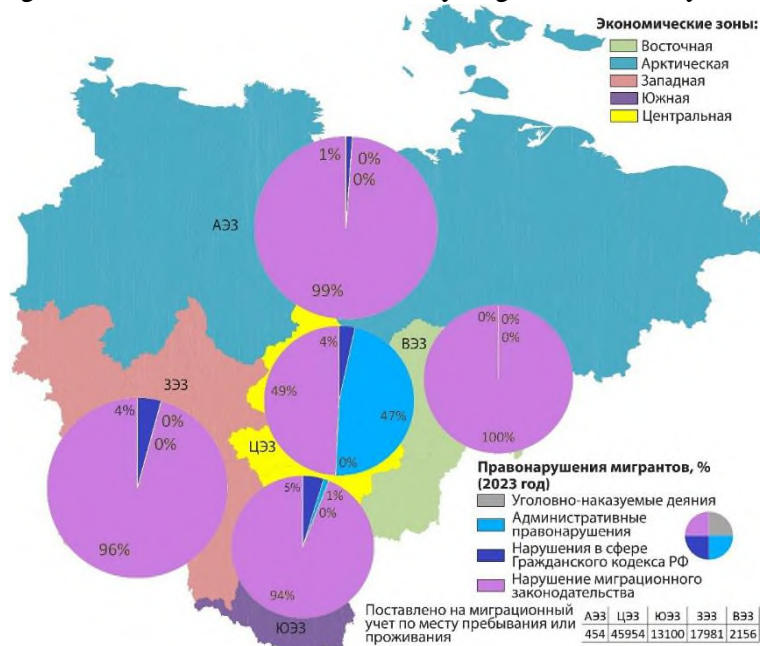

Рис. 9. Категории правонарушений мигрантов по экономическим зонам, 2023 г.
Fig. 9. Categories of law offenses committed by migrants in 2023 by economic zone

Источник рис. 8,9: составлено авторами по данным территориальных ОВД¹³

¹³ Отчеты начальников территориальных органов внутренних дел // Министерство внутренних дел по Республике Саха (Якутия) : [сайт]. URL: <https://14.мвд.рф/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-начальников-территориальных> (дата обращения: 20.06.2024).

Уголовно-наказуемые деяния мигрантов

Согласно статистическим данным МВД РС (Я), в 2022 и 2023 гг. мигрантами были совершены 354 преступления. В 2022 г. иностранные граждане и лица без гражданства (далее – «мигранты») совершили 184 преступления различной степени тяжести и характера. Важно признать такой аспект, как категория совершенных мигрантами преступлений. В юридической науке и практике категория преступления определяется в зависимости от характера и степени опасности гражданскому обществу (на рис. 10 представлены данные за 2022 и 2023 гг.).

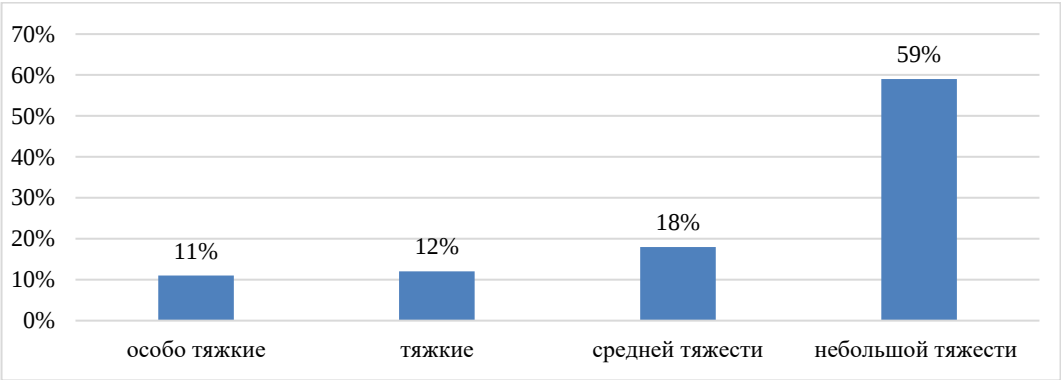

Рис. 10. Категории преступлений, совершенных мигрантами в РС (Я) в 2022–2023 гг. (% от всех преступлений мигрантов)
Fig. 10. Categories of crimes committed by migrants in Yakutia in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants)

Источник: составлено авторами по данным МВД¹⁴

В соответствии с представленными статданными (рис. 10), мигрантами чаще всего совершаются преступления небольшой степени тяжести, признающиеся умышленными или совершенными случайно. За такие преступления мигранты могут получить наказание до двух лет лишения свободы, а также депортацию за пределы России. Так, например, в Хангаласском улусе в ИК-6 УФСИН РФ наказание отбывают три иностранных гражданина и одно лицо без гражданства. Особо тяжкие преступления составляют 11% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами на территории РС (Я). Чаще происходят преступления против личности граждан.

В общей сложности в 2022 г. на территории республики мигранты совершили 184 преступления, в т. ч. особо тяжких – 15 (8,1%), тяжких – 30 (16,3%), средней тяжести – 26 (14,1%), небольшой степени тяжести – 113 (61,4%), а в 2023 г. – 170 преступлений, в т. ч. особо тяжких – 21 (12%), тяжких – 20 (11%), средней тяжести – 32 (20%), небольшой степени тяжести – 97 (57%). Отдельно выделяются преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

¹⁴ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

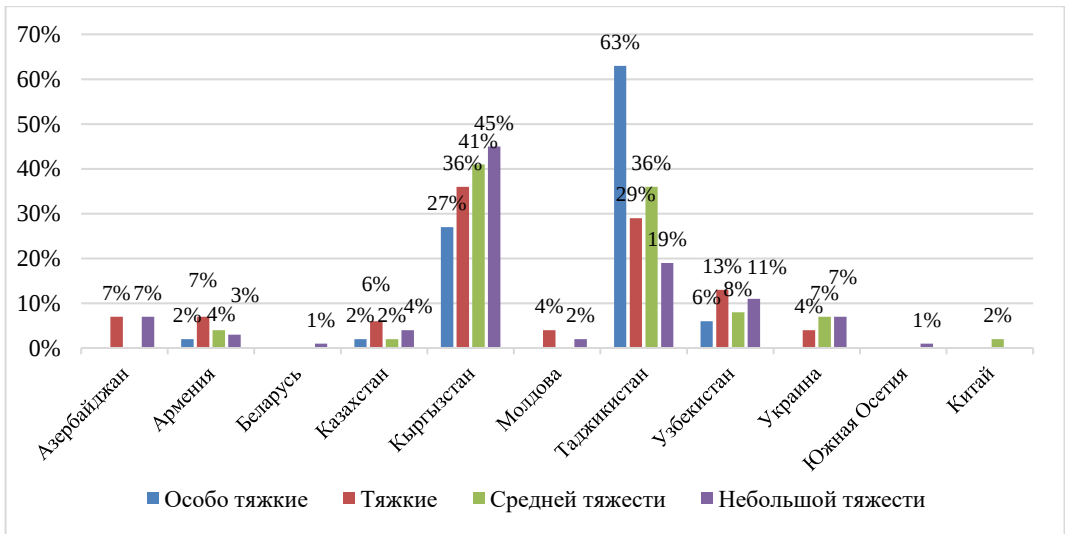

Рис. 11. Распределение совершенных преступлений по странам выхода мигрантов за 2022–2023 гг. (% от всех преступлений мигрантов в данной категории)
Fig. 11. Distribution of crimes by countries of origin of migrants in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants in this category)

Источник: составлено авторами по данным МВД¹⁵

Согласно статистическим показателям (рис. 11), преобладали преступления мигрантов небольшой степени тяжести. Данный вид преступлений чаще совершался мигрантами из Кыргызстана (45%), Таджикистана (19%) и Узбекистана (11%). Мигранты из Азербайджана, Украины (7%), Южной Осетии (1%), Казахстана (4%), Армении (3%), Беларуси (1%) и Молдовы (2%) также совершали преступления в этой категории. Преступления средней степени тяжести преимущественно совершали мигранты из Кыргызстана (41%), Таджикистана (36%), Узбекистана (8%). Примерно равные показатели были у мигрантов из Армении, Казахстана, Украины и Китая. Тяжкие преступления зачастую совершались мигрантами из Кыргызстана (36%), Таджикистана (29%), Узбекистана (13%). Мигранты из Азербайджана, Армении и Украины также преступили закон (по 7%). К особо тяжким преступлениям относятся преступления против жизни и здоровья другого человека. Такие преступления составили 8% от всех преступлений, совершенных мигрантами. Чаще всего их совершили мигранты из Таджикистана (50%), Кыргызстана (43%) и Узбекистана (7%). Других стран в этой категории представлено не было.

В соответствии с данными табл. 2, большая доля преступлений была совершена гражданами Кыргызстана (41% преступлений мигрантов), Таджикистана (26%), Узбекистана (11%). Преступления совершались трудовыми мигрантами, то есть официально поставленными на миграционный учет лицами. Помимо названных стран преступления совершались незаконными мигрантами-гражданами Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Украины.

¹⁵ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

Таблица 2

Некоторые характеристики мигрантов, совершивших преступления в РС (Я)
в 2022–2023 г.

Table 2

Some characteristics of migrants who committed crimes in Yakutia in 2022–2023

Страна	Количество преступлений (%)	Трудовые мигранты (%)	Несовершеннолетние (%)	Женщины (%)
Азербайджан	5	6	-	-
Армения	4	3	-	-
Беларусь	0,2	-	-	-
Казахстан	5	4,4	-	2
Китай	0,2	-	-	-
Кыргызстан	41	28	-	13
Молдова	1,4	0,6	-	-
Таджикистан	26	21	3,4	0,6
Узбекистан	11	14	0,6	0,6
Украина	6	0,6	0,6	0,6
Южная Осетия	0,2	-	-	-

Источник: составлено авторами по данным МВД по РС (Я)¹⁶

Учитывая большое количество преступлений, совершенных мигрантами из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, рассмотрим подробно, какие статьи Уголовного кодекса РФ они чаще всего нарушали (рис. 12).

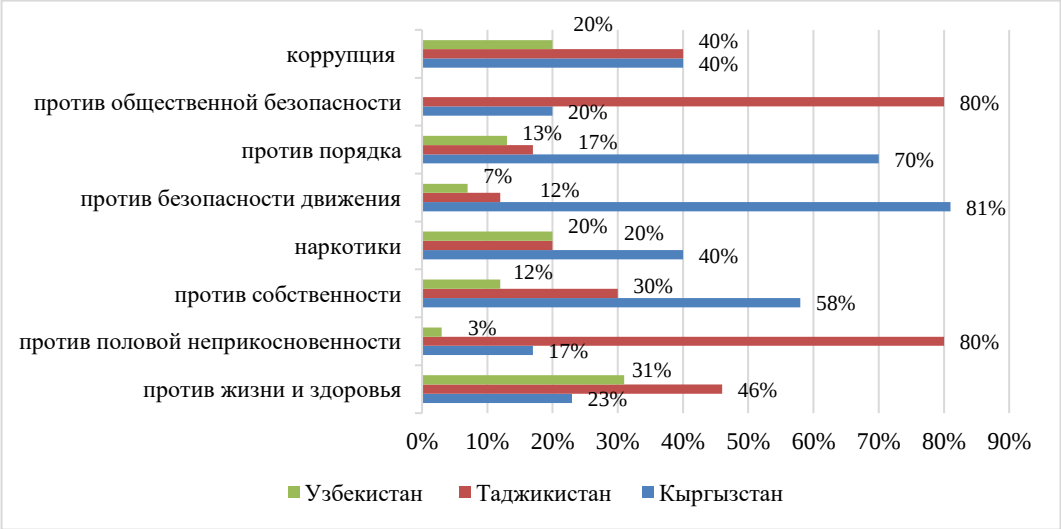

Рис. 12. Преступления, совершенные мигрантами из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана в 2022–2023 гг. (% всех преступлений мигрантов данной категории)
Fig. 12. Crimes committed by migrants from Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants in this category)

Источник: составлено авторами по данным МВД¹⁷

¹⁶ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

¹⁷ Там же.

Наибольшую долю преступлений против общественной безопасности среди рассматриваемых трех стран совершили мигранты из Таджикистана (80%). В 2023 г. преступления террористического характера и содействие террористической деятельности были совершены мигрантами из Кыргызстана (20%). В 2023 г. количество преступлений, совершаемых мигрантами из Кыргызстана, сократилось вдвое.

Преступления против жизни и здоровья в 2022 и 2023 гг. совершались мигрантами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана (рис. 13).

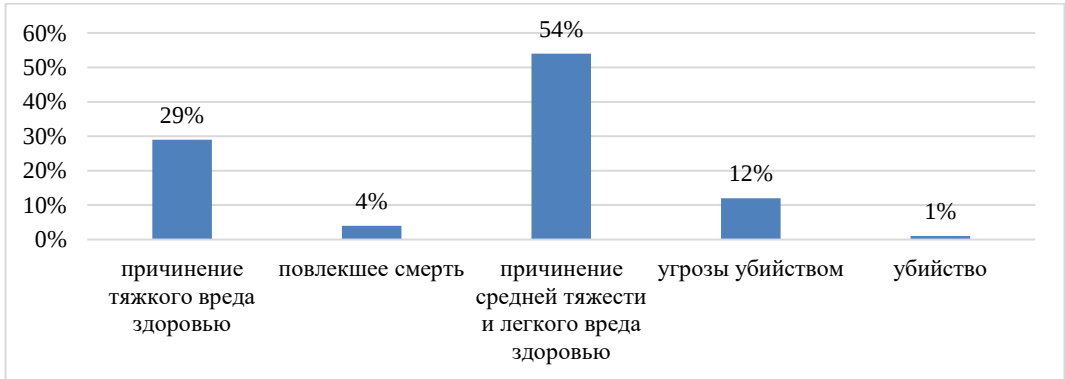

Рис. 13. Преступления против жизни и здоровья, совершенные мигрантами в 2022–2023 гг. (% от всех преступлений мигрантов в данной категории)

Fig. 13. Crimes against life and health committed by migrants in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants in this category)

Источник: составлено авторами по данным МВД¹⁸

Большее число преступлений против половой неприкосновенности было совершено мигрантами из Таджикистана (80% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в данной категории), кроме того, стоит отметить, что трое пострадавших были несовершеннолетними. Далее по количеству совершивших насилие следуют мигранты из Кыргызстана (17%).

Мигранты совершали преступления и против собственности (грабеж, кража). В данной категории преступлений «лидируют» мигранты из Кыргызстана (58% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в данной категории) и Таджикистана (30%).

Мигрантами из Кыргызстана совершено больше всего преступлений, связанных с оборотом, хранением и сбытом наркотических средств (40% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в данной категории), мигрантами из Таджикистана и Узбекистана также нарушены статьи Уголовного кодекса, связанные с наркотиками (по 20%).

Нарушения статей УК РФ против безопасности движения совершены мигрантами из Кыргызстана (81% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в данной категории).

¹⁸ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

Нарушения миграционного законодательства, в частности, против порядка управления, фиктивной постановки на учет или прописки зачастую совершались мигрантами из Кыргызстана (70% от общего числа преступлений, совершенных мигрантами в данной категории). В отношении мигрантов Таджикистана (17%) и Узбекистана (13%) также были заведены уголовные дела за нарушения в этой сфере.

Вместе с тем мигрантами были совершены преступления экономической направленности – 1,2% от общего числа преступлений мигрантов в РС (Я). В коррупционных преступлениях обвинялись мигранты из Армении, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Южной Осетии. Необходимо указать на совершение преступлений террористического характера. Такие преступления совершили мигранты из Таджикистана и Кыргызстана, семь из них являлись трудовыми мигрантами.

Ко всему прочему иностранными гражданами совершались преступления, связанные с распространением, сбытом и хранением наркотических средств и психотропных веществ. Всего в 2022 и 2023 гг. они составили 1,3% преступлений, совершенных мигрантами на территории РС (Я). Из них один нарушитель оказался несовершеннолетним. Виновниками этих преступлений стали мигранты из Армении, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Украины.

Тревожным симптомом представляется совершение мигрантами преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, особенно над несовершеннолетними. Мигранты совершили 32 подобных преступления, из них: изнасилование или покушение на изнасилование (ст. 131 УК РФ) – 17%; насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – 61%; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134 УК РФ) – 11%; развратные действия (ст. 135 УК РФ) – 11% (рис. 14).

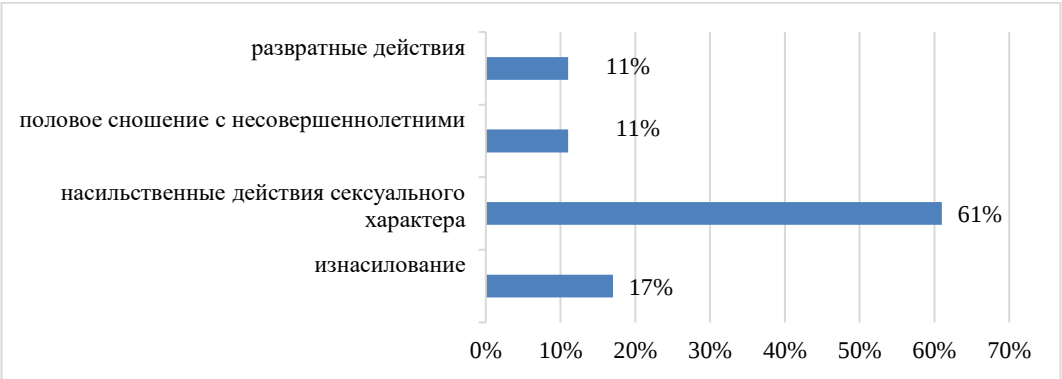

Рис. 14. Преступления против половой неприкосновенности, совершенные мигрантами в 2022–2023 гг (% от всех преступлений мигрантов в данной категории)
Fig. 14. Crimes against sexual integrity committed by migrants in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants in this category)

Источник: составлено авторами по данным МВД¹⁹

¹⁹ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

В 2023 г. мигранты совершили 0,2% преступлений, исходя из религиозных побуждений. Против порядка управления были совершены 37% от общего количества преступлений мигрантов в РС (Я) (незаконная миграция, подделка документов) (рис. 15). Актуальным для мигрантов является получение документа о регистрации по месту жительства или месту пребывания. Наибольший процент преступлений в данной категории приходится на подделку документов в сфере миграции (90%), например, подделку или подложную миграционную карту. Примечательно, что подделку документов совершают женщины-мигранты – 35,7% от общего количества, совершивших преступление. 19,2 % преступлений составляет подделка иных документов; 31,5% – подделка водительских прав. Использование заведомо подложного документа напрямую связано с совершением преступлений в сфере дорожного движения. Мигранты в основном работают на большегрузах, требующих специальных знаний, навыков и категории в управлении транспортным средством. Поэтому несомненным фактом являются многочисленные нарушения в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта.

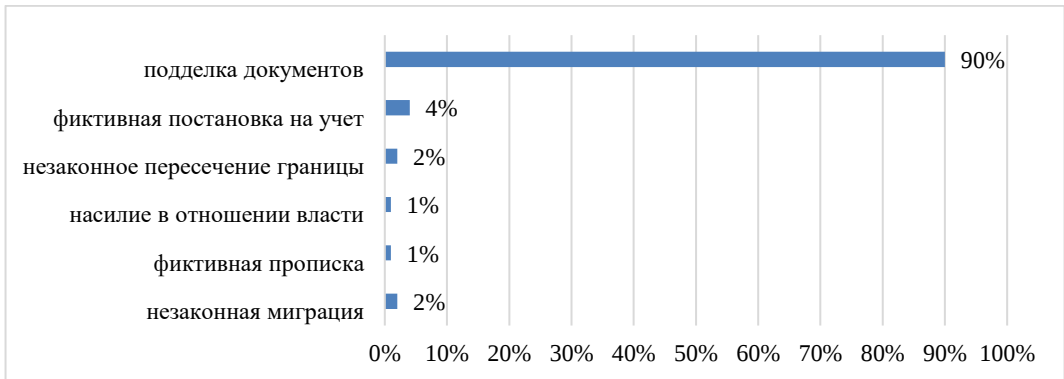

Рис. 15. Преступления против порядка управления, совершенные мигрантами в 2022–2023 гг (% от всех преступлений мигрантов в данной категории)

Fig. 15. Crimes against the order of government committed by migrants in 2022–2023 (% of all crimes committed by migrants in this category)

Источник: составлено авторами по данным МВД²⁰

Мигранты, вероятно, исходя из желания помочь своим согражданам, организуют незаконную миграцию. В 2022 г. к данной категории относилось 2% преступлений, совершенных мигрантами из Кыргызстана и Узбекистана. Кроме того, весьма актуальным для мигрантов является получение документа о регистрации по месту жительства или месту пребывания. 4% мигрантов из Кыргызстана и Таджикистана нарушили ст. 322 ч. 2 УК РФ (фиктивно прописались в жилом помещении), при этом фактически там не проживают и не пребывают. Один мигрант

²⁰ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

из Таджикистана в общественном месте применил насилие в отношении представителя власти; 2% мигрантов из Кыргызстана незаконно пересекли государственную границу.

Наибольшую долю от всех совершаемых мигрантами преступлений составляют преступления против порядка управления (37%), затем следуют преступления против собственности (28%), преступления против жизни и здоровья (13%), против половой неприкосновенности (10%) (рис. 16).

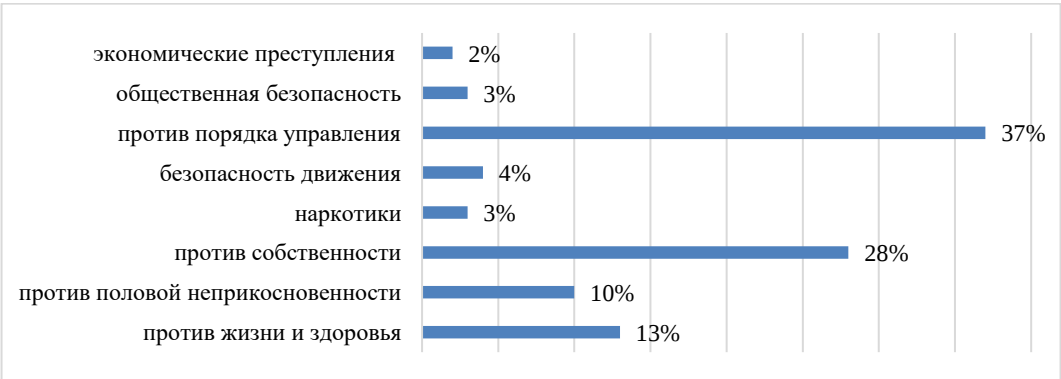

Рис. 16. Преступления, совершенные мигрантами в РС (Я) в 2022–2023 гг. (% от общего количества)

Fig. 16. Crimes committed by migrants in Yakutia in 2022–2023 (% of total)

Источник: составлено авторами по данным МВД²¹

Согласно статистическим данным по ЦЭЗ, больше всего административных правонарушений совершается мигрантами в г. Якутске, Мегино-Кангаласском и Хангаласском улусах. Надо признать, что по количеству пребывающих мигрантов Хангаласский район уступает Таттинскому улусу, но при этом число правонарушений в Таттинском районе намного меньше, чем в Мегино-Кангаласском улусе. Мегино-Кангаласский улус является первым пунктом прибытия через реку Лена (по зимнику или паромной переправе) и узлом железнодорожного сообщения, поэтому закономерен факт правонарушений мигрантами в сфере безопасности дорожного движения. Также в тройку районов, в которых больше всего совершается преступлений мигрантами, входят Нерюнгринский и Алданский улусы ЮЭЗ. Меньше всего преступлений мигранты совершают в АЭЗ.

Исходя из вышеизложенного, сделаем вывод: большое количество преступлений в Республике Саха (Якутия) совершают мигранты из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Как считают Г. А. Майстренко и А. Г. Майстренко, трудовые мигранты «могут переносить свои национальные стереотипы на российские реалии», к тому же налицо «склонность мигрантов к виктимности, то есть становиться жертвой обстоятельств» [8, с. 3]. Таким образом, совершаемые мигрантами преступления могут быть объяснены субъективными (личностными) причинами.

²¹ Отчет Министерства внутренних дел по Республике Саха (Якутия) «№ 6-ЕГС» «Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства, а также отдельными категориями лиц и лиц, их совершавшими».

Например, преступления против половой неприкосновенности могут быть связаны с ошибочными гендерными стереотипами, негативными предубеждениями или установками против женской свободы и воли, свойственными россиянкам.

Большинство мигрантов нарушает законы, касающиеся «бумажной бюрократии»: подделывают документы, относящиеся к сфере миграции, фиктивно получают регистрацию по месту жительства и пребывания. Обретение фиктивной регистрации подразумевает собой постановку на учет на основании поддельных документов или прописки без действительного проживания на данной жилплощади. К. Г. Никиенко объясняет совершение мигрантами преступлений, связанных с миграционным учетом, жесткой регламентацией и правовым идеализмом [8, с. 61].

Прогноз уровня преступности среди мигрантов до 2030 г.

На рис. 17 представлена динамика изменения количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, с прогнозом до 2030 г.

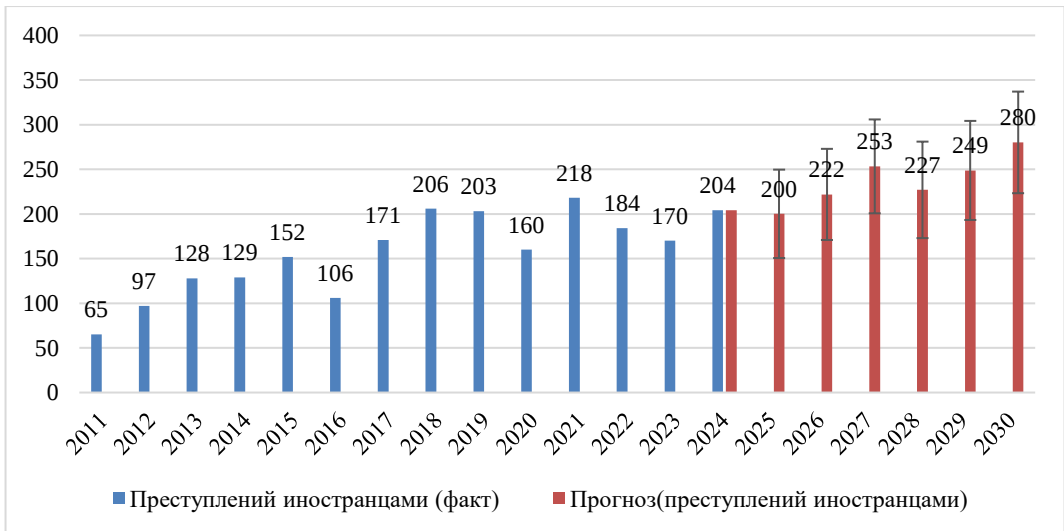

Рис. 17. Статистика количества преступлений, совершаемых мигрантами в Республике Саха (Якутия) и прогноз до 2030 г.

Fig. 17. Statistics of crimes committed by migrants in the Republic of Sakha (Yakutia) and forecast until 2030

Источник: составлено авторами по данным Генеральной прокуратуры²²

Для построения прогноза преступности среди мигрантов на территории РС (Я) использовались официальные статистические данные МВД с 2011 г. по показателям «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства», и «Всего зарегистрировано преступлений». При проведении расчетов допускалось, что в первом показателе указаны числа без учета преступлений,

²² Показатели преступности России с 2011 г. // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/crime> (дата обращения: 24.06.2024).

совершенных мигрантами, получившими гражданство Российской Федерации, которые при статистическом учете преступности не попадают в данный показатель. Построенная модель отражает общую тенденцию по росту преступности среди мигрантов в РС (Я) до 2030 г.

Для расчета прогнозных показателей применялся математический метод экспоненциального сглаживания, который использует все доступные исторические значения, но при этом коэффициенты, определяющие их вклад, убывают в прошлое по экспоненте. Таким образом, более новые значения имеют более высокий вес в прогнозной статистике. Это делает математическую модель, с одной стороны, более «чуткой» к свежим данным, с другой стороны, учитывает показатели об историческом поведении всего исследуемого временного ряда. Для всех прогнозных значений были вычислены доверительные интервалы, характеризующие возможные отклонения от прогнозируемых величин. Для задания значений по уровням преступности за 2024 г. использовались официальные данные МВД РС (Я) за 3 квартала 2024 г. с линейной экстраполяцией на весь год. Для временного интервала 2025–2030 гг. использовался описанный выше метод экспоненциального сглаживания.

Таблица 3

**Статистические данные и прогноз преступности мигрантов
в Республике Саха (Якутия)**

Table 3

**Statistical data and forecast of crime committed by migrants
in the Republic of Sakha (Yakutia)**

Год	Всего преступлений в РС(Я)	Преступлений, совершенных иностранными мигрантами	Доля преступлений, совершенных иностранцами, %	Доверительный интервал прогнозных значений
Фактические данные				
2011	15 098	65	0,4%	-
2012	12 129	97	0,8%	-
2013	10 825	128	1,2%	-
2014	10 715	129	1,2%	-
2015	11 846	152	1,3%	-
2016	12 375	106	0,9%	-
2017	12 399	171	1,4%	-
2018	11 936	206	1,7%	-
2019	12 387	203	1,6%	-
2020	12 146	160	1,3%	-
2021	13 005	218	1,7%	-
2022	13 000	184	1,4%	-
2023	12 605	170	1,4%	-
Прогнозные значения				
2024	12 302	204	1,7%	-
2025	12 032	200	1,6%	49,5
2026	12 553	222	1,7%	51,1
2027	12 354	253	2,0%	52,6
2028	12 084	227	1,8%	54,0
2029	12 605	249	1,9%	55,5
2030	12 406	280	2,2%	56,9

Источник: составлено авторами по данным Генеральной прокуратуры²³

²³ Показатели преступности России с 2011 г. // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/crime> (дата обращения: 24.06.2024).

В табл. 3 приведены статистические данные по преступности в Республике Саха (Якутия) с 2011 по 2023 гг., прогнозные значения и доверительные интервалы до 2030 г., рассчитанные по методу экспоненциального сглаживания.

Вдобавок отметим тревожный рост доли преступности среди иностранных граждан в общем показателе преступности в Республике Саха (Якутия). Если в 2011 г. она была на уровне 0,43%, то за 2024 г. ожидается на уровне 1,66% с ростом до 2,18% к 2030 г.

Прогнозные данные, полученные при помощи модели экспоненциального сглаживания, показывают значительный рост преступности среди мигрантов с 2026 г. до 2030 г. Прогноз на 2024 г. делался линейной интерполяцией по первым трем кварталам, с 2025 г. методом экспоненциального сглаживания, и соответственно, для этих значений указывался доверительный интервал. По сравнению со статистическими значениями, прогнозные данные показывают рост преступлений, совершаемых мигрантами в Республике Саха (Якутия) (рис. 18).

Рис. 18. Прогноз динамики преступности в Республике Саха (Якутия) и доли преступлений, совершаемых мигрантами, до 2030г.

Fig. 18. Forecast of crime dynamics in the Republic of Sakha (Yakutia) and the share of crimes committed by migrants until 2030

Источник: составлено авторами по данным Генеральной прокуратуры²⁴

Закключение

Проблемы миграции и миграционных процессов в российском обществе всегда являются актуальными. Цель настоящей статьи была достигнута: авторы провели анализ этнодемографических данных, представленных в официальных источниках, материалов из статистических баз данных МВД о правонарушениях

²⁴ Показатели преступности России с 2011 г. // Если быть точным: [сайт]. URL: <https://tochno.st/datasets/crime> (дата обращения: 24.06.2024).

и преступлениях мигрантов в Республике Саха (Якутия), дали прогноз динамики преступности среди мигрантов до 2030 г.

В 2021–2023 гг. в Республике Саха (Якутия) на миграционном учете состояли 133 152 мигранта. Больше всего мигрантов насчитывалось в ЦЭЗ с целью осуществления трудовой деятельности.

Налицо тенденция увеличения числа кавказских, среднеазиатских и юго-восточных народов и уменьшения количества славянских народов. С 1970 г. растет число таджиков, киргизов, узбеков, армян, азербайджанцев, китайцев, казахов, бурят, башкир. Наблюдается сокращение количества белорусов, украинцев, татар, корейцев. За последние 20 лет сократилось число распространенных до 2002 г. этнических групп – белорусов, украинцев, молдаван, казахов, азербайджанцев, т. е. наблюдается постепенный отток славянской группы народов.

Мигранты совершают не только нарушения в сфере уголовного права, но и других кодексов Российской Федерации. В частности, в статистических данных МВД РС (Я) представлены нарушения административного характера. В 2022–2023 гг. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершены 354 преступления различной степени тяжести и характера. На первом месте – нарушения против порядка управления (37%), затем следуют преступления против собственности (28%), преступления против жизни и здоровья (13%). В Республике Саха (Якутия) большое количество преступлений совершают мигранты из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана.

Прогнозные данные, полученные при помощи математической модели экспоненциального сглаживания, показывают значительный рост преступности среди мигрантов к 2030 г. в Республике. Однако стоит учитывать, что полученные прогнозные характеристики основываются на данных прошлых периодов и не учитывает возникновение «черного лебедя» – возможных, непрогнозируемых изменений в процессах, влияющих на показатели преступности среди мигрантов в будущем (масштабные изменения в миграционной политике, в работе государственной власти и, в частности, в работе органов МВД с мигрантами, резкие социально-экономические изменения, исключительные форс-мажорные ситуации в стране и т. д.). В целом власти Республики Саха (Якутия) стремятся снизить количество совершаемых мигрантами преступлений, к примеру, проводят различные рейды типа «Час мигранта», стремятся стабилизировать взаимоотношения мигрантов с населением, внедряют различные программы с применением новых информационных технологий, направленные на снижение преступности.

Список литературы

1. Мищук, С. Н. Международная миграция на Дальнем Востоке России: вопросы преступности и защиты рынка труда / С. Н. Мищук, Т. М. Комарова // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты : Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 05–06 ноября 2020 г. Москва : Издательство «Знание-М», 2020. С. 103–116. DOI [10.38006/907345-84-3.2020.103.115](https://doi.org/10.38006/907345-84-3.2020.103.115). EDN [VFUNSV](https://www.vfunsu.ru).

2. Громова, О. О. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых мигрантами из государств-участников СНГ : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Громова Ольга Олеговна ; Московский институт экономики менеджмента и права. Москва, 2010. 180 с.

3. Никитенко, И. В. Криминологическая характеристика основных градиентов преступности мигрантов в Дальневосточном ФО // Российский следователь. 2013. № 3. С. 29–31. EDN [PVTADB](#).
4. Винокурова, Д. М. Влияние миграции на демографическую ситуацию в Республике Саха (Якутия) / Д. М. Винокурова, А. Г. Томаска // Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски. Омск : Издательский центр «КАН», 2021. С. 159–179. EDN [LXUJJI](#).
5. Асаналиева, А. З. Миграция из стран Средней Азии в Республику Саха (Якутия): за и против / А. З. Асаналиева, В. Д. Корнилов // Социально-экономическое развитие регионов: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Якутск, 14–16 мая 2015 г. Якутск : ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. С. 60–62. EDN [UJNYKD](#).
6. Анисимова, С. Г. Девиантологические аспекты миграции граждан Китая в Республику Саха (Якутия) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 132–144. EDN [MVSBDT](#).
7. Письменная, Е. Е. Девиантное поведение мигрантов и лиц без гражданства в России: динамика и структура миграционной преступности, механизмы межстрановой регуляции / Е. Е. Письменная, Е. И. Русанова // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 4 (36). С. 153–166. DOI [10.21686/2411-118X-2023-4-153-166](#). EDN [VQPSYO](#).
8. Майстренко, Г. А. К вопросу о причинах совершения преступлений трудовыми мигрантами в РФ / Г. А. Майстренко, А. Г. Майстренко // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 58–61. DOI [10.47629/2074-9201_2021_2_58_61](#). EDN [SFOVQU](#).
9. Никитенко, К. Г. Проблемы миграционного учета иностранцев по месту жительства и пребывания // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 6. С. 8. DOI [10.17805/trudy.2019.6.8](#). EDN [KRJLSD](#).

Сведения об авторах

Егорова Аида Ионовна, кандидат психологических наук, доцент, директор, Институт психологии, Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aidaego@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7985-4134](#); РИНЦ SPIN-код: [5503-8912](#); Web of Science Researcher ID: [F-9556-2014](#); Scopus Author ID: [5721742302](#).

Кондаков Айсен Алексеевич, кандидат физико-математических наук, директор, Центр развития цифровых компетенций и онлайн образования, Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aisen_ykt@mail.ru; ORCID ID: [0009-0005-8830-2242](#); РИНЦ Author ID: [144626](#).

Тимофеева Мария Григорьевна, ассистент, кафедра психологии и социальных наук, Институт психологии, Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: mlapparova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2562-689X](#); РИНЦ SPIN-код: [4672-7879](#); Web of Science Researcher ID: [LIG-6531-2024](#).

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; принята в печать 14.01.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FOREIGN MIGRANTS AND CRIMINAL ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Aida I. Egorova

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: aidaego@mail.ru

Aisen A. Kondakov

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: aisen_ykt@mail.ru

Mariya G. Timofeeva

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: mlapparova@mail.ru

For citation: Egorova, A. I., Kondakov, A. A., Timofeeva, M. G. Foreign Migrants and Criminal Activity in the Republic of Sakha (Yakutia). *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 76–101. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.5).

Abstract. The article offers an analysis of ethno-demographic data on administrative offenses and criminal offenses committed by migrants in the Republic of Sakha (Yakutia) in the period from 2021–2023. Based on the analysis of statistical data, applying the mathematical method of exponential smoothing, the authors of the article presented a forecast of possible crimes by migrants (until 2030). The Republic of Sakha (Yakutia) is the largest region of the Russian Federation; in spatial terms, the territorial structure of the republic's economy is formed by districts (uluses) united into economic zones. To consider the dynamics of crimes committed by migrants, the authors assessed the ethno-demographic situation in the economic zones of the Republic of Sakha (Yakutia): there is a trend towards an increase in the number of Central Asian and South-Eastern peoples. Over the past 20 years, the number of ethnic groups common before 2002 – Belarusians, Ukrainians, Moldovans, Kazakhs, Azerbaijanis – has decreased, and a gradual outflow of the Slavic group of peoples has been observed. During the analysis of official statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Sakha (Yakutia), it was revealed that many crimes are committed by migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. They mainly commit crimes under the chapters of the Criminal Code of the RF “violations against the order of administration” (37%), followed by crimes against property (28%), crimes against life and health (13%), and crimes against sexual inviolability (10%). This article is of great practical significance, as it is aimed at developing ways to harmonize interethnic relations and improve national security in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: ethnic groups, migrants, migration policy, dynamics of offenses and crimes, mathematical method of exponential smoothing

References

1. Mishhuk, S. N., Komarova, T. M. External Labor Migration in the Russian Far East: Issues of Crime and Labor Market Protection. *Migratsionnyye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politicheskiye, sotsial'no-ekonomicheskiye i demograficheskiye efekty* [Migration Processes in the Asia-Pacific Region: Political, Socio-Economic and Demographic Effects] : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 05–06, 2020. Moscow : “Znanie-M” Publishing House, 2020. Pp. 103–116. DOI [10.38006/907345-84-3.2020.103.115](https://doi.org/10.38006/907345-84-3.2020.103.115). (In Russ.).
2. Gromova, O. O. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye prestupleniy, sovershayemykh migrantami iz gosudarstv-uchastnikov SNG* [Criminological Characteristics and Prevention of Crimes Committed by Migrants from the CIS Member States] : Thesis for the degree of candidate of legal sciences : 12.00.08 / Gromova Olga Olegovna ; Moscow Institute of Economics, Management and Law. Moscow, 2010. 180 p. (In Russ.).
3. Nikitenko, I. V. *Kriminologicheskaya kharakteristika osnovnykh gradiyentov prestupnosti migrantov v Dal'nevostochnom FO* [Criminological characteristics of the main gradients of migrant crime in the Far Eastern Federal District]. *Russian Investigator*. 2013. No. 3. Pp. 29–31. (In Russ.).
4. Vinokurova, D. M., Tomaska, A. G. *Vliyaniye migratsii na demograficheskuyu situatsiyu v Respublike Sakha (Yakutiya)* [The Influence of Migration on the Demographic Situation in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Etnodemograficheskiye protsessy i migratsii v regionakh Aziatskoy Rossii: sovremennaya situatsiya, prognozy i riski* [Ethnodemographic processes and migrations in the regions of Asian Russia: current situation, forecasts and risks]. Omsk : Publishing center “KAN”, 2021. Pp. 159–179. (In Russ.).
5. Asanalieva, A. Z., Kornilov, V. D. *Migratsiya iz stran Sredney Azii v Respubliku Sakha (Yakutiya): za i protiv* [Migration from the countries of Central Asia to the Republic of Sakha (Yakutia): pros and cons]. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye regionov* [Socio-Economic Development of Regions] : Proceedings

of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Yakutsk, May 14–16, 2015. Yakutsk: LLC Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus”, 2015. Pp. 60–62. (In Russ.).

6. Anisimova, S. G. Deviant Aspects of Chinese Citizens Migration to Yakutia. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2010. No. 3. P. 132–144. (In Russ.).

7. Pismennaya, E. E., Rusanova, E. I. Deviant Behavior of Migrants and Stateless Persons in Russia: Dynamics and Structure of Migrants' Crime, Cross-Border Regulation Mechanisms. *Economics. Law. Society*. 2023. Vol. 8, No. 4. Pp. 153–166. DOI [10.21686/2411-118X-2023-4-153-166](https://doi.org/10.21686/2411-118X-2023-4-153-166). (In Russ.).

8. Maistrenko, G. A., Maistrenko, A. G. To the Question about the Reasons of Crimes Committed by Labor Migrants in the Russian Federation. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2021. No. 2 (63). Pp. 58–61. DOI [10.47629/2074-9201_2021_2_58_61](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_2_58_61). (In Russ.).

9. Nikienko, K. G. Problems of the Migration Registration of Foreigners at the Place of Residence and Stay. *Scientific works of Moscow University for the Humanities*. 2019. No. 6. P. 8. DOI [10.17805/trudy.2019.6.8](https://doi.org/10.17805/trudy.2019.6.8). (In Russ.).

Bio notes

Aida I. Egorova, Candidate of Psychological Sciences, Docent, Director, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Contact information: e-mail: aidaego@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7985-4134](https://orcid.org/0000-0002-7985-4134); RSCI SPIN code: [5503-8912](https://www.rsci.spin.ru/5503-8912); Web of Science Researcher ID: [F-9556-2014](https://orcid.org/F-9556-2014); Scopus Author ID: [5721742302](https://orcid.org/5721742302).

Aisen A. Kondakov, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Director, Center of Digital Competences and Online Education, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Contact information: e-mail: aisen_ykt@mail.ru; ORCID ID: [0009-0005-8830-2242](https://orcid.org/0009-0005-8830-2242); RSCI Author ID: [144626](https://www.rsci.spin.ru/144626).

Mariya G. Timofeeva, Assistant, Department of Psychology and Social Sciences, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

Contact information: e-mail: mlapparova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-2562-689X](https://orcid.org/0000-0002-2562-689X); RSCI SPIN code: [4672-7879](https://www.rsci.spin.ru/4672-7879); Web of Science Researcher ID: [LIG-6531-2024](https://orcid.org/LIG-6531-2024).

Received on 18.10.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6)

EDN [JMOJNG](https://jmojng.org)

РОЖДАЕМОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Микрюков Н. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ecoro@mail.ru

Мирязов Т. Р.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Для цитирования: Микрюков, Н. Ю. Рождаемость в регионах России: пространственные закономерности на муниципальном уровне / Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6). EDN [JMOJNG](https://jmojng.org).

Аннотация. В статье рассмотрено пространственное распределение рождаемости на муниципальном уровне в тех регионах России, которые показали одну из лучших динамик рождаемости в период ее общенационального подъема в 2000–2015 гг. (Вологодская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Сахалинская области). Целью работы являлось выявление пространственных закономерностей распределения рождаемости на внутрирегиональном, муниципальном уровне. Для исследования использовались показатели Базы данных муниципальных образований Росстата. Были рассчитаны специальные коэффициенты рождаемости по муниципальным образованиям, составлены карты. Оказалось, что максимальная рождаемость наблюдалась в удаленных от крупных городов преимущественно сельских муниципальных районах и в малоурбанизированных городских округах. Они же оказались наиболее устойчивы на общем понижающем тренде, сохраняя сравнительно повышенные показатели рождаемости. Минимальная рождаемость наблюдалась в крупнейших, крупных, иногда средних городах и на ближайших к ним территориях, а также в период снижения – в районах с минимальной долей сельского населения и в районах, в которых происходило сокращение (оптимизация) районных больниц. Поддержать рождаемость в регионах может среди прочих мер всесторонняя поддержка сельской местности путем развития трудоемкого сельскохозяйственного производства, инфраструктуры села, выравнивания внутри- и межрегиональных различий по доходам населения и социальному обеспечению. В городах необходим запуск программ массового строительства индивидуальных жилых домов вместо преимущественной многоэтажной застройки, что будет способствовать заведению в семьи большего количества детей. Расширение доходной базы региональных экономик приводит к росту рождаемости в них, к возможности введения особых мер стимулирования рождаемости, как, например, в Сахалинской области. Наоборот, снижение валового регионального продукта в реальном выражении влечет снижение рождаемости даже при наличии мер ее поддержки. Необходимо снижение концентрации субъектов экономической деятельности и населения в столичных агломерациях, как это предписано в рекомендациях Совета Федерации и в Стратегии национальной безопасности.

Ключевые слова: рождаемость, муниципальные образования, региональное развитие, демография, естественный прирост, пространственное развитие, сельская местность, сельские территории

Введение

В настоящее время в период депопуляции в России, продолжающегося сокращения рождаемости особую актуальность приобретает поиск способов исправления негативных демографических трендов. Выявление пространственных закономерностей распределения рождаемости позволит определить меры, которые помогут прямо или косвенно поддержать рождаемость в регионах. Распределение рождаемости неоднородно как на уровне регионов, так и на уровне муниципальных образований. Различия в рождаемости могут объясняться спецификой местных условий, ментальностью, поведенческими особенностями, различиями в образе жизни в городской и сельской местности, стоимостью жизни, особенностями хозяйства.

На муниципальном уровне могут быть пространственные закономерности рождаемости специфического характера, не заметные на региональном уровне, но важные для понимания демографических процессов.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили данные муниципальной статистики Росстата, взятые из Базы показателей муниципальных образований за 2010–2021 гг.¹ На основе статистической информации составлены карты и сделаны выводы о пространственном распределении рождаемости. В работе применялись методы сравнительный, описательный, картографический, районирования, типологический, математико-статистический, даны рекомендации для исправления ситуации с рождаемостью.

Особую сложность представляет рассмотрение рождаемости на муниципальном уровне, поскольку в муниципальной статистике в общедоступном виде отсутствует показатель суммарного коэффициента рождаемости. Для оценки рождаемости на муниципальном уровне применим известный в демографической науке показатель специального коэффициента рождаемости.

$$K_{p.спец.} = \frac{N}{S_{ж.15-49}} * 1000,$$

где N – количество родившихся,

$S_{ж.15-49}$ – численность женщин в фертильном возрасте 15–49 лет,

$K_{p.спец.}$ – специальный коэффициент рождаемости.

Данный показатель позволяет несколько отойти от общего коэффициента рождаемости, сильно зависящего от возрастной структуры населения, и рассмотреть рождаемость относительно только фертильного поколения женщин, что приближает его к суммарному коэффициенту рождаемости. Расчеты выполнены в программе Excel, по результатам вычислений построены картограммы в программе QGIS.

Анализ проводился по нескольким ключевым регионам России, в которых в 2000-е и первой половине 2010-х гг. произошел подъем рождаемости, превзошедший среднероссийские значения и собственные значения 1990 г. [1] Таковыми

¹ База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики РФ: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 21.12.2024).

являются Вологодская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Сахалинская области. Особенно интересны для анализа Вологодская и Курганская области, которые при значительной «постаревшей» возрастной структуре населения показали динамичный рост суммарного коэффициента рождаемости в период его общестранового подъема.

Обзор научной литературы

Исследования на муниципальном (мезоуровне) довольно редки, но тем более востребованы и необходимы. В демографической науке открываются новые закономерности, которые ждут теоретического осмысления. Интересны работы по исследованию детерминации городской многодетности в современном российском обществе [2]. В зарубежной научной литературе уже замечена необычная тенденция повторного роста рождаемости во многих наиболее развитых странах Европы с высоким уровнем жизни [3]. Выделяются исследования по поиску пространственных закономерностей рождаемости.

В статье ученых Института географии РАН, опубликованной в материалах III Всероссийского демографического форума [4], отмечается, что практически повсеместно рождаемость в сельской местности превосходит рождаемость в городской, кроме территорий активного притока миграции.

Работу, посвященную развитию муниципальных образований России, подготовили сотрудники Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН [5]. В ней подчеркивается проблема депопуляции российского пространства, стоящая перед подавляющим большинством муниципальных образований.

В статье ученого НИУ Высшей школы экономики А. Н. Петросяна [6] рассмотрена рождаемость во всех муниципальных образованиях России, но не суммарные коэффициенты, а их величины, скорректированные методом косвенной стандартизации. В выводах автора и в картах зафиксировано, что ареалы повышенной рождаемости наблюдаются в аграрных, малоурбанизированных муниципальных образованиях Европейского Севера, во многих районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, в восточной части Северного Кавказа.

Динамика рождаемости в российских регионах проанализирована в работе коллектива ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН [1]. В ней обозначены регионы, в которых в 2000-е гг., в первой половине 2010-х гг. произошел подъем рождаемости, превзошедший среднероссийские и (или) собственные значения 1990 г. Демографическая ситуация в данных регионах подробно описана в нижеследующих исследованиях.

Профессор Уральского федерального университета А. П. Багирова отмечает, что в Свердловской области действительно имел место подъем рождаемости выше среднероссийских значений [7]. Затем, однако, последовал спад, наиболее депопулирующей является сельская местность. В социальном исследовании подчеркивается важность фактора прародительского внутрисемейного труда не только в воспитании детей, но и во влиянии на рождаемость, при принятии решения о создании семей, рождении детей. Показывается значимость процесса воспитания

внуков, в том числе для удовлетворительного психологического состояния самих бабушек и дедушек.

В Национальном демографическом докладе за 2021 г. «Демографическое самочувствие регионов России» констатируется, что в Вологодской области максимальный разрыв между суммарными коэффициентами рождаемости в сельской местности (2,77) и в городской (1,64) наблюдался именно в период наибольшей рождаемости в 2014 г. [8], что указывает на большую значимость сельской местности в повышении рождаемости. Действительно, сравнения рождаемости в городе и селе на общероссийском уровне показывают, что в период общестранового роста рождаемости наиболее динамичный рост наблюдался в сельской местности [9].

В работе профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущего научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН В. Н. Архангельского подтверждается, что в Тюменской области (даже при исключении Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) фиксировался один из самых высоких показателей суммарного коэффициента рождаемости [10]. При этом в муниципальных районах традиционно он был выше, чем в городских округах. Другая работа ученого В. Н. Архангельского посвящена исследованию динамики рождаемости в регионах Дальнего Востока [11]. Автор указывает на то, что в Сахалинской области одна из лучших динамик рождаемости в России была достигнута во многом благодаря особым региональным мерам поддержки.

Подробно рассмотрим дифференциацию рождаемости на муниципальном уровне в перечисленных выше регионах-лидерах по динамике рождаемости в 2010-е гг.

Муниципальная дифференциация рождаемости в регионах-лидерах роста рождаемости в 2010-х гг.

Выделим два аспекта рассмотрения рождаемости в регионах: ее максимумы и минимумы. На одних картах обозначим достигнутые максимумы рождаемости на муниципальном уровне за период ее повышения. Максимумы рождаемости могли достигаться различными муниципальными образованиями иногда в разные годы, но везде примерно в одно время: в 2014, 2015 или 2016 гг., поэтому представляется возможным сравнить максимумы рождаемости на одной карте как максимумы одного тренда, пришедшиеся примерно на одно время. Тренды и циклы не всегда точно совпадают по времени, но их сравнивают между собой на одних графиках и картах, как это представлено в работах Н. Д. Кондратьева [12], Ю. В. Яковца [13], В. Л. Бабурина [14]. На других картах обозначим минимумы рождаемости на муниципальном уровне. Поскольку рождаемость с середины 2010-х гг. начала и продолжила снижаться, ее минимумы везде приходится на последний из рассматриваемых 2021 г. Таким образом, будут выявлены муниципальные образования, характеризующиеся наибольшей рождаемостью, а кроме того, районы наиболее устойчивые к общему тренду снижения рождаемости.

Сравнительно высокой для Европейской России рождаемостью характеризовалась Вологодская область (рис. 1). Отличительной особенностью Вологодской и Курганской областей является высокая доля пожилого населения в них, они

относятся к регионам с постаревшей возрастной структурой населения, характеризуются миграционной убылью, но при этом выделяются повышенной рождаемостью.

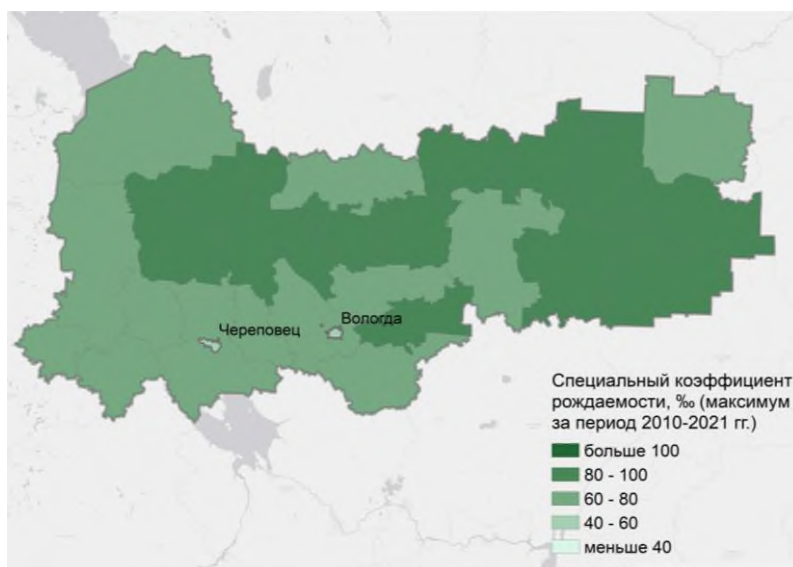

Рис. 1. Максимальное значение специального коэффициента рождаемости в муниципальных районах Вологодской области, 2010–2021 гг.

Fig. 1. The maximum value of the special fertility rate in the municipal districts of the Vologda oblast, 2010–2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата²

Максимальный уровень рождаемости фиксировался на севере и востоке Вологодской области на значительном удалении как от регионального центра – г. Вологды, так и от крупного промышленного города Череповца. Наоборот, оба крупных города области характеризовались минимальной в регионе рождаемостью, несмотря на то что в них многие приезжают на роды с периферии. О феномене Вологодской области как особом, удаленном от столиц, но не самом северном регионе писала старший научный сотрудник Института географии РАН, кандидат географических наук К. В. Аверкиева [15]. Благодаря географическому положению, удаленности, протяженности, некоторой изолированности и возможно особым природным условиям региона, лежащего между Центральной Россией и Архангельским Севером, в нем сохраняются как уникальные системы хозяйства, так и необычные для Европейской России особенности демографического развития, а именно высокая рождаемость.

К 2021 г. рождаемость в Вологодской области снизилась, как и в других регионах страны (рис. 2).

² Для рис. 1–10: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm> (дата обращения: 21.12.2024).

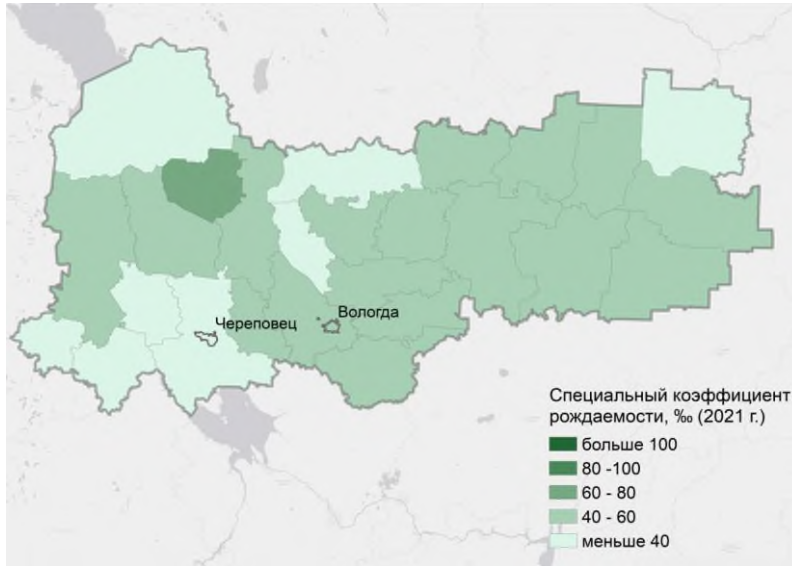

Рис. 2. Специальный коэффициент рождаемости в муниципальных районах Вологодской области, 2021 г.

Fig. 2. Special fertility rate in the municipal districts of the Vologda Oblast, 2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

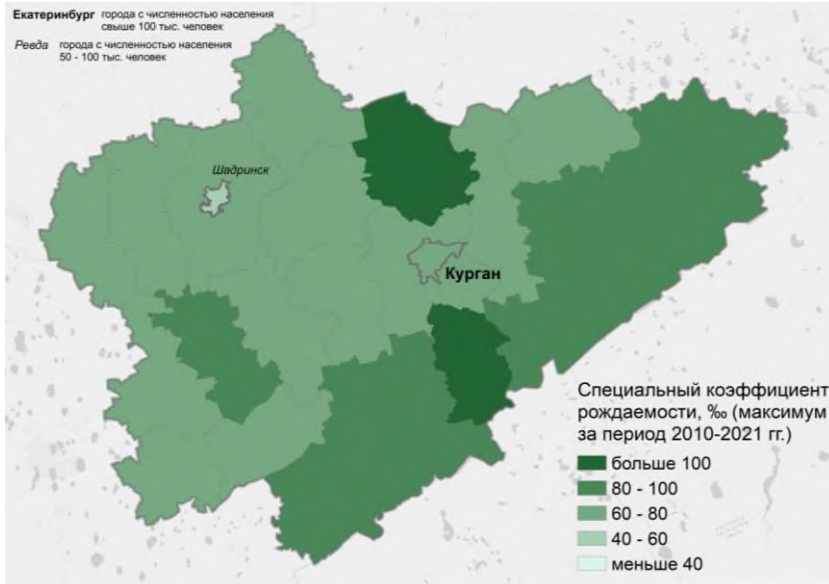

Рис. 3. Максимальные значения специального коэффициента рождаемости в муниципальных районах Курганской области, 2010–2021 гг.

Fig. 3. The maximum values of the special fertility rate in the municipal districts of the Kurgan region, 2010–2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Повышенная рождаемость сохранилась в удаленном от крупных городов, состоящем исключительно из сельских населенных пунктов Вашкинском районе, примыкающем с севера к Белому озеру. Минимумы рождаемости заметны в Череповецкой агломерации, а также районах с низкой долей сельского населения (Вытегорский, Великоустюгский, Чагодощенский, Вожегодский). Другим регионом с пожилой возрастной структурой населения, но при этом с повышенной рождаемостью является Курганская область (рис. 3).

Как и в Вологодской области, максимумы рождаемости в Курганской области имели место в удаленных от г. Кургана районах: в приграничной полосе и в сельском Белозерском районе. Иначе в Шадринске, втором по численности населения городе Курганской области, где налицо минимум рождаемости. Хотя население Шадринска составляет всего 74 тыс. человек, он относится к средним по численности населения городам, в нем уже заметны пониженные показатели рождаемости. В 2021 г. лидером рождаемости продолжал быть Белозерский район, целиком состоящий из сельских населенных пунктов (рис. 4).

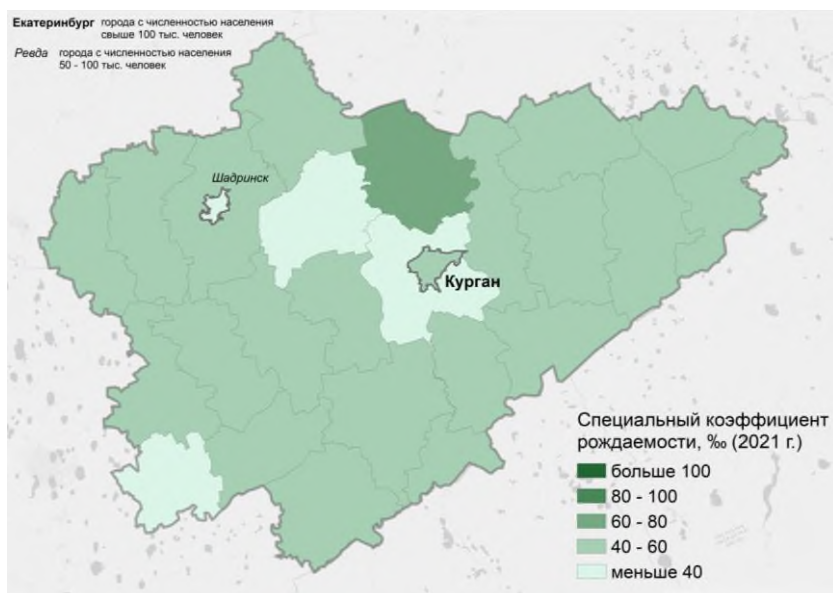

Рис. 4. Специальный коэффициент рождаемости в районах Курганской области, 2021 г.

Fig. 4. Special fertility rate in the districts of the Kurgan region, 2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Минимальные значения рождаемости в 2021 г. наблюдались в Кетовском районе (вокруг г. Кургана), в Каргопольском районе (между городами Курганом и Шадринском), в Сафакулевском районе, относящемся к агломерации города-миллионера Челябинска. Как и в Вологодской области, в максимуме рождаемости оказался сельский район, а в минимуме – территории вокруг крупных городов и средний город. Даже в сельской местности, если она находится вблизи крупного города, отмечалась пониженная рождаемость.

Изучим картину рождаемости на муниципальном уровне в Свердловской области, наиболее крупном населенном, высоко урбанизированном, центральном регионе Урала, который также показал динамичный рост рождаемости в 2000-х и первой половине 2010-х гг. (рис. 5).

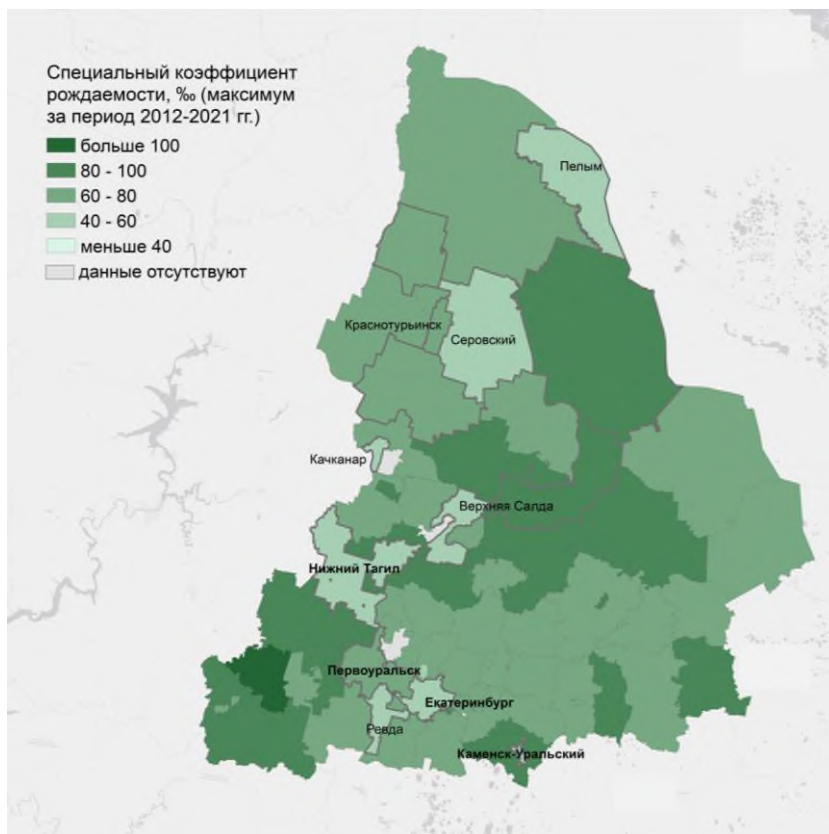

Рис. 5. Максимальные значения специального коэффициента рождаемости в муниципальных районах Свердловской области, 2010–2021 гг.

Fig. 5. The maximum values of the special fertility rate in the municipal districts of the Sverdlovsk region, 2010–2021

Примечание: Данные по закрытым административным территориальным образованиям отсутствуют

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Примечательно, что рождаемость за последние годы была минимальной в крупных и крупнейших городах региона: в городе Екатеринбурге и его агломерации, в городских округах – Нижнем Тагиле, Каменске-Уральском, Серове, Ревде.

Минимальной рождаемостью характеризовались и промышленные городские округа Качканар, Верхняя Салда и Пелым. Максимальная же рождаемость наблюдалась в центральных и юго-западных малоурбанизированных округах области. Наиболее высокие ее показатели отмечались в Ачитском городском округе. Итак, минимальной рождаемостью характеризовались крупнейшие, крупные

и некоторые средние и малые города Среднего Урала, а максимум рождаемости пришелся на малоурбанизированные округа.

Сельская местность, внося большой вклад в рост рождаемости, одновременно испытывает существенный миграционный отток населения, что обуславливает ее общую депопуляцию [7]. Необходимо особое внимание уделить сельским районам как основе демографического развития страны. Проанализируем пространственное распределение рождаемости в области к 2021 г. (рис. 6).

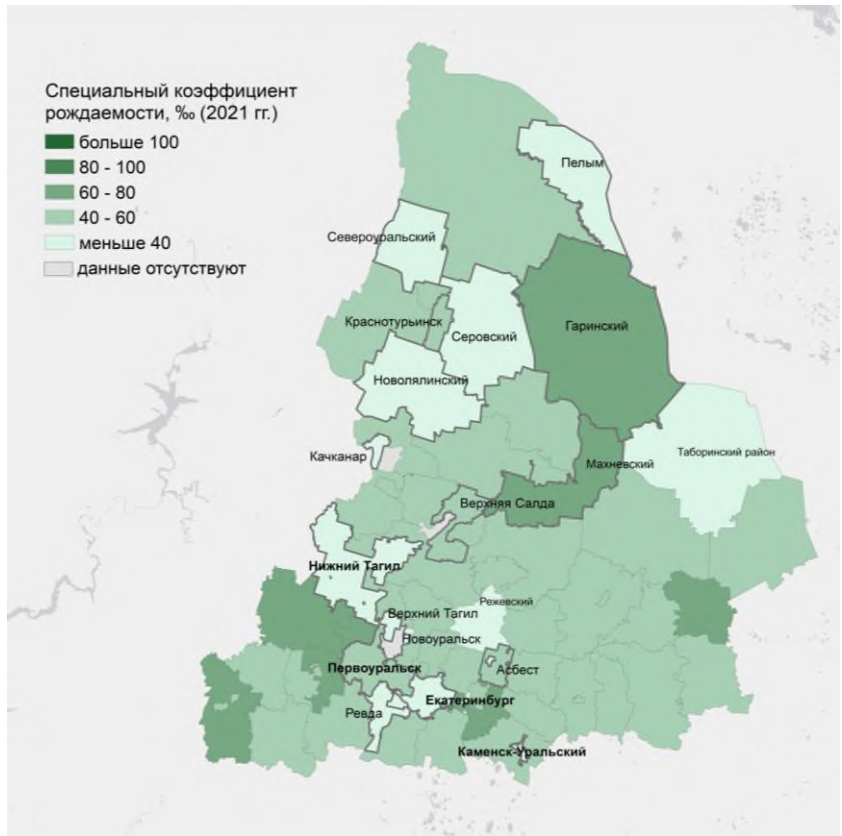

Рис. 6. Специальный коэффициент рождаемости в районах Свердловской области, 2021 г.

Fig. 6. Special fertility rate in the regions of the Sverdlovsk region, 2021

Примечание: Данные по закрытым административным территориальным образованиям отсутствуют

Источник: составлено авторами по данным Росстата

После общего снижения рождаемости ареал ее наиболее низких значений сохранился в Екатеринбургской и Нижнетагильской агломерациях, появился в некоторых поселках вокруг Екатеринбурга (Верхнее Дуброво), вокруг г. Асбест (Малышева, Рефтинский), вблизи ЗАТО г. Новоуральск (Верх-Нейвинский), в г. Верхний Тагил, расширился на севере региона вокруг г. Серова на Североуральский и Новолялинский округа, появился в Таборинском районе. Пониженная рождаемость сохранялась в промышленных городских округах Качканар и Пелым.

Повышенная рождаемость осталась в некоторых округах на юго-западе региона (Красноуфимском, Шалинском, Староуткинском, Бисертском), а также в малоурбанизированных Гаринском, Махневском округах в Центральной части области. Районами повышенной рождаемости к 2021 г. стали Белоярский городской округ, Слободо-Туринский район, город Арамилы.

Как видим, ареалы низкой рождаемости разрослись вокруг крупных и средних городов, а также сохранились в промышленных городах. Малоурбанизированные территории с высокой долей сельского населения сохраняют повышенную рождаемость. Исключением является только Таборинский район с минимальной из всех исследованных муниципальных образований численностью населения 2 893 чел.

Рассмотрим рождаемость на муниципальном уровне в Тюменской области (рис. 7).

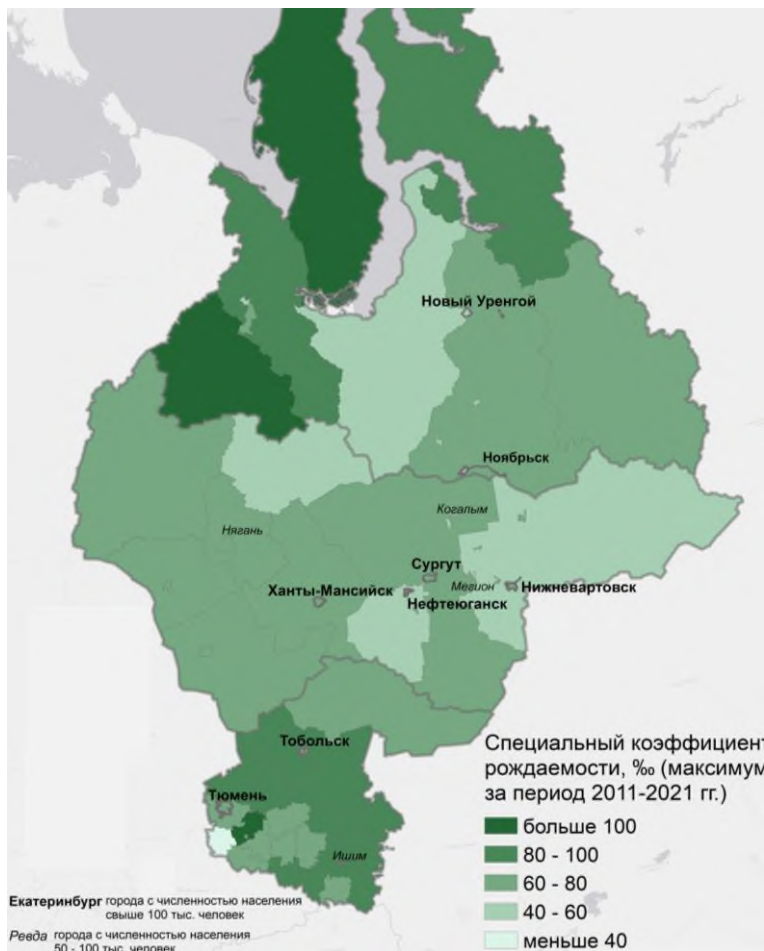

Рис. 7. Максимальные значения специального коэффициента рождаемости в муниципальных районах Тюменской области, 2010–2021 гг.

Fig. 7. The maximum values of the special fertility rate in the municipal districts of the Tyumen region, 2010–2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Здесь, как и в предыдущих примерах, пониженная рождаемость была характерна для районов вокруг крупных городов: Нефтеюганска, Нижневартовска, Тюмени. Пониженной рождаемостью отличались и города Тобольск, Когалым, Ишим. Максимальная рождаемость наблюдалась в районах, удаленных от крупнейшего города Тюмени, а кроме того, на крайнем севере региона – в Ямало-Ненецком автономном округе. К 2021 г. в результате снижения рождаемости ее пространственное распределение претерпело некоторые изменения (рис. 8).

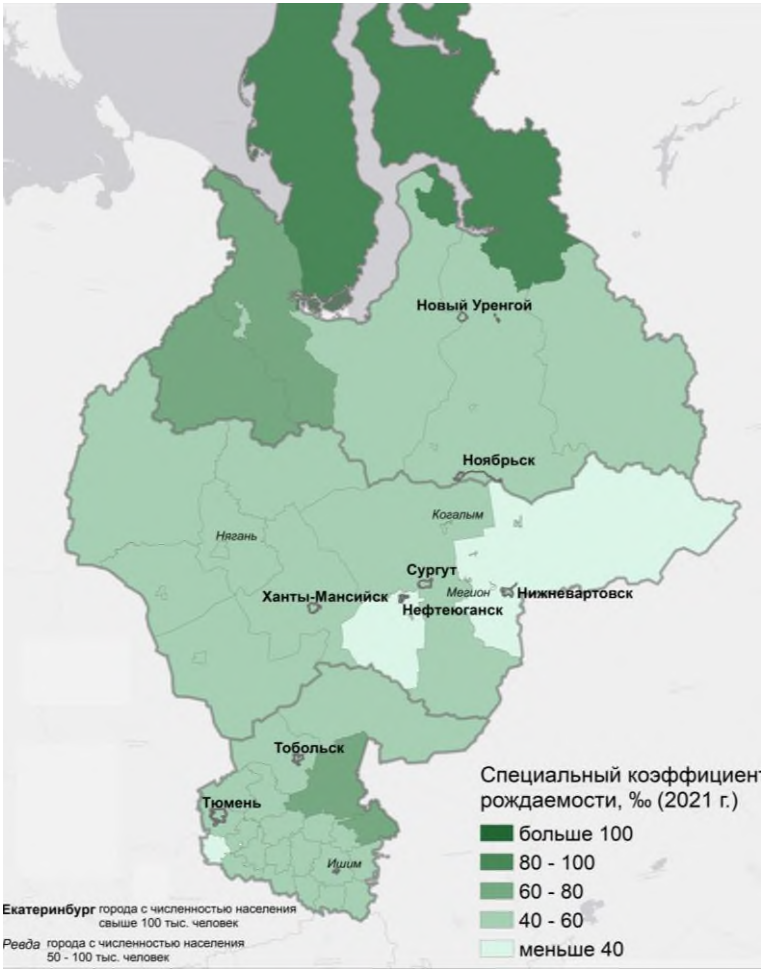

Рис. 8. Специальный коэффициент рождаемости в районах Тюменской области, 2021 г.

Fig. 8. Special fertility rate in the districts of the Tyumen region, 2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Так, районы вокруг городов Нефтеюганска и Нижневартовска продолжали характеризоваться самыми низкими показателями рождаемости. Повышенная же рождаемость оставалась в сельских, удаленных от крупных городов Вагайском и Викуловском районах на юге региона и в районах Ямало-Ненецкого автономного округа, также отдаленных от крупных городов: Нового Уренгоя и Ноябрьска.

Пониженная рождаемость в крупных населенных пунктах и повышенная в малых была отмечена в публикации, посвященной исследованию рождаемости в регионах Западной Сибири в советский период (1960-е гг.) [16]. В период спада рождаемости самые высокие ее показатели сохранили только Ямальский и Тазовский районы с преобладанием коренного ненецкого населения.

Проведем анализ рождаемости в Сахалинской области, островном регионе, по показателю максимумов (рис. 9). В Сахалинской области наблюдалась, возможно, наилучшая динамика рождаемости среди регионов России [1], поэтому выявить в ней точки роста рождаемости на муниципальном уровне представляется особенно важным.

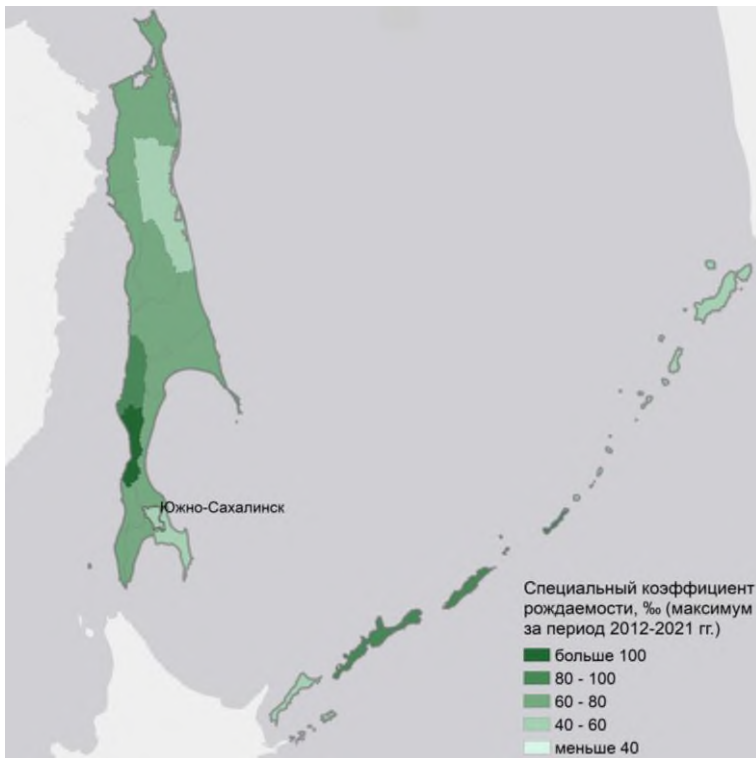

Рис. 9. Максимальные значения специального коэффициента рождаемости в муниципальных районах Сахалинской области, 2010–2021 гг.

Fig. 9. The maximum values of the special fertility rate in the municipal districts of the Sakhalin region, 2010–2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Максимум рождаемости в области наблюдался в Томаринском, Углегорском и Курильском городских округах, а минимальная рождаемость – в крупном городе Южно-Сахалинске и около него, а также в Ногликском, Северо-Курильском и Южно-Курильском городских округах. Столь большие контрасты рождаемости на Курильских островах могут объясняться популярностью отдельных роддомов, в которые, возможно, на роды приезжают с других островов, либо особенностями учета. Расширение ареала низкой рождаемости на севере Сахалина может быть

связано с оптимизацией центральных районных больниц. К примеру, в Александровск-Сахалинской ЦРБ численность медперсонала была сокращена³, а основной прием, в результате объединения больниц, теперь проводится в Сахалинской межрайонной больнице №1 в другом муниципальном образовании.

К 2021 г. максимальная рождаемость в Сахалинской области сохранилась в Курильском городском округе, повышенная – в Невельском, Углегорском, Томаринском, Смирновском городских округах (рис. 10).

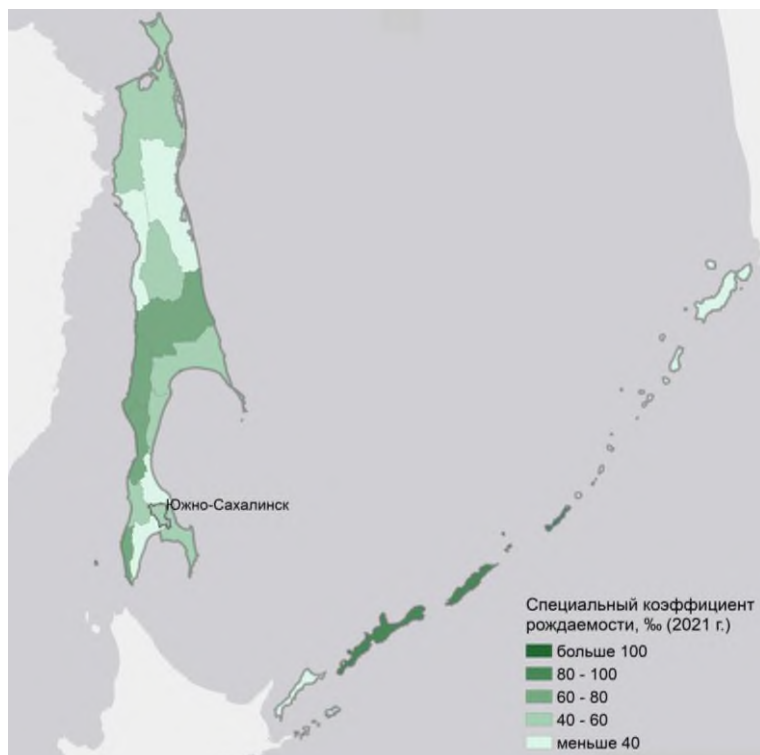

Рис. 10. Специальный коэффициент рождаемости в районах Сахалинской области, 2021 г.

Fig. 10. Special fertility rate in the districts of the Sakhalin region, 2021

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Ареалы минимальной рождаемости расширились на севере и юге острова Сахалин, а кроме того, сохранились на Северных и Южных Курильских островах. Минимальная рождаемость вновь имеет место вблизи крупного города Южно-Сахалинска и в местах проведения оптимизации районных медицинских учреждений. Несмотря на островной характер региона, ключевая пространственная закономерность в распределении рождаемости наблюдается и здесь: минимальная рождаемость – вблизи крупного города, максимальная – на периферии, в том числе на Курильских островах.

³ Сотрудники Александровск-сахалинской ЦРБ пугают кадровые изменения // Александровск-Сахалинский : [сайт]. 24.02.2021. [URL:https://aleksandrovsk.sakhcit.ru/news/aleksandrovsk/203016/](https://aleksandrovsk.sakhcit.ru/news/aleksandrovsk/203016/) (дата обращения: 21.12.2024).

Заключение

Рождаемость на муниципальном уровне имеет собственные характерные особенности пространственного распределения. Так же, как на региональном уровне, крупнейшие городские агломерации формируют вокруг себя ареалы низкой (минимальной) рождаемости [1], на муниципальном уровне ареалы низкой рождаемости создают вокруг себя крупные, а иногда даже средние города. Данный феномен может объясняться стесненными жилищными условиями городских квартир, высокой стоимостью жилья, ценностными установками [1; 17]. На волне снижения рождаемости ареалы пониженной рождаемости расширяются вокруг крупных городов, захватывая новые территории вокруг них.

В удаленных же от крупных городов сельских муниципальных районах или в малоурбанизированных городских округах наблюдаются наибольшие значения показателей рождаемости. Сельские муниципальные образования являются наиболее устойчивыми и в сохранении рождаемости при ее общем снижении. Но при этом заметно появление ареалов низкой рождаемости в районах, где происходят сокращение или оптимизация районной социальной инфраструктуры. Максимальная рождаемость в период ее снижения наблюдалась в районах с доминированием коренных народов (ненцев и хантов), сохранивших традиционный для них образ жизни с преобладанием сельских промыслов и хозяйства.

В регионах с наилучшей динамикой рождаемости наибольшие ее значения наблюдались в сельских районах и малоурбанизированных округах, как правило, удаленных от крупных городов, что указывает на необходимость развития сельской местности, в том числе с целью обеспечения демографической безопасности. Сельская местность при повышенных показателях рождаемости испытывает проблему интенсивного миграционного оттока населения [7] по причине низкого уровня оплаты труда, что указывает на необходимость развития экономики села, развития трудоемких сельского и лесного хозяйства, деревообработки, легкой и пищевой промышленности [18]. Увеличение заработных плат на селе возможно через более рациональное распределение прибыли от продажи продукции, когда значительная часть стоимости конечного продукта будет доставаться не предприятиям торговли, а сельхозтоваропроизводителям. Что может быть достигнуто через создание артелей сельхозтоваропроизводителей и формирование собственных предприятий переработки и торговых точек в городах. Кроме того, следует стремиться к выравниванию различий в уровне жизни между центрами и периферией, как в плане доходов населения, так и в плане инфраструктурной обеспеченности.

По всей видимости, сельская местность более благоприятна для проживания многодетных семей ввиду распространенности индивидуального жилья с участками, особого характера личных подсобных хозяйств, в которых подрастающие дети становятся помощниками. Известно, что при общем подъеме рождаемости ее значения в сельской местности растут более интенсивно; меры государственной поддержки (материнский капитал) также более восприимчивы и чувствительны в сельской местности по причине более низкой стоимости жилья. Таким образом, требуется уделить внимание развитию экономики села и его социальной сферы с целью возобновления роста рождаемости в регионах. Необходимо более равномерное, менее концентрированное распределение финансов в системе

межбюджетных отношений и корпоративных прибылей между регионами и муниципальными образованиями.

В городах, особенно в крупных и в крупнейших, нужна деконцентрация населения: переход к массовому строительству индивидуальных домов с приусадебными участками вместо преимущественного строительства многоэтажных жилых домов особенно большой этажности. Строительство районов комфортабельных индивидуальных домов должно сопровождаться соответствующим изменением строительных норм и правил, обеспечением таких районов необходимой социальной и транспортной инфраструктурой. Эти дома должны быть доступными по цене, т. е. ориентированными именно на массового, рядового горожанина. Подобные меры позволят расширить ареалы расселения в агломерациях, будут способствовать увеличению в городах количества семей с двумя детьми или более. Необходимость массового строительства индивидуального жилья давно назрела, обсуждаются способы ее реализации в Совете Федерации⁴, в общественных организациях, таких как Всемирный Русский Народный Собор⁵, в Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства⁶.

Среди лидеров роста рождаемости находятся 3 абсолютных лидера России по уровню валового регионального продукта на душу населения: Тюменская, Сахалинская области, Ненецкий автономный округ⁷ [1], во многом благодаря развитию в них нефтегазового промышленного комплекса. Отсюда следует, что расширение доходной базы региональных экономик приводит к росту рождаемости, к возможности введения особых мер ее стимулирования, как, например, в Сахалинской области. Наоборот, за снижением реального валового регионального продукта в регионах, как правило, следует снижение суммарного коэффициента рождаемости.

Очевидно, что концентрация финансов и населения в крупнейших городах, преимущественно в столичных агломерациях, приводит к снижению рождаемости как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Для улучшения демографической ситуации необходимо снижение концентрации субъектов экономической деятельности и населения в столичных агломерациях, как предусмотрено в Рекомендациях Совета Федерации к реализации Стратегии пространственного развития РФ до 2030 г.⁸, равно как и в Стратегии национальной безопасности⁹.

⁴ «Перспективные направления развития индивидуального жилищного строительства в Российской Федерации» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/135493/> (дата обращения: 21.12.2024).

⁵ Наказы XXV Всемирного Русского Народного Собора «Настоящее и будущее Русского Мира» // Русская Православная Церковь : [сайт]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116189.html> (дата обращения: 21.12.2024).

⁶ Межведомственная рабочая группа по развитию индивидуального жилищного строительства // Минстрой России : [сайт]. URL: <https://minstroyrf.ru/about/coordination-and-advisory-bodies/mezhvedomstvennaya-rabochaya-gruppa-po-razvitiyu-individualnogo-zhilishchnogo-stroitelstva/> (дата обращения: 21.12.2024).

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 21.12.2024).

⁸ Правительство утвердило Стратегию пространственного развития страны до 2030 года // Правительство России : [сайт]. 06.01.2025. URL: <http://government.ru/docs/53917/> (дата обращения: 08.01.2025).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2> (дата обращения: 21.12.2024).

Список литературы

1. Безвербный, В. А. Естественное движение населения в российских регионах: факторы, динамика, перспективы регулирования / В. А. Безвербный, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, Е. А. Лукашенко // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). EDN [RLXMVR](https://www.edn.ru/RLXMVR).
2. Борисова, О. Н. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты / О. Н. Борисова, И. В. Павлюткин // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28, № 4. С. 128–151. DOI [10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151). EDN [PEOGJV](https://www.edn.ru/PEOGJV).
3. Myrskylä, M. Advances in development reverse fertility declines / M. Myrskylä, H.-P. Kohler, F. C. Billari // Nature. 2009. Vol. 460, No. 7256. P. 741–743. DOI [10.1038/nature08230](https://doi.org/10.1038/nature08230).
4. Бородина, Т. Л. Региональные особенности рождаемости сельского населения России / Т. Л. Бородина, Т. В. Литвиненко // III Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 19–25. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4). EDN [ESAIIV](https://www.edn.ru/ESAIIV).
5. Пациорковский, В. В. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. / В. В. Пациорковский, Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 59–77. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.589](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.589). EDN [UQDWRY](https://www.edn.ru/UQDWRY).
6. Петросян, А. Н. Рождаемость в муниципальных образованиях России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 3. С. 42–73. DOI [10.17323/demreview.v8i3.13266](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266). EDN [SSHBXU](https://www.edn.ru/SSHBXU).
7. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Москва : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 220 с. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). EDN [URJOYC](https://www.edn.ru/URJOYC).
8. Демографическое самочувствие регионов России: национальный демографический доклад – 2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, А. Р. Абдульязнов [и др.]. Москва : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 138 с. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021). EDN [BGLITQ](https://www.edn.ru/BGLITQ).
9. Щербакова, Е. М. Демографические итоги первого полугодия 2023 года в России (Часть 1) // Демоскоп Weekly. 2023. № 999–1000. С. 1–20. EDN [HKNLUF](https://www.edn.ru/HKNLUF).
10. Архангельский, В. Н. Рождаемость в Тюменской области: динамика, возрастная модель, региональные различия // ЦИТИСЭ. 2022. № 3 (33). С. 54–69. DOI [10.15350/2409-7616.2022.3.05](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.05). EDN [LMIFXW](https://www.edn.ru/LMIFXW).
11. Архангельский, В. Н. Региональные различия рождаемости на Дальнем Востоке / В. Н. Архангельский, Н. Г. Джанаева, В. В. Елизаров // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 41–50. EDN [YQYUAF](https://www.edn.ru/YQYUAF).
12. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва : Экономика, 2002. 765 с. ISBN 5-282-02181-1.
13. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. Москва : Наука, 1999. 447 с. ISBN 5-02-008281-3.
14. Бабурин, В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. Москва : КРАСАНД, 2010. 216 с. ISBN 978-5-396-00131-2. EDN [VDPVKJ](https://www.edn.ru/VDPVKJ).
15. Аверкиева, К. В. Восток Вологодской области как социально-экономическая и культурная аномалия // Проблемы развития территорий. 2018. № 6 (98). С. 131–148. DOI [10.15838/ptd.2018.6.98.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.6.98.9). EDN [YOZODZ](https://www.edn.ru/YOZODZ).
16. Дашинамжилов, О. Б. Воспроизводство городского населения Тюменской области в 1959–1970 гг.: сравнительный анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7, № 1 (25). DOI [10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214). EDN [RNVVZE](https://www.edn.ru/RNVVZE).
17. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.].

Москва : Издательство Проспект, 2023. 448 с. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). EDN [GKFMMMP](https://www.edn.ru/entry/GKFMMMP).

18. Микрюков, Н. Ю. Глубинная Россия: современные проблемы и возможные способы их решения // Вопросы местного самоуправления. 2024. № 1. С. 30–34.

Сведения об авторах

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ecoro@mail.ru.

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); РИНЦ SPIN-код: [3204-9894](https://elibrary.ru/3204-9894); Web of Science Researcher ID: [AAV-1530-2021](https://orcid.org/AAV-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ SPIN-код: [4283-7466](https://elibrary.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

BIRTH RATE IN RUSSIAN REGIONS: SPATIAL PATTERNS AT THE MUNICIPAL LEVEL

Nikolay Yu. Mikryukov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ecoro@mail.ru

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

e-mail: miryazov_timur@mail.ru

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

For citation: Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Birth Rate in Russian Regions: Spatial Patterns at the Municipal Level. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 102–120. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.6).

Abstract. The article examines the spatial distribution of fertility at the municipal level in those regions of Russia that showed one of the best fertility dynamics in Russia during its nationwide rise in 2000–2015. (Vologda, Kurgan, Sverdlovsk, Tyumen, Sakhalin regions). The aim of the work is to identify spatial patterns of birth rate distribution at the intraregional, municipal level. The indicators of the Database of municipalities of Rosstat were used for the study. Special fertility rates for municipalities were calculated and maps were built. It turned out that the maximum birth rate was observed in predominantly rural municipal areas remote from large cities and in urban districts with little urbanization. They also proved to be the most stable on the general downward trend, maintaining relatively high birth rates. The minimum birth rate was observed in the largest, large, sometimes medium-sized cities and in the territories closest to them, as well as during the period of decline – in areas with a minimum share of the rural population and in areas where there was a reduction (optimization) of district hospitals. Comprehensive support for rural areas through the development of labor-intensive

agricultural production, rural infrastructure, and equalization of intra- and inter-regional differences in income and social security, among other measures, can support the birth rate in the regions. In cities, it is necessary to launch programs for the mass construction of individual residential buildings instead of predominantly multi-store buildings, which will facilitate the establishment of more children in families. The expansion of the income base of regional economies leads to an increase in the birth rate in them, to the possibility of introducing special measures to stimulate the birth rate, as in the Sakhalin region. On the contrary, a decrease in the gross regional product in real terms leads to a decrease in the birth rate even if there are measures to support it. It is necessary to reduce the concentration of economic entities and the population in metropolitan agglomerations, as prescribed in the recommendations of the Federation Council and in the National Security Strategy.

Keywords: birth rate, municipalities, regional development, demography, natural population growth, spatial development, rural areas, rural territories

References

1. Bezverbny, V. A., Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R., Lukashenko, E. A. Natural Population Change in Russian Regions: Factors, Dynamics, Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. Vol. 3, No. 4. Pp. 37–58. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.3). (In Russ.).
2. Borisova, O. N., Pavlyutkin, I. V. The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modeen Urban Families. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2019. No. 4. DOI [10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-128-151). (In Russ.).
3. Myrskylä, M., Kohler, H.-P., Billari, F. C. Advances in Development Reverse Fertility Declines. *Nature*. 2009. Vol. 460, No. 7256 P. 741–743. DOI [10.1038/nature08230](https://doi.org/10.1038/nature08230).
4. Borodina, T. L., Litvinenko, T. V. Regional Features of Fertility of the Russian Rural Population. *III All-Russian Demographic forum with international participation : materials of the forum* / Ed. by T. K. Rostovskaya. Moscow : FCTAS RAS Publishing, 2021. Pp. 19–25. DOI [10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4](https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.4). (In Russ.).
5. Paciorkovskij, V. V., Simagin, Yu. A., Murtuzaliev, D. D. The Population Dynamic in Russian Municipal Formations from 2010 to 2018. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019. Vol. 10, No. 3. Pp. 59–77. DOI [10.19181/vis.2019.30.3.589](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.589). (In Russ.).
6. Petrosyan, A. N. Fertility at the Municipal Level in Russia, 2011–2019. *Demographic Review*. 2021. Vol. 8, No. 3. DOI [10.17323/demreview.v8i3.13266](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266). (In Russ.).
7. *Demograficheskoye samouchuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2022 [Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report – 2022.]* / T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova, et al. Moscow : “PERSPEKTIVA” Publishing House, 2022. 220 p. ISBN 978-5-88045-556-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022). (In Russ.).
8. *Demograficheskoye samouchuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskiy doklad – 2021 [Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report – 2021.]* / T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova, A. R. Abdulzhanov, et al. Moscow : “PERSPEKTIVA” Publishing House, 2021. 138 p. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021). (In Russ.).
9. Shcherbakova, E. M. Demograficheskie itogi pervogo polugodiya 2023 goda v Rossii [Demographic results of the first half of 2023 in Russia]. *Demoscope-Weekly*. 2023. No. 999–1000. Pp. 1–20. (In Russ.).
10. Arkhangelsky, V. N. Fertility in the Tyumen Region: Dynamics, Age Pattern, Regional Differences. *CITISE*. 2022. No. 3 (33). Pp. 54–69. DOI [10.15350/2409-7616.2022.3.05](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.05). (In Russ.).
11. Arkhangelsky, V. N., Dzhanayeva, N. G., Elizarov, V. V. Regional Differences in Fertility in the Far East. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. No. 2 (204). Pp. 41–50. (In Russ.).
12. Kondrat'ev, N. D. *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight]*. Moscow : Ekonomika Publishing House, 2002. 765 p. ISBN 5-282-02181-1. (In Russ.).
13. Yakovec, Yu. V. *Cikly. Krizisy. Prognozy [Cycles. Crises. Forecasts]*. Moscow : Nauka Publishing House, 1999. 447 p. ISBN 5-02-008281-3. (In Russ.).
14. Baburin, V. L. *Innovacionnye tsikly v rossijskoj ekonomike [Innovation cycles in the Russian economy]*. Moscow : KRASAND Publ, 2010. 209 p. ISBN 978-5-396-00131-2. (In Russ.).
15. Averkieva, K. V. East of the Vologda Oblast as a Socio-Economic and Cultural Anomaly. *Problems of Territorial Development*. 2018. No. 6 (98). Pp. 131–148. DOI [10.15838/ptd.2018.6.98.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.6.98.9). (In Russ.).

16. Dashinamzhirov, O. B. Reproduction of the Urban Population of the Tyumen Region in 1959–1970: A Comparative Analysis. *Humanities Research. Humanitates*. 2021. Vol. 7, No. 1 (25). DOI [10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-1-201-214). (In Russ.).

17. Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian society and the state in the context of the formation of a new world order: the demographic situation in 2022] / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, V. N. Arkhangelsky, et al. Moscow: Prospect Publishing House, 2023. 448 p. ISBN 978-5-392-38629-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023). (In Russ.).

18. Mikryukov, N. Yu. Glubinnaya Rossiya: sovremennyye problemy i vozmozhnyye sposoby ih razresheniya [Deep Russia: current problems and possible ways to solve them]. *Issues of local self-government*. 2024. No. 1. Pp. 30–34. (In Russ.).

Bio notes

Nikolay Yu. Mikryukov, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ecoro@mail.ru.

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); RSCI SPIN-code: [3204-9894](https://elibrary.ru/3204-9894); Web of Science Researcher ID: [AA1530-2021](https://orcid.org/AA1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN code: [4283-7466](https://elibrary.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Received on 01.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.7)EDN [IOOSPO](https://www.ioospro.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Анге

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: 842590721@qq.com

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: riazan@mail.ru

Для цитирования: Анге. Демографическая динамика в Китайской Народной Республике / Анге, С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 121–135. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.7). EDN [IOOSPO](https://www.ioospro.ru).

Аннотация. Предметом данного исследования является демографическая ситуация в Китае. Задачи исследования включают определение долгосрочных тенденций ее изменения, их причин и последствий для экономического развития КНР. Теоретическую базу исследования составляют современные концепции демографического развития в рамках макроэкономического подхода, изложенные в работах китайских и зарубежных ученых. Исследование опирается на обширную базу статистических данных по демографическому и экономическому развитию КНР за период с 1950 г., полученных из открытых источников: Национального бюро статистики, ООН и Всемирного банка. К данным применяются стандартные методы анализа по временным рядам с целью выявления устойчивых трендов. В основной части статьи рассматриваются долгосрочные тенденции рождаемости, смертности, изменения численности, половой и возрастной структуры населения, миграции и урбанизации, а также их эффекты для экономического развития Китая. В заключение приводятся практические рекомендации относительно возможных мер демографической и социально-экономической политики, которые будут способствовать преодолению негативных последствий и совершению безболезненного перехода к парадигме устойчивого развития. Исследование может представлять интерес для широкого круга специалистов в области демографии, миграции населения, макроэкономики, исследований Китая.

Ключевые слова: демографические процессы, демографический переход, сокращение численности населения, старение населения, демографическая политика, экономическая политика, устойчивое развитие, Китай

Введение

Китай остается одной из крупнейших стран мира по численности населения. Долгое время он лидировал по данному показателю и лишь в апреле 2022 г. уступил первое место Индии. По оценкам ООН, среднегодовая численность населения КНР за 2025 г. составит более 1 млрд 416 млн человек, что равняется приблизительно 17%

населения земли. Большая часть населения проживает в городах, уровень урбанизации достиг 67,5%¹.

Демографические характеристики населения, такие как его численность, динамика, структура и качество, оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие любой страны, включая Китай, поскольку население является одновременно и производителем, и потребителем товаров и услуг. Начиная с 2022 г. численность населения КНР начала сокращаться, что в перспективе способно привести к замедлению экономического роста. Демографические вызовы, с которыми сталкивается сегодня эта страна, являются беспрецедентными в силу огромного размера ее населения и стремительного изменения его структуры. Демографическая динамика КНР характеризуется значительными изменениями на протяжении последних десятилетий. В этой статье мы рассмотрим основные аспекты демографической ситуации в Китае, включая политику планирования семьи, старение населения, гендерный дисбаланс и миграционные процессы, чтобы проследить основные тенденции, выявить их причины и предложить возможные пути минимизации негативных эффектов.

Эмпирическим материалом исследования выступают статистические данные о народонаселении и основных экономических показателях Китая, которые мы анализируем в динамике за длительный исторический период – от образования Китайской Народной Республики до настоящего времени, чтобы проследить долгосрочные тренды. Используются различные источники: базы данных Отдела народонаселения ООН, Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Всемирного банка – для обеспечения лучшей сопоставимости с мировыми показателями, а также Национального бюро статистики КНР, в т. ч. данные Седьмой национальной переписи населения. К данным применяются стандартные методы статистического анализа по временным рядам.

Теоретико-методологическим основанием работы служат современные демографические концепции в рамках экономической теории, включая подход устойчивого развития.

Обзор литературы

В современной научной литературе демографическая ситуация в КНР рассматривается с разных позиций. Монографии и другие крупные исследования, как правило, используют исторический подход и прослеживают эволюцию демографической динамики и демографической политики в стране от поощрения рождаемости в 1950–1960-е гг. через жесткие ограничения в период т. н. «политики одного ребенка» в 1980–2015 гг. до возвращения к пронаталистской политике с 2016 г. [напр., 1–3].

Другие публикации анализируют социокультурный контекст процессов в области народонаселения, связывая изменения установок в данной сфере с возвращением к традиционным конфуцианским представлениям и подобными идеологическими факторами. К примеру, Чжу Хуэй в своей работе говорит о необходимости

¹ China Population // Worldometer : [site]. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/china-population/> (accessed on 19.01.2025).

продвижения «новой стратегии развития населения» в контексте «модернизации в китайском стиле», которая частично унаследовала философию западной модернизации с ее представлениями о субъектности человека, но еще более усилила ориентацию на людей, что отражено в идеале всестороннего развития личности, теории устойчивого развития общества и экономики, ценности безопасности [4].

В рамках нашего исследования особенно значимы работы, которые акцентируют внимание на социально-экономических аспектах проблемы: взаимосвязи демографической политики и экономического развития, влиянии демографических изменений на рынок труда и т. д. В частности, китайский ученый Мао Юаньлун отмечает, что на современном этапе как природные ресурсы перестают определять потенциал экономического роста, так и демографический дивиденд утрачивает свое влияние и должен быть преобразован в «дивиденд человеческого капитала» [5]. Ван Цзюнь также выделяет две основных задачи демографической политики КНР в свете демографического перехода: первая – повышение рождаемости с целью смягчение депопуляции, вторая – наращивание человеческого капитала и потенциала [6].

Отметим в этой связи, что «качеству» человеческих ресурсов («сучжи») как в академических работах [напр., 7], так и в политических постановлениях² начали уделять особое внимание еще 1980-х гг., когда в Китае была запущена масштабная программа модернизации, направленная на развитие науки и техники. Тогда «качественные человеческие ресурсы» были необходимы для работы с новым оборудованием. Сейчас же они служат залогом высокой производительности труда.

Многие исследования посвящены отдельным компонентам демографических изменений. Так, Рен Цзепин рассматривает процесс старения населения и его влияние на социально-экономическое развитие Китая через возрастание демографической нагрузки [8]. Тан Цзюнь сравнивает ход демографического старения в КНР и других странах, фокусируясь на его причинах [9]. Лун Тэн и Ван Хайцзюнь доказывают, что увеличение доли пожилых людей ведет к росту государственного долга [10].

Существует немало и русскоязычных работ по проблемам демографического развития Китая. Например, в статье исследователей из МГУ имени М. В. Ломоносова и ИДИ ФНИСЦ РАН гендерные и возрастные диспропорции населения выделены как главные риски для социально-экономического развития КНР в будущем [11]. Ю. А. Селиверстова показывает, что сложившиеся демографические тенденции к 2030 г. приведут к значительному увеличению нагрузки на системы здравоохранения, социального обеспечения, городской прописки (хукоу) [12]. К. В. Бабаев прогнозирует, что, несмотря на принимаемые властями меры, Китаю не удастся переломить сложившийся тренд сокращения численности населения, однако это не приведет к остановке экономического роста страны [13].

Научная новизна настоящего исследования обусловлена его большим временным охватом с опорой на обширную эмпирическую базу, что позволило

² Например, Постановление ЦК КПК о реформе системы образования: 中共中央關於教育體制改革的決定 // 中国政府网_中央人民政府门户网站 : [site]. URL: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1985/gwyb198515.pdf> (accessed on 19.01.2025).

идентифицировать долгосрочные тренды в демографической динамике КНР, экстраполировать выявленные тенденции и, таким образом, определить основные демографические риски для устойчивого развития.

Новые вызовы демографического развития КНР

1. Сокращение численности населения

В момент образования Китайской Народной Республики в 1949 г. численность населения страны составляла 550 млн человек. За три десятилетия, к июлю 1982 г., в результате повышения уровня благосостояния, население удвоилось и превысило отметку в 1 млрд человек.

Долгое время в официальном дискурсе Китая столь быстрый демографический рост трактовался как негативное явление в контексте социально-экономического развития. С 1979 г. власти КНР начали реализовывать демографическую политику, направленную на планирование семьи и ограничение рождаемости. Это привело к постепенному замедлению темпов роста населения.

К моменту проведения Седьмой переписи населения в ноябре 2020 г. численность населения Китая достигла исторического максимума в 1,41 млрд человек. Однако уже в 2022 г. она сократилась впервые с 1960-х гг. По сравнению с предыдущим годом убыль составила 850 тыс. человек. Это ознаменовало начало эры «отрицательной демографической динамики» в Китае (рис. 1).

По некоторым прогнозам, население КНР сократится на 48% к 2100 г. и составит всего 732 млн человек (согласно базовому сценарию) [14].

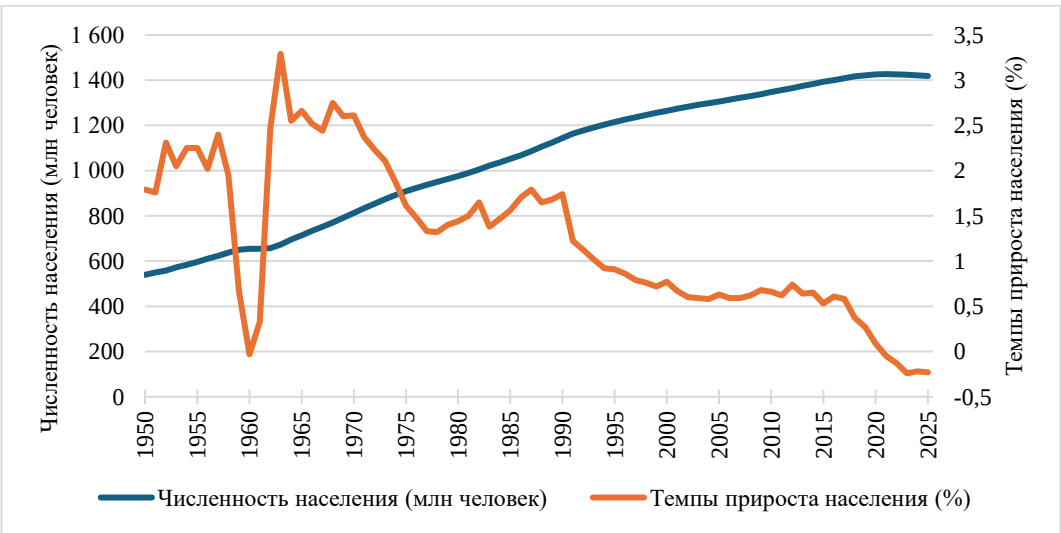

Рис. 1. Динамика численности населения КНР

Fig. 1. Population dynamics in China

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects³

³ World Population Prospects 2024 // UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 20.01.2025).

2. Снижение рождаемости

Из анализа данных статистики народонаселения Китая следует, что причиной начинающейся депопуляции стало снижение рождаемости (рис. 2). Смертность стабилизировалась на достаточно низком уровне с 1990-х гг. Значения общего коэффициента смертности были минимальными в конце тысячелетия, затем наметился небольшой рост, вызванный увеличением доли пожилых людей. Его несколько усугубила пандемия коронавируса, но основным фактором роста смертности является возрастная структура населения, поскольку ожидаемая продолжительность жизни неуклонно возрастает (с 44 лет в 1950 г. до 78 лет в 2024 г.). А вот суммарный коэффициент рождаемости год от года снижается (в среднем с шести детей на одну женщину в 1950 г. до одного ребенка в 2024 г.).

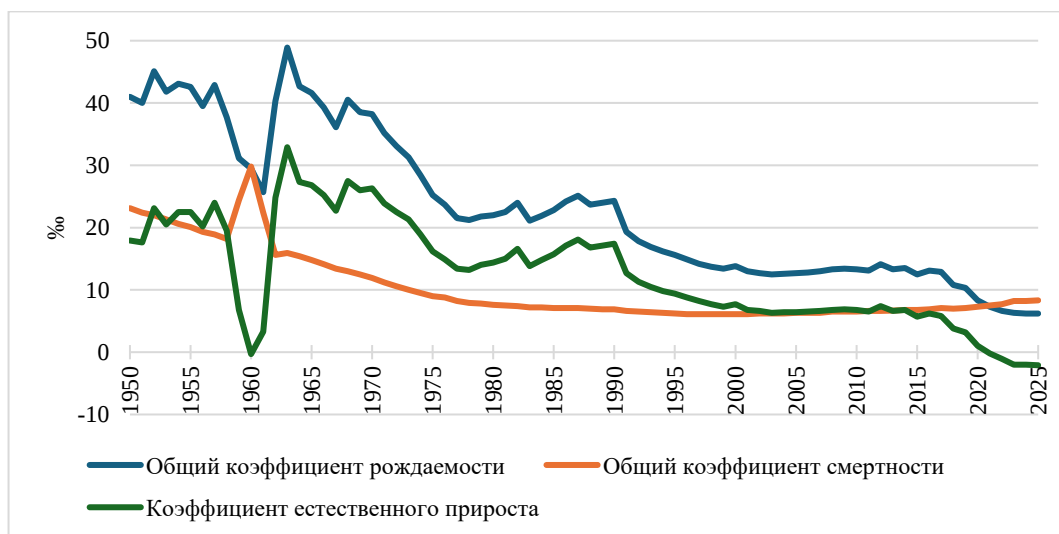

Рис. 2. Динамика компонентов естественного движения населения Китая⁴

Fig. 2. Dynamics of the components of natural population change in China

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects⁵

3. Старение населения

Средний возраст населения Китая в 1950 г. составлял 22 года, а к настоящему времени почти удвоился, превысив в 2024 г. 40-летний рубеж. Основной причиной старения населения стало снижение рождаемости. Коэффициент демографической нагрузки (т. е. отношение числа лиц нетрудоспособного возраста к численности трудоспособного населения) в 1950 г. составлял 0,75; из них 0,61 приходился на нагрузку детьми и 0,14 – на нагрузку пожилыми. В 2024 г. данный показатель оценивался в 0,58, причем нагрузка детьми снизилась до 0,25, а еще 0,33 составили уже пожилые. Интересно, что исторического максимума коэффициент демографической нагрузки достигал в 1965–1966 гг., когда он был равен 0,91, однако 0,79 из них

⁴ Причиной скачка показателей в 1959–1961 гг. является период массового голода в КНР, когда, по официальным данным, погибло не менее 15 млн человек.

⁵ World Population Prospects 2024 // UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 20.01.2025).

приходилось на детей и лишь 0,12 на пожилых. С экономической точки зрения демографическая нагрузка населением моложе трудоспособного возраста рассматривается как положительная, поскольку в будущем молодые люди пополнят ряды рабочей силы. Именно это и создало тот демографический дивиденд, который выступал фактором роста КНР в предшествующие десятилетия. Доля населения старше 60 лет⁶ начала возрастать с 1973 г. и в 2024 г. превысила 20% (рис. 3). В настоящее время Китай – одна из самых быстро стареющих стран в мире.

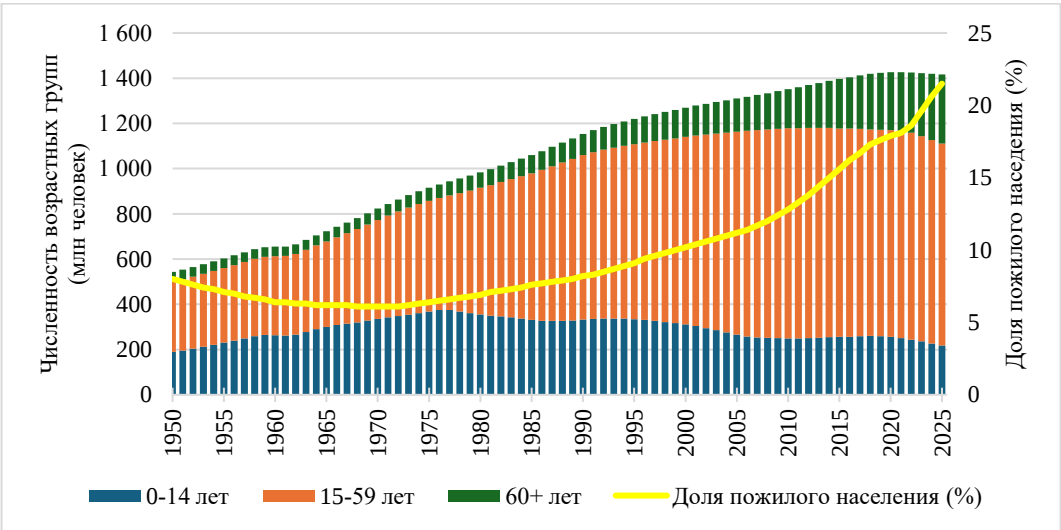

Рис. 3. Динамика возрастной структуры населения Китая

Fig. 3. Dynamics of the population age structure in China

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects⁷

4. Гендерный дисбаланс

Еще одной проблемой, связанной с демографической ситуацией в КНР, является гендерный дисбаланс. Из-за того, что в традиционной культуре предпочтение отдается мальчикам, а также в связи с политикой ограничения рождаемости в прошлом, в стране наблюдается перевес в сторону мужчин. Это может иметь серьезные социальные и экономические последствия, такие как сложности в поиске партнеров для брака и потенциальное увеличение преступности [15].

В общественном дискурсе вину за формирование гендерного дисбаланса нередко возлагают на т. н. политику одного ребенка, проводившуюся в Китае в 1979–2015 гг. [напр., 16]. Однако данные статистики свидетельствуют о том, что аномально высокое соотношение численности мужчин к численности женщин наблюдалось в Китае и ранее. В 1950 г. на 100 женщин приходилось 106 мужчин, а в последний год проведения политики сокращения рождаемости – 105 мужчин на 100

⁶ В Китае возраст выхода на пенсию составлял: для мужчин – 60 лет, для женщин – 50 лет, для женщин на должностях служащих – 55 лет. С 01.01.2025 началось постепенное повышение пенсионного возраста до 63, 55 и 58 лет соответственно.

⁷ World Population Prospects 2024 // UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 20.01.2025).

женщин. К настоящему времени перевес снизился до 104 на 100. В мире в среднем на 100 девочек рождается 105 мальчиков, но затем соотношение смещается в пользу женщин из-за более высокой смертности мужчин, и таким образом, по всем возрастам в целом естественное соотношение близко к 1:1.

На сегодняшний день наиболее сильный гендерный дисбаланс в КНР наблюдается в возрастах 12–22 года: 117 мужчин на 100 женщин. Далее диспропорции начинают сглаживаться за счет более высокой смертности среди мужчин. Особенно в пожилых возрастах они начинают заметно уступать в численности женщинам. Среди новорожденных же на 100 девочек теперь приходится 110–111 мальчиков (рис. 4). Можно заключить, что переход к политике «Одна семья – два ребенка», а с 2021 г. – «Одна семья – три ребенка» вкупе с ослаблением влияния традиционных норм в современном мире все же положительно сказались на проблеме соотношения полов.

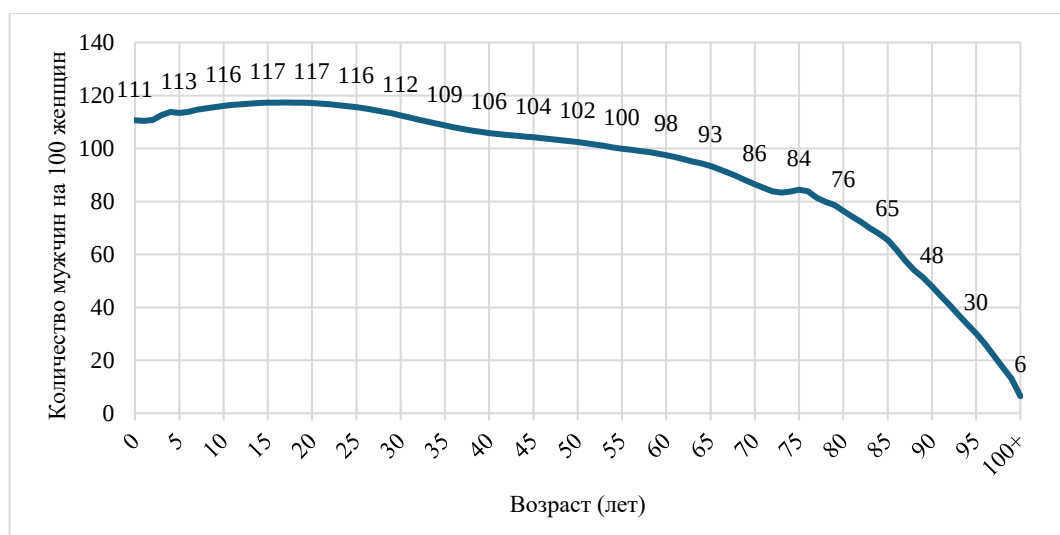

Рис. 4. Количество мужчин на 100 женщин по возрастам в Китае на 2023 г.

Fig. 4. Number of men per 100 women by age in China in 2023

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects⁸

5. Миграция и урбанизация

По результатам Седьмой национальной переписи населения КНР, 35% всего населения материкового Китая проживают не по месту регистрации своего домохозяйства, т. е. являются внутренними мигрантами. Наибольший процент населения мигранты составляют в мегаполисах, таких как Пекин (61%), Шанхай (61%), Тяньцзинь (47%), а также в экономически развитой провинции Гуандун (48%), обширной Внутренней Монголии (48%), провинции Нинся, где реализуются государственные программы переселения с целью преодоления бедности и экологических проблем (47%), провинции Чжэцзян, где активно продвигаются процессы

⁸ World Population Prospects 2024 // UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 20.01.2025).

урбанизации и развитие промышленности (47%). Количество мигрантов из других провинций особенно велико в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Чжэцзяне, Гуандуне (табл. 1).

Таблица 1

**Численность населения КНР, проживающего не по месту регистрации
своего домохозяйства**

Table 1

China's population living outside the place of their household registration

Текущее место жительства	Все население		Население, зарегистрированное в другом месте							
			Всего		в другом муниципалитете		в другом населенном пункте		в другой провинции	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
КНР	1 409 778 724	100	492 762 506	35	116 945 747	8	250 979 606	18	124 837 153	9
Пекин	21 893 095	100	13 409 576	61	4 991 158	23	-	-	8 418 418	38
Тяньцзинь	13 866 009	100	6 479 695	47	2 944 879	21	-	-	3 534 816	25
Хэбэй	74 610 235	100	19 775 641	27	4 442 713	6	12 177 656	16	3 155 272	4
Шаньси	34 915 616	100	12 891 174	37	3 217 374	9	8 053 282	23	1 620 518	5
Внутренняя Монголия	24 049 155	100	11 462 961	48	2 394 517	10	7 382 024	31	1 686 420	7
Ляонин	42 591 407	100	15 670 121	37	5 676 890	13	7 145 923	17	2 847 308	7
Цилинь	24 073 453	100	10 350 683	43	2 399 266	10	6 949 946	29	1 001 471	4
Хэйлунцзян	31 850 088	100	11 549 584	36	3 067 675	10	7 652 733	24	829 176	3
Шанхай	24 870 895	100	15 134 258	61	4 654 606	19	0	0	10 479 652	42
Цзянсу	84 748 016	100	29 979 948	35	6 316 191	7	13 355 147	16	10 308 610	12
Чжэцзян	64 567 588	100	30 107 815	47	4 550 365	7	9 370 996	15	16 186 454	25
Аньхой	61 027 171	100	18 099 918	30	4 227 612	7	12 321 797	20	1 550 509	3
Фуцзянь	41 540 086	100	16 464 611	40	2 803 364	7	8 771 371	21	4 889 876	12
Цзянси	45 188 635	100	13 520 934	30	3 886 904	9	8 355 016	18	1 279 014	3
Шаньдун	101 527 453	100	28 026 762	28	7 283 477	7	16 614 278	16	4 129 007	4
Хэнань	99 365 519	100	25 639 605	26	4 437 885	4	19 928 074	20	1 273 646	1
Хубэй	57 752 557	100	18 476 561	32	5 712 376	10	10 514 571	18	2 249 614	4
Хунань	66 444 864	100	17 575 847	26	3 403 819	5	12 594 465	19	1 577 563	2
Гуандун	126 012 510	100	60 635 086	48	8 568 936	7	22 444 040	18	29 622 110	24
Гуанси	50 126 804	100	13 238 781	26	3 716 255	7	8 163 142	16	1 359 384	3
Хайнань	10 081 232	100	3 498 161	35	835 883	8	1 574 135	16	1 088 143	11
Чунцин	32 054 159	100	13 096 435	41	8 285 047	26	2 617 813	8	2 193 575	7
Сычуань	83 674 866	100	27 823 204	33	7 134 650	9	18 098 513	22	2 590 041	3
Гуйчжоу	38 562 148	100	11 694 763	30	2 104 710	5	8 443 507	22	1 146 546	3
Юньнань	47 209 277	100	12 209 314	26	1 610 264	3	8 368 656	18	2 230 394	5
Тибет	3 648 100	100	1 031 132	28	138 902	4	485 109	13	407 121	11
Шэньси	39 528 999	100	13 267 095	34	3 993 217	10	7 340 166	19	1 933 712	5
Ганьсу	25 019 831	100	7 352 465	29	2 010 870	8	4 575 947	18	765 648	3
Цинхай	5 923 957	100	2 070 660	35	464 625	8	1 188 731	20	417 304	7
Нинся	7 202 654	100	3 362 670	47	855 675	12	1 831 876	25	675 119	9
Синьцзян	25 852 345	100	8 867 046	34	815 642	3	4 660 692	18	3 390 712	13

Источник: составлено авторами по данным Переписи населения КНР 2020 г.⁹

Основным трендом миграции в КНР уже несколько десятилетий является перемещение населения из сельской местности в города. Менее квалифицированные кадры в основном приезжают на определенный срок с целью заработка, более образованное население переселяется в города безвозвратно. Причиной активной

⁹ 中国人口普查年鉴-2020 // 国家统计局 : [site]. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/7rp/zk/indexce.htm> (accessed on 23.01.2025).

миграции служит, прежде всего, неравномерность социально-экономического развития: основной потенциал роста сосредоточен в восточных провинциях, в то время как западные и центральные регионы заметно отстают по целому ряду показателей, а кроме того, испытывают экологические проблемы.

Из данных Переписи населения следует, что 3/4 внутренних мигрантов находятся в возрасте от 16 до 35 лет, 2/3 из них составляют мужчины, почти 80% – крестьяне («нунминьгун»), 87% имеют среднее образование.

Для осуществления контроля за перемещениями населения и сдерживания слишком быстрого роста городов правительство использует систему регистрации домохозяйств «хукоу». Сельские хукоу ограничивают доступ к городским льготам, таким как социальное и пенсионное обеспечение, медицинское страхование, льготы на обучение и т. п. С 2000-х гг. правительство начало процесс либерализации системы хукоу: отменило часть ограничений по прописке, упростило процедуру трудоустройства для приезжих и ввело медицинские страховки для работающих мигрантов, что повысило безопасность миграции.

Несмотря на меры государственного регулирования [17], уровень урбанизации Китая стремительно растет. В 1950 г. доля городского населения составляла всего 12% против 30% в среднем по миру, а в 2023 г. она достигла 65% против среднемировых 57%. По прогнозам, к 2050 г. в городах будет проживать 80% населения Китая¹⁰. В свете этого необходимо минимизировать негативные последствия урбанизации, используя инновационные подходы к городскому планированию [18] и учитывая опыт других государств [19].

Экономические последствия демографических изменений

Сокращение численности и старение населения представляют серьезный вызов для дальнейшего экономического развития страны.

На протяжении последнего полувека в КНР численность населения трудоспособного возраста увеличивалась быстрее, чем численность граждан моложе или старше этого возраста. Это сформировало т. н. демографический дивиденд, когда исторически максимальная доля населения вносила свой вклад в производство валового внутреннего продукта (ВВП). По оценкам ЮНФПА, именно демографический дивиденд обеспечил более 1/4 экономического роста¹¹ и породил «китайское экономическое чудо».

Но в последние два десятилетия темпы роста экономики КНР снижаются. Для удвоения ВВП до значений 2023 г. потребовалось 10 лет, тогда как в 2000-х гг. ВВП удваивался каждые 2–3 года (рис. 5). Согласно некоторым исследованиям [напр., 20], вследствие сокращения трудоспособного населения рост ВВП может замедлиться на 1% ежегодно. Чтобы избежать рецессии, китайские ученые предлагают делать упор на развитии человеческого капитала [напр., 5] и использовать второй

¹⁰ World Urbanisation Prospects // UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wup/downloads> (accessed on 23.01.2025).

¹¹ 《中国“经济奇迹”与人口红利》：摘要 // UNFPA 中国 : [site]. URL: <https://china.unfpa.org/zh-Hans/publications/cndd> (accessed on 24.01.2025).

демографический дивиденд, т. е. потенциал «серебряного поколения», которое может выступить активным участником экономической деятельности [21].

Вместе с тем старение населения имеет и негативные эффекты. В частности, оно создает давление на фискальную систему. Из-за сокращения трудовых ресурсов налоговые поступления от населения уменьшаются. При этом растут социальные расходы на пенсионные выплаты и другие социальные программы для пожилых. Также увеличиваются расходы и загруженность системы здравоохранения.

Уменьшение численности работающего населения означает не только уменьшение налоговой базы, но и снижение объемов инвестирования и реинвестирования в экономику. Кроме того, рост расходов государственного бюджета на обеспечение социальных гарантий означает сокращение возможностей для инвестиций в инфраструктуру и производство.

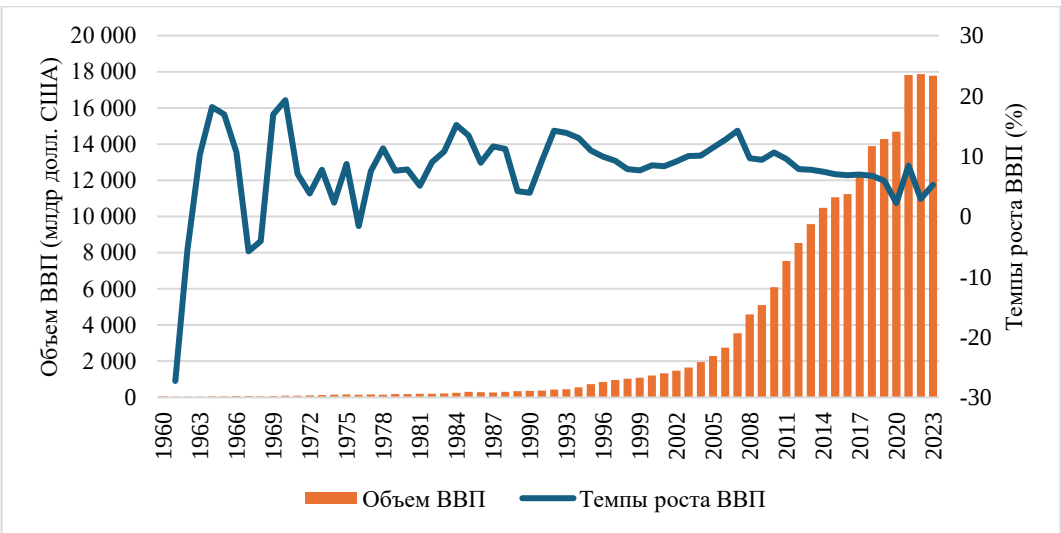

Рис. 5. Динамика ВВП Китая
Fig. 5. China's GDP dynamics

Источник: составлено авторами до данным Всемирного банка¹²

Несмотря на начатую в 2021 г. политику «Одна семья – три ребенка», представляется маловероятным, что Китаю удастся достичь провозглашенной цели и переломить тенденцию к сокращению численности населения. Это связано с целым рядом факторов, включая изменение жизненных приоритетов молодежи, ориентацию на карьерный рост и высокий уровень жизни, большие затраты на воспитание и образование детей, массовые переселения в города, нуклеаризацию семей и т. д. К тому же вследствие гендерного дисбаланса около 15% молодых мужчин не смогут найти себе пару для вступления в брак.

Естественные демографические процессы обладают большой силой инерции. Управлять миграцией населения можно в более короткие сроки, однако для

¹² GDP (current US\$) // World Bank Open Data : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed on 24.01.2025); GDP growth (annual %) // World Bank Open Data : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed on 24.01.2025).

социально-экономической ситуации она имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, миграция обеспечивает пополнение растущих мегаполисов рабочей силой, необходимой для развития инноваций, производства и услуг. Таким образом, она вносит значительный вклад в экономический рост страны. Но с другой стороны, миграционные процессы приводят к возрастанию нагрузки на городскую инфраструктуру, включая жилые районы, транспортные системы, образовательные и медицинские учреждения, систему городской регистрации хукоу. Миграция несет и социальные риски, связанные с проблемами адаптации сельских мигрантов к городской среде, получением ими медицинского обслуживания, обеспечением легального трудоустройства и пр.

Заключение

Итак, проведенный нами анализ показал, что со времени своего образования в 1949 г. Китайская Народная Республика прошла через разные и даже противоположные по некоторым компонентам этапы демографического развития. На первом этапе высокая рождаемость и сокращающаяся смертность обеспечили быстрый рост численности населения. Затем снижение рождаемости уменьшило демографическую нагрузку, трудоспособное население стало расти быстрее, чем количество иждивенцев, что создало «демографический дивиденд», который во многом и обусловил стремительный подъем экономики. Однако такая структура населения неизбежно привела к его старению вследствие низкой рождаемости и увеличения продолжительности жизни, что образно называют «демографическим налогом».

Сегодня правительство КНР уже начало реализовывать программу повышения рождаемости и пенсионную реформу. Плюс к этому либерализации подверглась система регистрации хукоу. Тем не менее, исходя из текущей демографической динамики, представляется маловероятным, что эти меры способны обеспечить рост населения и закрыть все потребности рынка труда. Поэтому демографическая политика должна быть дополнена социально-экономическим подходом. Чтобы избежать экономического спада в условиях нисходящей демографической динамики, необходимо повышать производительность труда. Это включает инвестиции в человеческий капитал: образование населения и повышение квалификации работников; а также инвестиции в основной капитал: техническое переоснащение производства, внедрение инноваций, комплексную информатизацию и автоматизацию. Кроме того, важно создание рабочих мест для старшего поколения и условий для занятости женщин, совмещающих труд и материнство.

Стоит отметить, что в китайской науке и управленческой практике есть богатый опыт разработки концепции «высококачественного человеческого капитала». Опираясь на «сучжи» не только в сфере образования, но также в профессиональной деятельности, переподготовке, повышении квалификации, китайское общество может двигаться к практике непрерывного образования.

С помощью грамотной демографической и экономической политики КНР удастся нивелировать негативные последствия старения и сокращения численности населения. К тому же нельзя забывать о значительных ресурсах развития, которыми Китай обладает. Численность рабочей силы страны остается огромной. В 2024 г. она насчитывала более 734 млн человек. При этом безработица в городах

превышала 5%¹³ без учета сельской безработицы, что говорит о наличии все еще незадействованных резервов.

Подводя итог, можно заключить, что при условии использования новых возможностей и своих конкурентных преимуществ Китай способен осуществить безболезненный переход к устойчивому развитию.

Список литературы

1. Riley, N. E. Population in China. Cambridge : Polity Press, 2017. 237 p. ISBN 9780745688640.
2. Beardsan, T. Ageing Giant: China's Looming Population Collapse. Oxford : Signal Books, 2021. 313 p. ISBN 1909930989.
3. Ван Дун. Демографические процессы в Китае во второй половине XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Ван Дун. Москва, 2002. 162 с. EDN [NMCJHV](#).
4. 朱荟: 《以中国式现代化助推人口发展战略新格局》, 《社会科学辑刊》2023 年第 4 期, 第 155–164 页.
5. 毛渊龙: 《新时代经济发展红利从何而来——基于人口红利与增长动能关系的分析》, 《理论界》2023 年第 6 期, 第 45–52 页, DOI [10.13221/j.cnki.llj.2023.06.005](#).
6. 王军: 《人口负增长背景下人口规模巨大的现代化及其人口发展战略》, 《开放时代》2023 年第 4 期, 13–25 页.
7. 傅荣: 《试论素质教育之特点》, 《现代教育论丛》, 1997 年第 5 期, 第 21–22 页.
8. 任泽平: 《中国老龄化报告》, 《发展研究》2023 年第 02 期, 第 22–30 页.
9. 唐钧: 《世界和中国的人口老龄化及其原因》, 《社会政策研究》2022 年第 3 期, 第 3–18 页, DOI [10.19506/j.cnki.cn10-1428/d.2022.03.008](#).
10. 龙腾, 王海军: 《人口老龄化对主权债务风险的影响研究》, 《世界经济研究》2023 年第 2 期, 第 119–136 页, DOI [10.13516/j.cnki.wes.2023.02.009](#).
11. Мэн, В. Современная демографическая ситуация в Китае / В. Мэн, Ц. Су, С. Н. Мищук // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 37–51. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.3](#). EDN [HNSYIU](#).
12. Селиверстова, Ю. А. Демографическое будущее Китая / Ю. А. Селиверстова // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 4. С. 149–165. DOI [10.17323/demreview.v7i4.12047](#). EDN [NEGXMK](#).
13. Бабаев, К. В. Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая / К. В. Бабаев // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 55–65. DOI [10.19181/population.2023.26.3.5](#). EDN [HFVAED](#).
14. Vollset, S. E. et al. Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study // The Lancet. 2020. Vol. 396, No. 10258. Pp. 1285–1306. DOI [10.1016/s0140-6736\(20\)30677-2](#).
15. 姜全保, 李波: 《性别失衡对犯罪率的影响研究》, 《公共管理学报》2011 年第 01 期, 第 71–80 页.
16. 石人炳, 陈宁: 《单独二孩政策实施对出生人口性别比的影响研究》, 《华中师范大学学报(人文社会科学版)》2015 年第 54(02)期, 第 27–33 页.
17. Yang, X. Population Movement in Zhejiang Province, China: The Impact of Government Policies / X. Yang, S. Goldstein // International Migration Review. 1990. Vol. 24, No. 3. Pp. 509–533.
18. 黄依慧, 陈宏胜: 《从“本土”到“全球”: 中国城镇化进程与治理经验初探》, 《人民城市, 规划赋能——2023 中国城市规划年会论文集 (11 城乡治理与政策研究)》, 2023 年, 第 173–181 页, DOI [10.26914/c.cnkihy.2023.049967](#).
19. 孙全胜: 《主要国家城市化基本经验及其启示》, 《上海经济研究》2018 年第 1 期, 第 116–128 页, DOI [10.19626/j.cnki.cn31-1163/f.2018.01.012](#).

¹³ Statistical Communique of China on the 2024 National Economic and Social Development // National Bureau of Statistics of China : [site]. 28.02.2025. URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202502/t20250228_1958822.html (accessed on 01.03.2025).

20. 郭晗, 任保平: 《人口红利与中国经济增长: 理论与实证》, 《当代财经》, 2014 年第 3 期, 1674.

21. Волкова, М. Д. От демографического дивиденда к устойчивому развитию КНР в условиях стареющего населения: взгляд китайских экспертов / М. Д. Волкова, М. С. Круглова // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18, № 3. С. 559–576. DOI [10.21202/2782-2923.2024.3.559-576](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576). EDN [DJMBKL](https://www.edn.ru/DJMBKL).

Сведения об авторах

Анге, соискатель, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 842590721@qq.com.

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); РИНЦ SPIN-код: [6995-4829](https://elibrary.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Статья поступила в редакцию 08.01.2025; принята в печать 13.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DYNAMICS IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Ange

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 842590721@qq.com

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Ange, Ryazantsev, S. V., Moiseeva, E. M. Demographic Dynamics in the People's Republic of China. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 121–135. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.7).

Abstract. The subject of this study is the demographic situation in China. The objectives of the study include determining long-term trends in its change, their causes and consequences for the economic development of the PRC. The theoretical basis of the study is modern concepts of demographic development within the framework of the macroeconomic approach, set out in the works of Chinese and foreign scholars. The study is based on an extensive database of statistical data on the demographic and economic development of the PRC for the period since 1950, obtained from open sources of the National Bureau of Statistics, the UN and the World Bank. Standard methods of time series analysis are applied to the data in order to identify sustainable trends. The main part of the article considers long-term trends in fertility, mortality, changes in the size, sex and age structure of the population, migration and urbanization, as well as their effects on the economic development of China. In conclusion, practical recommendations are provided regarding possible

measures of demographic and socio-economic policy that will help to overcome the negative consequences and make a painless transition to the paradigm of sustainable development. The study may be of interest to a wide range of specialists in the field of demography, population migration, macroeconomics, and China studies.

Keywords: demographic processes, demographic transition, population decline, population aging, population policy, economic policy, sustainable development, China

References

1. Riley, N. E. *Population in China*. Cambridge : Polity Press, 2017. 237 p. ISBN 9780745688640.
2. Beardson, T. *Ageing Giant: China's Looming Population Collapse*. Oxford : Signal Books, 2021. 313 p. ISBN 1909930989.
3. Wang Dong. *Demograficheskiye protsessy v Kitaye vo vtoroy polovine XX v. [Demographic processes in China in the second half of the 20th century]* : dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Moscow, 2002. 162 p. (In Russ.).
4. Zhu Hui. Yǐ zhōngguó shì xiàndàihuà zhù tuī rénkǒu fāzhǎn zhànlüè xīn géjú [Promoting a new pattern of population development strategy with Chinese-style modernization]. *Shèhuì kēxué jí kān [Journal of Social Sciences]*. 2023. No. 4. Pp. 155–164. (In Chinese).
5. Mao Yuanlong. Xīn shídài jīngjì fāzhǎn hónglì cóng hé ér lái — jīyú rénkǒu hónglì yǔ zēngzhǎng dòngnéng guānxì de fēnxī [Where does the economic development dividend in the new era come from? An analysis based on the relationship between demographic dividend and growth momentum]. *Lìlùn jiè [Theoretical Circles]*. 2023. No. 6. Pp. 45–52. DOI [10.13221/j.cnki.lljj.2023.06.005](https://doi.org/10.13221/j.cnki.lljj.2023.06.005). (In Chinese).
6. Wang Jun. Rénkǒu fùzēngzhǎng bèijǐng xià rénkǒu guīmó jùdà de xiàndàihuà jí qí rénkǒu fāzhǎn zhànlüè [Modernization with a huge population and its population development strategy under the background of negative population growth]. *Kāifàng shídài [Open Times]*. 2023. No. 4. Pp. 13–25. (In Chinese).
7. Fu Rong. Shì lùn sùzhì jiàoyù zhì tēdiǎn [On the characteristics of quality education]. *Xiàndài jiàoyù lùn cóng [Modern Education Forum]*. 1997. No. 5. Pp. 21–22. (In Chinese).
8. Ren Zeping. Zhōngguó lǎolínghuà bàogào [China's Aging Report]. *Fāzhǎn yánjiū [Development Research]*. 2023. No. 2. Pp. 22–30. (In Chinese).
9. Tang Jun. Shìjiè hé zhōngguó de rénkǒu lǎolínghuà jí qí yuányīn [Population aging in the world and China and its causes]. *Shèhuì zhèngcè yánjiū [Social Policy Research]*. 2022. No. 3. Pp. 3–18. DOI [10.19506/j.cnki.cn10-1428/d.2022.03.008](https://doi.org/10.19506/j.cnki.cn10-1428/d.2022.03.008). (In Chinese).
10. Long Teng, Wang Haijun. Rénkǒu lǎolínghuà duì zhǔquán zhàiwù fēngxiǎn de yǐngxiǎng yánjiū [Research on the impact of population aging on sovereign debt risk]. *Shìjiè jīngjì yánjiū [World Economic Research]*. 2023. No. 2. Pp. 119–136. DOI [10.13516/j.cnki.wes.2023.02.009](https://doi.org/10.13516/j.cnki.wes.2023.02.009). (In Chinese).
11. Meng Weilin, Su Zihan, Mishchuk, S. N. Contemporary Demographic Situation in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 37–51. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.3). (In Russ.).
12. Seliverstova, Yu. A. The Demographic Future of China. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 4. Pp. 149–165. DOI [10.17323/demreview.v7i4.12047](https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12047). (In Russ.).
13. Babaev, K. V. Demographic Situation in China and Its Potential Influence on the Chinese Economy. *Population*. 2023. Vol. 26, No. 3. Pp. 55–65. DOI [10.19181/population.2023.26.3.5](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.5). (In Russ.).
14. Vollset, S. E. et al. Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*. 2020. Vol. 396, No. 10258. Pp. 1285–1306. DOI [10.1016/s0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30677-2).
15. Jiang Quanbao, Li Bo. Xìngbié shīhéng duì fànzuì lǜ de yǐngxiǎng yánjiū [A study on the impact of gender imbalance on crime rate]. *Gōnggòng guǎnlǐ xuébào [Journal of Public Administration]*. 2011. No. 1. Pp. 71–80. (In Chinese).
16. Shi Renbing, Chen Ning. Dāndù èr hái zhèngcè shíshī duì chūshēng rénkǒu xìngbié bǐ de yǐngxiǎng yánjiū [The impact of the implementation of the one-child policy on the sex ratio of the newborn population]. *Huázhōng shīfàn dàxué xuébào (rénwén shèhuì kēxué bǎn) [Journal of Central China Normal University (Humanities and Social Sciences)]*. 2015. No. 54(02). Pp. 27–33. (In Chinese).
17. Yang, X., Goldstein, S. Population Movement in Zhejiang Province, China: The Impact of Government Policies. *International Migration Review*. 1990. Vol. 24, No. 3. Pp. 509–533.
18. Huang Yihui, Chen Hongsheng. Cóng “běntǔ” dào “quánqiú” : Zhōngguó chéngzhèn huà jìnchéng yǔ zhǐlǐ jīngyàn chūtàn [From ‘local’ to ‘global’: A preliminary study on China's urbanization process and

governance experience]. *Rénmín chéngshì, guìhuà fù néng—2023 zhōngguó chéngshì guìhuà nián huì lùnwen jí* (11 chéngxiāng zhǐlǐ yǔ zhèngcè yánjiū) [*People's City, Planning Empowerment – Proceedings of the 2023 China Urban Planning Annual Conference (11 Urban and Rural Governance and Policy Research)*]. 2023. Pp. 173–181. DOI [10.26914/c.cnkihy.2023.049967](https://doi.org/10.26914/c.cnkihy.2023.049967). (In Chinese).

19. Sun Quansheng. Zhǔyào guójiā chéngshì huà jīběn jīngyàn jí qí qǐshì [Basic Experience of Urbanization in Major Countries and Its Implications]. *Shànghǎi jīngjì yánjiū* [Shanghai Economic Research]. 2018. No. 1. Pp. 116–128. DOI [10.19626/j.cnki.cn31-1163/f.2018.01.012](https://doi.org/10.19626/j.cnki.cn31-1163/f.2018.01.012). (In Chinese).

20. Guo Han, Ren Baoping. Rénkǒu hónglì yǔ zhōngguó jīngjì zēngzhǎng: Lǐlùn yǔ shízhèng [Demographic dividend and China's economic growth: theory and empirical studies]. *Dāngdài cáijīng* [Contemporary Finance]. 2014. No. 3. Article No.1674. (In Chinese).

21. Volkova, M. D., Kruglova, M.S. From a Demographic Dividend to Sustainable Development of PRC with Ageing Population: View of Chinese Experts. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. Vol. 18, No. 3. Pp.559–576. DOI [10.21202/2782-2923.2024.3.559-576](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.3.559-576). (In Russ.).

Bio notes

Ange, postgraduate student, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 842590721@qq.com.

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.rsci.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN code: [6995-4829](https://www.rsci.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Received on 08.01.2025; accepted for publication on 13.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.8)

EDN [GPVDYO](https://edn.gpvdyo.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ТУРИЗМА В ТАИЛАНД

Рязанцев Н. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, Н. С. Современные тренды русскоязычного туризма в Таиланд / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 136–151. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.8). EDN [GPVDYO](https://edn.gpvdyo.ru).

Аннотация. В статье исследуются основные и имплицитные особенности русскоязычного туризма в 2024 г. в Королевство Таиланд, которое по-прежнему остается одним из наиболее доступных (в широком понимании) и привлекательных направлений для зарубежных туристических вояжей. Вкратце рассматриваются ключевые тренды, предпочтения и факторы, влияющие на туристический поток из важнейшего донора туристов – Российской Федерации, а также набирающего обороты турпотока представителей Казахстана и других стран СНГ. Анализируются основные тенденции и изменения в туристической привлекательности Таиланда для граждан государств постсоветского пространства, влияние новых как международных, так и внутренних политических и социально-экономических детерминант (в т. ч. в рамках изменений в визовых программах Королевства) на структурную характеристику, динамику и географию туристических потоков.

Ключевые слова: Таиланд, российский туризм за рубежом, туристическая отрасль Таиланда, «русскоязычная экономика» за рубежом, «русскоязычная экономика» в Таиланде, русскоговорящие сообщества, российско-тайские отношения

Введение

На фоне продолжающихся противоправных санкций и ограничений в отношении граждан Российской Федерации и страны в целом со стороны западноевропейских политических структур в течение всего 2024 г. география туристических поездок россиян была вынуждена и далее подстраиваться под сложившийся международный ландшафт. В силу этого наши сограждане продолжили ориентироваться на более дружелюбные, открытые и в буквальном смысле слова «теплые» юрисдикции Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), прежде всего его Юго-Восточной части (далее – ЮВА). В последней, как, впрочем, и в целом, Королевство Таиланд традиционно занимает одну из ведущих позиций в объемах поездок российских туристов, привлекая посетителей достаточно лояльным визовым законодательством (а если быть конкретнее – очень удобной

возможностью безвизового въезда), прямым авиасообщением в совокупности с более доступными ценами по сравнению со многими другими заграничными локациями, наличием так называемых «пакетных туров», обилием рекреационных ресурсов и развлечений, ориентированных на каждую социальную группу (это и классический семейный пляжный отдых, и клубная жизнь, и гастротуры, и шопинг, и обзор достопримечательностей, и многое-многое другое), семейный кошелек и учитывающих пр. немаловажные факторы. Более того, усиление интереса к Таиланду (как в сфере туризма, так и работы) наблюдается не только среди граждан России, но и среди выходцев из обширного списка русскоязычных стран постсоветского пространства. В качестве источников в настоящем исследовании использовались официальные статистические данные преимущественно тайландской стороны и, прежде всего, Туристического управления Королевства Таиланд (далее – ТАТ)¹, которое в свою очередь подгружает данные с сайта Министерства туризма и спорта Королевства (далее – Минспорт).

В январе 2024 г. глава ТАТ Тхапани Киатпхайбун в интервью корреспонденту ТАСС поделилась информацией о том, что после того как в 2023 г. в Таиланд прибыли 1,48 миллиона россиян, правительство страны, как и Минспорт, так и сам ТАТ «придают большое значение привлечению российских гостей», при этом возглавляемое ею ведомство продолжит работу «в обеспечении полной безопасности пребывания российских туристов»². По мнению главы ведомства, такой устойчивый рост числа туристов из Российской Федерации, прибывающих в Королевство Таиланд на протяжении 2022–2024 гг., не является какой-то большой неожиданностью, так как «из-за закрытия многих европейских направлений для российских туристов общий поток путешествующих за рубеж россиян сместился в пользу Азии и Ближнего Востока»³. В московском офисе ТАТ также подтвердили, что подобный рост для Таиланда был вполне «закономерным»⁴. Таким образом, по итогам 2024 г. Королевство Таиланд посетили в общей сложности более 1,745 млн россиян, что превысило показатель 2023 г. практически на целых 18%⁵, равно как и некоторые официальные прогнозы в 1,6 млн туристов⁶. Стало быть, показатель 2024 г. сопоставим разве что с некогда рекордным, но уже таким далеким 2013 г. с результатом в 1,74 млн российских туристов⁷. По данным

¹ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949> (accessed on 03.01.2025).

² В Таиланде считают приоритетным привлечение большего числа туристов из России // ТАСС : [сайт]. 12.01.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19717945> (дата обращения: 03.01.2025).

³ Таиланд в 2024 году посетили более 1,7 млн россиян // ТАСС : [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22808333> (дата обращения: 03.01.2025).

⁴ Таиланд ожидает более 1,7 млн российских туристов по итогам 2024 года // Интерфакс : [сайт]. 26.12.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/tailand-prognoziruet-bolee-1-7-mln-rossiyskih-turistov-po-itogam-2024-goda> (дата обращения: 03.01.2025).

⁵ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949> (accessed on 03.01.2025).

⁶ Россияне в 2023 году заняли пятое место по числу посетивших Таиланд туристов // ТАСС : [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19628905> (дата обращения: 03.01.2025).

⁷ Таиланд в 2024 году посетили более 1,7 млн россиян // ТАСС : [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22808333> (дата обращения: 03.01.2025).

погранслужбы ФСБ РФ, суммарное число пересечений границы в сторону Таиланда (в одном направлении и по всем целям поездок) среди граждан России по итогам 2024 г. составило 1,32 млн (в 2023 г. – 1,06 млн), а по туристическим целям – около 940 тыс. (в 2023 г. – примерно 790 тыс.)⁸. Некоторые общие подробности отечественной методики миграционного учета российских туристов мы описывали в наших ранних работах, как и то, насколько часто подмечают эту проблему в Ассоциации туроператоров России (далее – АТОР).

Обзор научной литературы

Имеющих принципиальное значение зарубежных и отечественных научных работ и публикаций по избранному для изучения авторами настоящей статьи направлению еще не столь много ввиду того, что события происходят прямо сейчас. Практически все опубликованные до сих пор научные труды охватывают события до пандемии COVID-19, во время всемирной эпидемии коронавирусной инфекции или незадолго до ее завершения.

Среди отечественных работ большое научное значение для исследователей имеет «Миграционный атлас Российской Федерации» под редакцией С. В. Рязанцева [1], который в 8 разделе содержит собственно тайскую проблематику. К сказанному добавим, что в более ранних работах этого автора дана характеристика особенностей русскоязычной миграции в Юго-Восточную Азию в целом и Королевство Таиланд в частности, трудовой адаптации русскоязычных мигрантов, а также формирования русскоязычных сообществ и так называемой «русскоязычной экономики», базирующейся преимущественно на культурном и языковом факторах [2]. Зарубежная же научная литература, за редким исключением, почти не охватывает тематику российского (и тем более «русскоязычного») туризма и миграции в Таиланд. Научные работы ограничены исследованием положения дел до 2020 г. и преимущественно экономическими аспектами [3].

Научная статья Н. С. Рязанцева «Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19» [4] положила начало серии статей по проблемам русскоязычного туризма в Королевство Таиланд на нынешнем этапе времени. Актуальность ее написания была вызвана современным состоянием индустрии туризма в мире. Пандемия COVID-19 беспрецедентно повлияла на мировой туристический рынок, причем больше всего пострадали страны, зависящие от туристической отрасли и к которым закономерно нужно отнести Таиланд. Второй в данном ряду стала статья коллектива ученых ИДИ ФНИСЦ РАН «Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г.» [5], развивающая и дополняющая ранее выбранную Н. С. Рязанцевым для исследования тему новыми актуальными данными и выводами. Следует назвать и статью этого же авторского коллектива «Особенности развития «русскоязычной экономики» в Королевстве Таиланд на современном этапе» [6], содержащую специальный раздел, отражающий специфичность потока русскоговорящих граждан в Таиланд.

⁸ Куда россияне выезжали в 2024 году за рубеж. Инфографика // РБК : [сайт]. 05.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2025/67a2005a9a79471e5fcff59b> (дата обращения: 13.02.2025).

Настоящая работа уже третья в цикле, посвященном русскоязычному туризму в изучаемую страну. Авторы поставили перед собой цель систематизации и актуализации информации за прошедшие несколько лет. Затронутые в статье процессы актуальны, новы и имеют непосредственное отношение к демографической ситуации в России и СНГ. Результаты проведенной авторами научной работы могут быть полезны и эффективны для большого круга специалистов – от ученых до представителей туристической индустрии, бизнеса, государственных органов власти различного уровня, и прежде всего, самого Королевства Таиланд.

Результаты исследования

Динамика турпотоков в Таиланд из России и стран СНГ

В общей сложности в 2024 г. Королевство посетили более 35,54 млн иностранных туристов, общий объем этого турпотока превысил прошлогодний показатель на 26%, однако оказался значительно меньше показателя допандемийного 2019 г., когда в стране побывали рекордные по сию пору 40 млн иностранцев⁹. При этом туристы из Российской Федерации смогли второй год подряд закрепиться на почетной пятой строчке в общем списке среди всех национальных туристических групп и составили почти 5% от суммарного числа туристов в Королевстве Таиланд, уступая разве что значительно более емким (густонаселенным) и близрасположенным рынкам стран АТР, а именно: КНР (6,73 млн туристов), Малайзии (4,95 млн), Индии (2,12 млн) и Республики Корея (1,86)¹⁰.

Получается, что среди туристов из неазиатских стран числу туристов из России, пожалуй, равных нет [7], а ближайший условный «туристический конкурент» в лице США находится лишь на десятом месте с чуть более 1,03 млн туристов¹¹. Справедливости ради заметим, что природа и социально-демографический портрет данных потоков все же друг от друга отличаются. Вместе с тем напомним, что не так давно, в 2021 г., россияне были на третьей строчке в рейтинге, однако, как мы указывали в наших более ранних работах, это стало возможным не столько благодаря стабильным туристическим потокам из нашей страны, сколько из-за продолжающихся на тот момент антиковидных ограничений, в первую очередь, в традиционно главном туристическом доноре для Таиланда – континентальном Китае [4]. Ситуация 2024 г. только подтвердила нашу гипотезу, а китайские туристы уверенно и ожидаемо в очередной раз закрепились в лидерах.

Помимо ощутимого номинального увеличения числа туристов из России заметный относительный рост продемонстрировали выходцы из русскоязычных стран СНГ. Весомый прирост у Республики Беларусь – более 20,5 тыс. туристов за 2024 г. против немногим более 9 тыс. в 2023 г., т. е. рост составил более 125%. Турпоток из Республики Узбекистан в 2024 г. достиг отметки более чем в 45,3 тыс. туристов, в то время как в 2023 г. показатель составил около 34 тыс. узбекских граждан

⁹ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949> (accessed on 03.01.2025).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

(+33%)¹². Республика Кыргызстан – чуть более 12 тыс. туристов (+90%) [5]. К сожалению, после начала пандемии COVID-19 ТАТ перестал публиковать результаты по другим интересующим нас странам (например, Таджикистану, Армении, Грузии и пр.), однако АТОР применительно к этим государствам оценивает их как «хорошие». Причем самые высокие объемы у Казахстана – свыше 195 тыс. туристов (в 2023 г. – более 172 тыс., +13%). Примечательно, что если из Республики Туркменистан, в принципе крайне закрытой для выезда страны, в 2023 г. в Королевство Таиланд въехали 345 граждан, то в 2024 г. уже более 1,7 тыс. человек (+400%)¹³. Следовательно, опираясь на данные ТАТ, можно констатировать, что в течение 2024 г. общее число туристов из стран СНГ в Таиланд составило не менее 2,1 млн человек, продемонстрировав довольно существенный рост примерно в 20% ежегодно¹⁴.

Изменения в визовых требованиях

Кроме того, следует сказать о том, что не оправдались ожидания некоторых экспертов о возможности продления 90-дневного безвизового режима пребывания в Королевстве Таиланд для граждан Российской Федерации¹⁵. Так, с 1 мая 2024 г. Королевство сократило предельный срок безвизового пребывания россиян до 60 дней, но ситуация была не столь критичной, как могло показаться на первый взгляд¹⁶.

Между тем отдельные русскоязычные СМИ ошибочно и даже злорадно восприняли такую меру и как ухудшение российско-тайских отношений, и как уступку в плане поддержки западного давления (по дискриминации и вводу противоправных ограничений в отношении россиян за рубежом), хотя такое решение тайландской стороны касалось не только наших соотечественников, а имело несколько более глубокий характер. Во-первых, уже 15 июля 2024 г. тогдашний премьер-министр Таиланда Сретта Тависин подписал распоряжение о введении 60-дневного безвизового режима для жителей 93 стран, тем самым продлевая действие ранее введенного сокращения предельного срока для граждан России и при этом увеличивая сроки, например, для граждан Республики Казахстан. В отличие от предыдущих практик введения визовых послаблений, утвержденный безвизовый период будет действовать без ограничения по времени до дальнейшего уведомления¹⁷. Во-вторых, недавняя возможность 90-дневного пребывания для россиян была скорее исключением, ведь еще в 2022 г. данный срок составлял 30 дней. И такие миграционные уступки были обусловлены исключительно желанием тайской стороны как

¹² International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949> (accessed on 03.01.2025).

¹³ Российский турпоток в Таиланд в 2024 году составил 1 745 327 поездок // Ассоциация туроператоров России : [сайт]. 02.01.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/rossiyskiy-turpotok-v-tailand-v-2024-godu-sostavil-1-745-327-poezdok-60218> (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁴ International Tourist Arrivals to Thailand and Tourism Receipts from International Tourist Arrivals (Preliminary) // TAT Intelligence Center : [site]. URL: <https://intelligencecenter.tat.or.th/articles/15949> (accessed on 03.01.2025).

¹⁵ Посол Таиланда рассказал об увеличенном безвизовом режиме для россиян // РИА Новости : [сайт]. 02.01.2024. URL: <https://ria.ru/20240102/tailand-1919421193.html> (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁶ Таиланд сдвигает визам сроки // Коммерсантъ : [сайт]. 23.04.2024. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/6664369> (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁷ Таиланд в 2024 году посетили более 1,7 млн россиян // ТАСС : [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22808333> (дата обращения: 03.01.2025).

можно быстрее преодолеть последствия пандемии COVID-19, которая к тому времени крайне ощутимо ударила по объему туристического потока в Королевство и, как следствие, по туристической отрасли страны в целом.

Иными словами, несмотря на видимое ухудшение ситуации для россиян, тайское миграционное законодательством скорее просто было унифицировано и окончательно нормализовалось в связи со стабилизацией международной, внутренней туристической и социально-экономической конъюнктуры. Еще одним доказательством этой унификации может служить факт, что в течение всего 2024 г. тайские власти постепенно вводили новую практику выдачи электронных виз (e-Visa) (причем не только туристических), систему автоматического пограничного контроля в некоторых аэропортах и т. п. Исходя из вышесказанного и принимая во внимание российско-тайские двусторонние отношения в рамках БРИКС, ожидания ряда экспертов об увеличении предельного безвизового срока нахождения россиян в стране до прежних 90 дней кажутся вполне реалистичными.

Возвращаясь к упомянутому выше летнему безвизовому распоряжению, отметим, что с 18 апреля 2024 г. между Республикой Казахстан и Королевством Таиланд начал действовать постоянный безвизовый режим с возможностью пребывания казахстанцев в Королевстве сроком до 30 дней (с 25 сентября 2023 г. по 29 февраля 2024 г. действовало лишь временное соглашение о безвизовом режиме¹⁸). И в первый день начала действия соглашения в аэропортах Бангкока, Пхукета и Чиангмая были организованы праздничные церемонии встречи первых «безвизовых» туристов из Казахстана и Китая. На одной из них лично присутствовал глава тайского правительства г-н Тависин, который в своей приветственной речи заявил, что обе эти страны «считаются рынками со значительным потенциалом роста»¹⁹. В дополнение к сказанному добавим, что уже с 15 июля 2024 г. Таиланд увеличил сроки безвизового пребывания для граждан Республики Казахстан до 60 дней с единовременной возможностью продления предельного срока пребывания на дополнительные 30 дней²⁰. Немаловажно, что новая мера действует на постоянной основе, а прошлая практика оформления так называемых «виз по прибытии» (visa on arrival) сроком до 30 дней увеличивала стоимость поездки в Королевство для каждого туриста примерно на 60 долл. США, ровно столько же, к слову, стоило и стоит продление визы на последующие 30 дней^{21, 22}. Согласно прогнозам, подобная весьма существенная экономия способна стать дополнительным стимулом для выбора Таиланда в качестве направления для путешествия, прежде всего среди представителей

¹⁸ Таиланд вводит временный безвизовый режим для граждан Казахстана // Министерство иностранных дел Республики Казахстан : [сайт]. 14.09.2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/618683?lang=ru> (дата обращения: 04.01.2025).

¹⁹ Дария Ногаева. Казахстанские туристы могут летать в Таиланд без визы // Esquire: [сайт]. 26.09.2023. URL: <https://esquire.kz/kazahstanskije-turisty-mogut-letat-v-tailand-bez-vizy/> (дата обращения: 04.01.2025).

²⁰ Татьяна Панченко. Таиланд продлевает безвизовый режим для казахстанцев до 60 дней // Forbes Kazakhstan : [сайт]. 16.07.2024. URL: <https://forbes.kz/articles/tailand-prodlevaet-bezvizovyy-rezhim-dlya-kazahstantsev-do-60-dney-495cd9> (дата обращения: 04.01.2025).

²¹ Там же.

²² Таиланд в 2024 году посетили более 1,7 млн россиян // ТАСС : [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22808333> (дата обращения: 03.01.2025).

развивающихся стран, зарубежные туристические поездки граждан которых по-прежнему имеют серьезный потенциал роста²³. Продолжая тему развития системы е-виз, подметим, что этот вопрос актуален, к примеру, для граждан Республики Беларусь, которые с 1 января 2025 г. получили возможность оформления электронной визы, если есть необходимость посетить Королевство на срок свыше 14 дней²⁴.

Развитие маршрутной карты

Одной из ключевых причин продолжающейся популярности Королевства Таиланд для граждан России помимо безвизового режима и дружелюбного отношения остаются незаконные и антигуманные ограничения в отношении наших соотечественников со стороны западноевропейских государств, технические трудности для путешествий, среди которых сложности при получении даже обычных туристических виз, отсутствие прямого авиасообщения, его крайне высокая стоимость и пр.). В конце 2024 г. верно подметил в своем интервью Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Таиланде Е. Ю. Томихин: «Важно то, что несмотря на попытки западных стран навредить нашим контактам, туристическим связям, нам удавалось найти какие-то решения, которые позволяли не срывать авиасообщение и туристический поток. Пытались некоторые так называемые западные коллеги ставить палки в колеса, предлагали, например, перестать обслуживать самолеты наших авиакомпаний»²⁵. Более подробно об особенностях развития авиасообщения и маршрутной карты между российскими аэропортами и тайландскими курортами мы уже писали в других наших работах [5].

Каких-то явных негативных моментов в рассматриваемом вопросе в 2024 г. не произошло. Регулярные и чартерные рейсы были организованы из 22 российских городов (хотя до пандемии COVID-19 таковых насчитывалось 32) и в первую очередь в г. Бангкок, на о. Пхукет и в аэропорт Утапао рядом с Паттайей²⁶. В самом же Королевстве власти проявили заинтересованность в начале приема российских туристов через аэропорты провинций Краби и Сураттхани²⁷.

В то же время национальный авиаперевозчик «Thai Airways», несмотря на выход из кризиса, ожидания многих и заявления представителей самой авиакомпании и тайских чиновников, так и не решился возобновить полеты в Россию, некогда прерванные из-за пандемии COVID-19 и финансовых проблем²⁸. Мнения турагентов в основном сходятся в том, что российские туристы продолжают добираться до Таиланда разными способами, но главным образом прямыми регулярными и чартерными

²³ Дария Ногаева. Казахстанские туристы могут летать в Таиланд без визы // Esquire: [сайт]. 26.09.2023. URL: <https://esquire.kz/kazahstanskije-turisty-mogut-letat-v-tailand-bez-vizy/> (дата обращения: 04.01.2025).

²⁴ Таиланд разрешил белорусам получать электронные визы. Но сходить в консульство все равно придется // Onliner: [сайт]. 27.12.2024. URL: <https://people.onliner.by/2024/12/27/tailand-elektronnye-vizy> (дата обращения: 05.01.2025).

²⁵ Таиланд в 2024 году посетили более 1,7 млн россиян // TACC: [сайт]. 31.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22808333> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁶ Таиланд ожидает более 1,7 млн российских туристов по итогам 2024 года // Интерфакс: [сайт]. 26.12.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/tailand-prognoziruet-bolee-1-7-mln-rossijskih-turistov-po-itogam-2024-goda> (дата обращения: 03.01.2025).

²⁷ Там же.

²⁸ Авиакомпания Thai Airways готовится возобновить полеты в Россию // TourDom: [сайт]. 19.03.2024. URL: <https://travel.rambler.ru/abroad/52456902-aviakompaniya-thai-airways-gotovitsya-vozobnovit-polety-v-rossiyu> (дата обращения: 04.01.2025).

рейсами «Аэрофлота», «S7», «Azur Air» и «Red Wings», успешно курсирующими между странами, на которые может приходиться до 80% турпотока в Королевство Таиланд из Российской Федерации²⁹, при этом доля транзитной перевозки сильно возросла³⁰. Спрос между прямой и стыковочной перевозкой распределяется по-разному ввиду обилия авиакомпаний и широкой географии полетов из России, поэтому в зависимости от авиаперевозчика на долю стыковочных рейсов может доводиться от 7% до 60%³¹.

Чаще всего россияне теперь стыкуются через города материкового Китая, а оставшихся пассажиров между собой делят перевозчики Ближнего Востока³². Так, на фоне возросшего спроса со стороны как российских, так и китайских туристов на турпоездки в Таиланд и развития авиаперевозчиков из КНР, а также демпинговой политики, и в частности, благодаря полученному конкурентному преимуществу в виде возможности полетов над территорией России, китайские авиагавани формируют новый региональный авиахаб. Более того, это касается и туркменской государственной авиакомпании «Туркменистан» (Turkmenistan Airlines), которая также, как и китайские перевозчики, начала активно осваивать транзитные рейсы, и в конце декабря 2023 г. Туркменистан стала третьей центральноазиатской страной после Казахстана и Узбекистана, запустившей прямые рейсы в Королевство Таиланд по маршруту г. Казань (Респ. Татарстан) – г. Ашхабад (Туркменистан) – г. Бангкок^{33,34,35}.

Некоторые данные текущей статистики

Мы уже не раз отмечали, что Таиланд стал вполне привычным направлением для туризма из русскоязычных стран, в первую очередь для летнего отпуска и «перезимовки». Вместе с тем, принимая во внимание опубликованные ТАТ статистические данные, подкрепленные заявлениями самого ведомства, к сегодняшнему дню Королевство уже успело стать всесезонным направлением для наших

²⁹ Популярный Таиланд и криминальные хроники: безопасно ли отдыхать в стране // РИА Новости : [сайт]. 06.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240206/tailand-1925543375.html> (дата обращения: 05.01.2025).

³⁰ Куда едут на отдых российские туристы в январе 2025 года: ТОП-10 стран // Ассоциация туроператоров России : [сайт]. 09.01.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/kuda-edut-na-otdykh-rossiyskie-turisty-v-yanvare-2025-goda-top-10-stran-60230> (дата обращения: 11.01.2025).

³¹ Там же.

³² Туристы из России тестируют транзит в Таиланд и Вьетнам через Китай // TourDom : [сайт]. 28.02.2023. URL: <https://travel.rambler.ru/news/50291631-turisty-iz-rossii-testiruyut-tranzit-v-tailand-i-vietnam-cherez-kitay/> (дата обращения: 04.01.2025).

³³ Сергей Батищев. Из Ашхабада запустят рейсы в Бангкок // Economist : [сайт]. 17.12.2023. URL: <https://economist.kg/transport/2023/12/17/iz-ashkhabada-zapustiat-rieisy-v-bangkok/> (дата обращения: 05.01.2025).

³⁴ Туркменские авиалинии запускают рейсы из Татарстана в Таиланд со стыковкой в Ашхабаде // New Scentral Asia : [сайт]. 07.12.2023. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/12/07/turkmenskiye-avialinii-zapuskayut-reysy-iz-tatarstana-v-tailand-so-stykovkoy-v-ashkhabade/> (дата обращения: 06.01.2025).

³⁵ Несмотря на, казалось бы, значительное число туристов в Королевстве из Кыргызстана и Таджикистана, прямого авиасообщения между государствами до сих пор нет. Вероятнее всего такая «аномалия» может быть обусловлена тем, что чаще всего граждане Кыргызстана и Таджикистана, проживая на территории России, имеют двойное гражданство, и именно российское гражданство используют при въезде в Королевство [2], а также по большей части используют Москву для полетов в Таиланд. Отчасти по данной причине массовый спрос на перелеты из этих стран напрямую в Королевство Таиланд пока еще не сформировался.

соотечественников³⁶. Расширилась и география самих поездок: россияне активно едут не только в такие известные места, как острова Пхукет и Самуй, города Бангкок, Паттайя и Чиангмай, но и по относительно новым для них направлениям, как среди отдельных островов и городов, так и отдельных провинций «второго уровня»³⁷, среди которых Краби, Као Лак, Хуа Хин и Ча-ам, Ко Чанг и ряд других на севере страны. Российский союз туриндустрии (РСТ) помимо Паттайи и Май Као отмечает возросший интерес к Као Лак, Камала, Най Харн (Пхукет) и о. Коконат³⁸. При этом, по данным ТАТ, до 70% российских туристов приезжают в рамках все тех же пакетных туров. В то же время российские туристы, по информации РСТ, стали активнее интересоваться оздоровительными турами³⁹ и чаще отдавать предпочтение более дорогим 4- и 5-звездочным отелям. Но в зависимости от курорта предпочтения путешественников в выборе отелей различаются (табл. 1).

Таблица 1

Предпочтения россиян при выборе отелей на некоторых курортах Таиланда (%)

Table 1

Russians' preferences in hotel accommodation in some resorts in Thailand (%)

Название локации	3-звездочные отели	4-звездочные отели	5-звездочные отели
Пхукет	10%	45%	45%
Паттайя	15%	40%	45%
Самуй	10%	40%	50%

Источник: составлено авторами по данным Ассоциации туроператоров России⁴⁰

Таким образом, среди российских туристов в Таиланде отчетливо прослеживается тенденция к выбору более высококачественного размещения, что подтверждает их стремление к комфорту и первосортному сервису во время отдыха [8]. В свою очередь курортные отели Королевства адаптируются к изменяющимся предпочтениям путешественников, особенно в сфере питания: в дополнение к традиционным завтракам начинают предлагать разнообразные варианты, такие как «полупансион», «полный пансион», «все включено». Эти изменения направлены на удовлетворение возрастающих потребностей на рост спроса главным образом со стороны семейных туристов.

³⁶ Таиланд ожидает более 1,7 млн российских туристов по итогам 2024 года // Интерфакс : [сайт]. 26.12.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/tailand-prognoziruet-bolee-1-7-mln-ros-siyskih-turistov-po-itogam-2024-goda> (дата обращения: 03.01.2025).

³⁷ Так называемые регионы «второго уровня (secondary level)» в Таиланде – это локации, которые менее популярны среди международных туристов по сравнению с основными курортами, однако они активно развиваются в рамках различных государственных программ, направленных на удовлетворение спроса со стороны возрастающих потоков туристов и диверсификацию получаемых доходов от туристической отрасли, и привлекают путешественников, ищущих менее массовый, но по-прежнему комфортный отдых.

³⁸ Таиланд ожидает более 1,7 млн российских туристов по итогам 2024 года // Интерфакс : [сайт]. 26.12.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/tailand-prognoziruet-bolee-1-7-mln-ros-siyskih-turistov-po-itogam-2024-goda> (дата обращения: 03.01.2025).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Какие новые отели открылись в Таиланде в 2022–2024 годах и какие обновлись // Ассоциация туроператоров России : [сайт]. 06.02.2024. URL: <https://www.atorus.ru/node/55659> (дата обращения: 26.02.2025).

За последние два года на гостиничной карте Таиланда появились десятки новых объектов. В частности, на Пхукете пополнились семейства «троек», «четверок» и «пятерок», а расширение отельной базы Паттайи обеспечили в основном гостиницы категории 4 звезды и 5 звезд. Тем не менее в тайских отелях из-за массового турпотока из России и Китая налицо даже проблемы с местами размещения, прежде всего, в пиковые праздничные даты и отпускные сезоны, среди которых и китайский Новый год⁴¹. К примеру, сервис онлайн-бронирования «Яндекс.Путешествия» в начале весны 2024 г. зафиксировал аж шестикратное повышение спроса на отели в Королевстве на летнее время в сравнении с числом бронирований на тот же период в 2023 г.⁴² По информации другого популярного сервиса – «Слетать.ру», спрос на туры в Таиланд в январе – феврале 2024 г. был на 40% выше, чем в аналогичный период годом ранее⁴³.

В свою очередь, те или иные значительные туристические потоки граждан любой категории и национальности приводят к негативным показателям в вопросах статистики, например, относительно числа несчастных случаев среди русскоговорящих туристов и эпизодов нарушения закона. И то, и другое время от времени попадает в сводки как местных, так и российских новостей и зачастую обусловлено курьезностью или же, наоборот, масштабностью и трагичностью событий. Нередки случаи фатальных ситуаций с русскоговорящими туристами. Косвенным доказательством могут служить хотя бы обнародованные сведения российского страхового агентства «Евроинс туристическое страхование». В частности, в них отмечается, что «исходя из частоты страховых случаев, в лидерах традиционно Таиланд», а ключевые причины этого – «влажный тропический климат, перепад температур и окружение бактерий и вирусов, с которыми сталкиваются туристы... острые заболевания и недомогания, связанные с акклиматизацией... часто встречаются бактериальные и вирусные инфекции», а также «рискованный способ передвижения на двухколесных транспортных средствах» и «пренебрежение элементарными средствами защиты при вождении»⁴⁴. В то время как власти о. Пхукет подчеркивают, что подавляющее большинство граждан Российской Федерации, находящихся на территории Королевства, являются законопослушными, «Al Jazeera» подмечает обеспокоенность среди российских экспатов тем, что зачастую тайцы несправедливо относят других иностранных граждан, к примеру, жителей Узбекистана или Грузии непосредственно к российской идентичности, особенно тех, кто

⁴¹ Популярный Таиланд и криминальные хроники: безопасно ли отдыхать в стране // РИА Новости : [сайт]. 06.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240206/tailand-1925543375.html> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴² Александр Лисица. Россиянам предложили лучшие места для отдыха в Таиланде // Газета.Ru : [сайт]. 27.04.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/style/news/2024/04/27/22884955.shtml> (дата обращения: 06.01.2025).

⁴³ Популярный Таиланд и криминальные хроники: безопасно ли отдыхать в стране // РИА Новости : [сайт]. 06.02.2024. URL: <https://ria.ru/20240206/tailand-1925543375.html> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴⁴ Таиланд лидирует по происшествиям с туристами из РФ в 2024 году // ТАСС : [сайт]. 13.07.2024. URL: <https://travel.rambler.ru/abroad/53081090-tailand-lidruet-po-proissheshtviyam-s-turistami-iz-rf-v-2024-godu/> (дата обращения: 06.01.2025).

преступил местный закон, что негативно сказывается на репутации россиян⁴⁵. Очевидно, что ключевой причиной такого положения дел является как раз-таки языковой фактор, и что немаловажно, общая масса нарушений местных законов относится к миграционным нарушениям, т. е. просроченным визам (visa overstay) или работе без соответствующего разрешения (work permit), за исключением каких-то экстраординарных случаев.

Обмен валюты и денежные переводы

В 2024 г. «СберБанк» неожиданно для всех смог запустить переводы из нашей страны в Королевство Таиланд в российских рублях на номер карты или счета с автоматической конвертацией в тайский бат. Опция доступна только через мобильное приложение банка, а информация о переводах именно в Таиланд почему-то отсутствует в соответствующем разделе на официальном сайте банке. Данное событие, к сожалению, никак не освещалось СМИ и самим финансовым учреждением. И посему, по нашему наблюдению, остается для наших соотечественников практически неизвестным трансграничным способом перевода денег. Вероятнее всего, это было сделано осознанно с целью избежать публичную огласку и внимание с последующими очередными противоправными действиями со стороны американских финансовых регуляторов в отношении России и ее финансовых учреждений и банков. Очевидно, что приложение «KoronaPay» от системы денежных переводов «Золотая Корона» является наиболее узнаваемым, популярным и выгодным способом для наших соотечественников по переводу средств в Королевство, которое продолжает функционировать и по сей день, несмотря на продолжительные «технические работы» с конца ноября 2024 г. по начало января 2025 г. Доступной остается и опция перевода по международной системе «SWIFT» через «Т-Банк» вопреки периодическим уведомлениям клиентов на протяжении 2024 г. об отсутствии в наличии тайской валюты для покупки.

Стоит также заметить, что в ноябре 2024 г. «Газпромбанк» был включен в санкционный лист американского Минфина (так называемый «SDN-список»), что повлекло отключение банка и лишило его клиентов от возможности использования ранее доступных за рубежом (в том числе в Королевстве Таиланд) карт китайской платежной системы «UnionPay»⁴⁶. Впрочем, банковские карточки с данной платежной системой остались доступны лишь от неподсанкционных «Россельхозбанка» и «Азиатско-Тихоокеанского банка (АТБ)». Но учитывая участие государственного капитала в «Россельхозбанке» и неудержимое желание ввода новых незаконных западных санкций, платежное решение в рамках этой финансовой организации скорее остается для российских туристов только временной возможностью для привычных расчетов за границей.

И все же оба описанных выше способа по переводу средств являются актуальными для тех наших соотечественников, кто находится в Королевстве на временной или постоянной основе. И, как мы уже отмечали, строгое миграционное

⁴⁵ Vijitra Duangdee. 'Russian-only' businesses in Thailand's Phuket spark backlash // Aljazeera : [сайт]. 06.09.2023. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2023/9/6/russian-only-businesses-in-thailands-phuket-spark-backlash> (accessed on 06.01.2025).

⁴⁶ США ввели санкции против Газпромбанка // РБК : [сайт]. 21.11.2024. URL: <https://www.rbc.ru/finan/ces/21/11/2024/673f4f969a7947aaf70ad069> (дата обращения: 06.01.2024).

законодательство Таиланда (в первую очередь в вопросах долгосрочного пребывания и работы) во многом само побуждает немалое число иностранных граждан оставаться в стране в качестве нелегальных мигрантов, прежде всего в качестве обычных туристов, для которых открытие счетов в местных тайских банках без обязательного пакета документов (главным образом, речь идет о наличии любой так называемой «нетуристической визы») крайне затруднительно, особенно в последние годы. Как бы то ни было, такая возможность все же сохраняется даже с ограниченным комплектом документов, пусть только в некоторых филиалах и при помощи местных организаций. Несколько туманными по-прежнему остаются и перспективы запуска в Королевстве приема российских банковских карт платежной системы «Мир» [5]. И тем не менее стоит надеяться на то, что развитие взаимоотношений в рамках БРИКС придаст некий импульс решению данного вопроса. Впрочем, недавно появившееся решение «Сбера» является частично компромиссным, так как списание средств за перевод через «Золотую Корону» возможно осуществить через тот же «Мир», но только с карт неподсанкционных банков.

Большинство же наших соотечественников среди туристов продолжает использовать обмен наличных денежных средств (преимущественно долл. США) в местных обменниках, приобретение тайской валюты посредством банковских карточек платежной системы «UnionPay» от неподсанкционных российских банков или карточек зарубежных банков и в меньшей степени – через доставку наличных курьером, зачастую с использованием так называемых «дропперов (дропов)» для перевода на карту российских банков [2]. Ситуация с обменом наличных российских рублей существенно в лучшую сторону не меняется – их прием все также значительно ограничен в местных обменных пунктах и банках, а курс обмена остается совершенно невыгодным, а вернее самым невыгодным среди всех доступных вариантов⁴⁷. Поэтому наиболее продвинутые граждане активно осваивают практически ничем не ограниченные возможности мира криптовалют, в первую очередь стейблкоинов. К слову, именно наши соотечественники являются ключевыми (да и фактически единственными) так называемыми «мерчантами» (в данном конкретном случае – проверенными поставщиками ликвидности) в P2P-торговле (дословно: финансовая операция проходит «от пользователя к пользователю») в паре USDT и фиатного тайского бата на криптовалютной бирже «Bybit», что, в частности, обусловлено продолжающейся поддержкой биржи работы с российским рублем. В наших предыдущих работах мы уже не раз подчеркивали, что Королевство Таиланд остается среди выходцев из стран СНГ одной из наиболее популярных юрисдикцией для так называемого «арбитража» в сфере криптовалют [5].

Возвращаясь к вопросу о БРИКС, уточним, что в конце мая 2024 г. кабинет министров Таиланда одобрил проект официального письма, в котором указывалось на намерение Королевства стать членом группы. В конце 2024 г. Таиланд получил уведомление от России о присоединении к расширенному формату БРИКС+ в качестве новой страны-партнера с 1 января 2025 г. В свою очередь, МИД Королевства Таиланд

⁴⁷ К слову, никакие традиционные обменные пункты в Таиланде не принимают ни одну из национальных валют государств Центральной Азии и Закавказья, но более мелкие обменники с очевидными «русскоязычными корнями» довольно часто предлагают такой обмен и продвигают свои услуги как через сеть Интернет, так и сообщества соотечественников в социальных сетях.

отметил, что «ключевые области сотрудничества Королевства в рамках данной инициативы включают торговлю, инвестиции и туризм», что в целом является «важнейшим шагом для Таиланда на пути присоединения к БРИКС в качестве полноправного члена в будущем»⁴⁸. Учитывая высокий уровень доверия и сотрудничества между Российской Федерацией и Королевством Таиланд, даже без учета ситуации с объединением, налицо все основания полагать, что такое решение государств способно стать лишь дополнительным элементом сотрудничества между нациями, направленного на дальнейшее усиление двусторонних социально-экономических, миграционных и прочих аспектов, что в результате способно положительно сказаться на стабильном туристическом потоке из России в Таиланд, на его вкладе в экономику и бизнес принимающей стороны, качественно удовлетворяя запросы со стороны туристов-россиян.

Заключение и выводы

Исходя из вышеизложенного, и в случае нормализации геополитической обстановки, появления иных благоприятных возможностей для граждан России для путешествий в новые или несколько подзабытые локации, например, в страны Западной Европы, Королевство Таиланд может столкнуться с несущественным спадом туристического потока из Российской Федерации, поскольку какая-то его часть, вероятнее всего, сделает выбор в пользу европейских государств. Но негативный эффект от такого возможного развития событий будет довольно непродолжительным и, очевидно, не станет для Таиланда серьезной экономической проблемой и тем более угрозой для национальной экономики или хотя бы для туристической отрасли, поскольку страна традиционно остается высоко диверсифицированной в вопросах привлечения иностранцев различных социальных групп и интересов и всегда полагается на граждан из разных юрисдикций, чтобы минимизировать свои риски. Это особенно актуально с учетом непредвиденной пандемии COVID-19 и локдаунов в КНР, которые практически перекрыли главный источник турпотока для Королевства из Поднебесной. К тому же в общем числе туристов россияне продолжают занимать пусть и большую, но все же не столь значительную долю, чтобы повлиять на туристическую отрасль страны, однако способны оказать определенный негативный эффект на отдельные локации, где они составляют преобладающее большинство.

Как бы то ни было, российские туроператоры уже сейчас отмечают растущую долю возрастного туризма в Таиланд со стороны наших соотечественников, а также глубину их бронирований⁴⁹. Отечественные туркомпании строят большие планы по реализации предлагаемых туров в Королевство в 2025 г., дальнейшему расширению их географии и увеличению общего числа продаж⁵⁰. И есть все основания полагать, что такой высокий интерес туристов из государств бывшего СССР и прежде всего из России на отдых в Таиланде в долгосрочной перспективе все же способен

⁴⁸ Таиланд получил уведомление от РФ о присоединении к БРИКС в качестве партнера // ТАСС : [сайт]. 30.12.2024. URL: <https://tass.ru/politika/22802585> (дата обращения: 06.01.2025).

⁴⁹ Россияне меняют подход к отдыху в Таиланде зимой 2025 года // АТОР : [сайт]. 17.01.2025. URL: <https://www.atorus.ru/article/rossiyane-menyayut-podkhod-k-otdykhu-v-tailande-zimoy-2025-goda-60329> (дата обращения: 31.01.2025).

⁵⁰ Там же.

сохраниться [9], а из стран СНГ – даже продолжит свою тенденцию уверенного роста и имеет высокие шансы дорасти до 2,5 млн человек в течение следующих двух-трех лет при сохранении всех сегодняшних факторов и международной ситуации.

Список литературы

1. Миграционный атлас Российской Федерации / С. В. Рязанцев, В. С. Белозеров, Н. А. Щитова [и др.]; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 232 с. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). EDN [MQSVLW](https://www.edn.ru/entry/MQSVLW).
2. Рязанцев, С. В. Российский туризм в ЮВА как форма миграции до и во время пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, Дань Нгуен Ань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4, № 4 (53). С. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). EDN [DUHHAU](https://www.edn.ru/entry/DUHHAU).
3. Supapakorn, T. Factors Affecting Tourism Demand of Chinese and Russian Tourists Traveling to Thailand / T. Supapakorn, S. Intarapak, W. Vuthipongse // International Journal of Mathematics and Computer Science. 2022. Vol. 17, № 3. Pp. 1439–1449. ISSN 1814-0432.
4. Рязанцев, Н. С. Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). EDN [GDXBKU](https://www.edn.ru/entry/GDXBKU).
5. Рязанцев, Н. С. Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г. / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). EDN [BUWFFZ](https://www.edn.ru/entry/BUWFFZ).
6. Рязанцев, Н. С. Особенности развития «русскоязычной экономики» в Королевстве Таиланд на современном этапе / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. № 2. С. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9). EDN [MPWMXB](https://www.edn.ru/entry/MPWMXB).
7. Бочкарева, Н. В. Туристический бизнес Таиланда: новые вызовы и прогнозы // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 2. С. 12–19. DOI [http://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-2-12-19](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-2-12-19). EDN [YWQONH](https://www.edn.ru/entry/YWQONH).
8. Шведов, Л. А. Факторы выбора потребителями отелей Таиланда / Л. А. Шведов, Н. В. Яшкова, Т. Н. Цапина, С. В. Булганина, Т. Е. Лебедева // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10086). EDN [KAFGTH](https://www.edn.ru/entry/KAFGTH).
9. Середина, Е. В. Деятельность тайских организаций в привлечении российских туристов: использование позитивного опыта / Е. В. Середина, Пантарук Чалемпаттананонг // Вестник Российской академии международного туризма. 2020. № 3. С. 106–114. EDN [OZUDNN](https://www.edn.ru/entry/OZUDNN).

Сведения об авторах

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ SPIN-код: [2654-1867](https://elibrary.ru/2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ SPIN-код: [4283-7466](https://elibrary.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ SPIN-код: [4854-8146](https://elibrary.ru/4854-8146); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [22-68-00210](https://orcid.org/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; принята в печать 13.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

THE LATEST TRENDS OF RUSSIAN-SPEAKING TOURISM TO THAILAND

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: sofetel@mail.ru

For citation: Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. The Latest Trends of Russian-Speaking Tourism to Thailand. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 136–151. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.8).

Abstract. The paper exercises the main and implicit features of Russian-speaking tourism to the Kingdom of Thailand during 2024, which remains one of the most accessible (in the broad sense of the word) and attractive destinations for tourist trips abroad. The key trends, preferences, and factors affecting the tourist flow from the key donor of tourists, i.e., the Russian Federation, as well as the gaining momentum of tourist flow of representatives of Kazakhstan and the other CIS countries are briefly considered. The main trends and changes in the tourist attractiveness to Thailand for the citizens of the post-Soviet states, the impact of new international and internal political, social, and economic determinants (including changes in the visa programs of the Kingdom of Thailand) on the structural characteristics, dynamics, and geography of tourist flows are analyzed.

Keywords: Thailand, Russian tourism abroad, Thai tourism industry, “Russian-speaking economy” abroad, “Russian-speaking economy” in Thailand, Russian-speaking communities, Russian-Thai relations

References

1. *Migration Atlas of the Russian Federation* / S. V. Ryazantsev, V. S. Belozerov, N. A. Shchitova et al. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2022. 232 p. ISBN 978-5-905790-56-0. DOI [10.51285/978-5-905790-56-0](https://doi.org/10.51285/978-5-905790-56-0). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V., Dang Nguyen Anh, Ruban, L. S., Ananjin, M. A. Russian Tourism in Southeast Asia as a Form of Migration before and during the COVID-19 Pandemic. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*. 2021. Vol. 4, No. 4 (53). Pp. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037054). (In Russ.).
3. Supapakorn, T., Intarapak, S., Vuthipongse, W. Factors Affecting Tourism Demand of Chinese and Russian Tourists Traveling to Thailand. *International Journal of Mathematics and Computer Science*. 2022. Vol. 17, No. 3. Pp. 1439–1449. ISSN 1814-0432.
4. Ryazantsev, N. S. International Tourism in Thailand: Trends and Recovery of the Flow of Russian Tourists after the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). (In Russ.).
5. Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. Socio-Economic and Demographic Aspects of Russian Tourism in Thailand in 2023. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). (In Russ.).

6. Ryazantsev, N. S., Lukashenko, E. A., Smirnov, A. V. Trends in the Development of the “Russian-Speaking Economy” in the Kingdom of Thailand at the present stage. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4. No. 2. Pp. 133–147. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.9). (In Russ.).
7. Bochkareva, N. V. Thailand's Tourism Business: New Challenges and Forecasts. *BSU Bulletin. Economy and Management*. 2018. No. 2. Pp. 12–19. DOI [10.18101/2304-4446-2018-2-12-19](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-2-12-19). (In Russ.).
8. Shvedov, L. A., Yashkova, N. V., Tsapina, T. N., Bulganina, S. V., Lebedeva, T. E. Consumer Choice Factors of Thailand Hotels. *Moscow Economic Journal*. 2021. No. 2. Pp. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10086). (In Russ.).
9. Seredina, E. V., Pantaruk, Ch. Activities of Thai Organizations in Attracting Russian Tourists: Using Positive Experiences. *Vestnik RMAF*. No. 3. 2020. Pp. 106–114. (In Russ.).

Bio notes

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI SPIN code: [2654-1867](https://www.rsci.spin.ru/2654-1867); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://www.webofscience.com/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57220204335).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI SPIN code: [4283-7466](https://www.rsci.spin.ru/4283-7466); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://www.webofscience.com/ADP-4658-2022).

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI SPIN code: [4854-8146](https://www.rsci.spin.ru/4854-8146); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://www.webofscience.com/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57219713206).

Acknowledgements and financing

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), research project No. [22-68-00210](https://www.rsf.ru/22-68-00210) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges”.

Received on 17.01.2025; accepted for publication on 13.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9)

EDN [FYFRDI](https://www.edn.ru/FYFRDI)

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕМЬЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НОВОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «СЕМЬЯ»

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Пачин А. В.

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

E-mail: komradpa4in@yandex.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» / Т. К. Ростовская, А. В. Пачин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9). EDN [FYFRDI](https://www.edn.ru/FYFRDI).

Аннотация. Одним из направлений работы нового национального проекта «Семья» является выработка комплекса мер, направленных на помощь молодым родителям в совмещении семейной жизни с обучением или работой, в связи с чем повышается актуальность исследования студенческой семьи как одного из ключевых направлений работы проекта. Целью данной статьи является анализ накопленного теоретического и эмпирического материала по теме студенческих семей. В основу статьи были положены результаты Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», проведенного в 2022 г. Изучены особенности брачно-семейных установок опрошенной молодежи, отношение к семье как ценности, представления о детях. Отдельно проанализированы результаты интервью с членами студенческих семей, изучены генезис их отношений, характер проблем и опыт получения государственной и иной поддержки. Выявлено, что благополучие семьи остается значимой целью для опрошенных, при этом семейное счастье для большинства из них состоит во взаимности чувств, обоюдной вовлеченности в семейный быт. Проблемы, с которыми сталкиваются студенческие семьи, включают не только материально-экономические, но также и психологические трудности, проблемы с трудоустройством и многое другое. За государственной поддержкой обращаются в основном семьи с детьми, однако немногие готовы это делать из-за неприятия бюрократических процедур. Полученные результаты могут быть взяты за основу при выработке направлений работы со студенческими семьями в рамках реализации нового национального проекта «Семья», разработке мер по повышению значимости роли детей в представлениях молодежи о семье.

Ключевые слова: молодежь, семья, студенческая семья, брак, дети

Введение

Национальная безопасность государства является гарантом сохранности его суверенитета, благополучия и процветания его народа. Последнее не может быть достигнуто без учета текущей демографической ситуации в стране, разработки

и реализации мер, направленных на преломление негативных тенденций и стимулирование социально полезных и одобряемых практик. Негативная демографическая обстановка, сложившаяся в России к настоящему времени, включает в себя ориентацию на малодетность и отложенное родительство, низкий уровень рождаемости и естественного воспроизводства населения. Положительными практиками в данном контексте мы можем считать ориентацию на многодетность, стремление к заключению браков в молодом возрасте, их официальную регистрацию.

С 2025 г. начинается реализация нового национального проекта «Семья», целью которого является увеличение числа семей с детьми, включая многодетные семьи, что предполагает сочетание уже существующих мер поддержки с внедрением новых подходов, соответствующих современным социально-экономическим вызовам. Одним из направлений работы нового проекта будет «создание условий для успешного совмещения воспитания детей и получения образования, профессиональной реализации»¹, в связи с чем становится актуальным исследование студенческой семьи как одного из ключевых направлений работы нового национального проекта. Обширный теоретико-методологический материал, накопленный по студенческим семьям, позволяет заключить, что этот тип семьи обладает значительным репродуктивным потенциалом, однако на уровне государственной политики ему до сих пор уделяется недостаточно внимания. Актуализация теоретического и эмпирического материала по студенческим семьям с точки зрения приоритетности работы с ними в новом национальном проекте позволит, с одной стороны, дополнить накопленный теоретико-методологический материал по студенческим семьям, с другой – выявить приоритетные направления работы с молодежью в части формирования и развития института студенческой семьи.

Обзор научной литературы

Первые исследования феномена студенческой семьи начались еще в XIX веке, что было связано с увеличением числа студентов и возрастанием роли данной социальной группы в обществе, и представляли собой массовые переписи студентов, опрашиваемых по различным вопросам [1, с. 10]. Можно привести в пример исследование, проведенное Е. Радиным, использовавшее, помимо массового опроса, метод индивидуальных интервью. Итоги проведенного исследования показали, что, во-первых, мужчины и женщины имели противоположные мнения относительно брака как явления, а во-вторых, наиболее значимыми препятствиями на пути заключения брака между студентами были значительные финансовые трудности, неудовлетворительные условия проживания и безответственное отношение к личному физическому здоровью [2, с. 81–97].

Другое исследование, проведенное уже Д. И. Лассом в 1920 г., констатировало, что материальное неблагополучие студентов выступает главной причиной отказа от заключения брака. При этом, в отличие от исследования Е. Радиной, Д. Ласс предоставил рекомендации по работе со студенческими семьями, включившие улучшение их материально-жилищных условий, обеспечение студенческих семей

¹ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты России: [сайт]. URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/semya/> (дата обращения: 23.01.2025).

отдельным жильем и яслями, а также проведение лекций по половому воспитанию [3, с. 145].

Во второй половине XX в. происходит рост числа исследований молодой семьи и молодоженов. В 1980 г. разрабатывается типология молодой семьи, в которую впервые включаются студенческие семьи как отдельная категория семей. По утверждению Б. И. Говако, студенческая семья отличается от прочих типов семьи, с одной стороны, сложностью положения, с другой – способностью хорошо адаптироваться к изменяющимся условиям [4, с. 14]. Рост числа студенческих семей фиксируется, например, в исследованиях В. А. Каблукова [5], автор также утверждает, что студенческие браки являются наиболее крепкими. Вместе с тем, Каблуковым выделялись проблемы семейных студентов, связанные с трудностями психологической адаптации к новым условиям и дискриминацией при приеме на работу.

Рассмотрим более подробно определения понятия «студенческая семья», ключевые особенности студенческой семьи и типологии студенческих семей.

По мнению М. С. Верб и В. А. Сысенко, студенческая семья – это «молодая семья, отличающаяся гомогенностью образовательного статуса мужа и жены, где оба супруга – студенты дневного отделения высшего или среднего специального учебного заведения, характеризующаяся преобладанием нравственной мотивации вступления в брак, гомогенностью духовных ценностно-целевых установок супругов, выраженностью ценностно-ролевого конфликта, обусловленного противоречием между ролевыми ценностями студента как супруга и родителя и ролевыми ценностями супруга-родителя как студента» [6, с. 14]. Т. К. Ростовская и Е. А. Князькова определяют студенческую семью, как «семью, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения организаций высшего образования». Авторами подчеркивается, что «для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения организации высшего образования)» [7, с. 12]. В настоящее время актуальным является вопрос об установлении правового статуса студенческой семьи на федеральном уровне. В этой связи следует обратить внимание на разработанный и принятый Госдумой в первом чтении в ноябре 2024 г. проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», согласно которому возраст студенческой семьи может быть увеличен до 35 лет включительно².

Многие авторы выделяют студенческую семью как особый, самостоятельный тип семьи. Происходит это на основании различных характеристик.

Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова и Т. М. Ширшова выделяют две группы характерных черт. Первая группа – это социально-психологические признаки студентов-молодоженов, включающие схожесть их взглядов, интересов, способов и методов организации жизнедеятельности, что обусловлено совпадением возрас-

² № 729247-8 Законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (в части закрепления понятия «студенческая семья») // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729247-8> (дата обращения: 23.01.2025).

тов. Вторая группа – это социально-экономическое положение студенческой семьи, выражающееся в неопределенном профессиональном статусе супругов, временном характере текущего финансового положения, неспособности материально обеспечивать себя, что приводит к экономической зависимости от родителей. Авторы дополнительно отмечают, что студенческая семья является начальным этапом семьи, «в котором происходит первый опыт организации семейных отношений, ведения семейной жизни и быта, происходят перемены в стереотипах и представлениях о браке, столкновение сформированных в юношестве идеалов и жизненных реалий» [8, с. 107].

Данные 4-й, 5-й и 6-й волн эмпирического исследования «Траектории в образовании и профессии», проанализированные К. А. Вилковой, И. А. Груздевым, Е. Д. Шмелевой, Е. А. Тарасовой и С. В. Старцевым, дают дополнительные сведения о том, какие категории студентов чаще становятся семьянинами. Согласно результатам, установки на создание семьи во время учебы в университете чаще встречаются у тех, кто поступил в ВУЗ после получения среднего профессионального образования (СПО). К характеристикам, присущим студенческим семьям в целом, авторы отнесли проживание в малых городах, обучение на платной основе, более низкую академическую успеваемость по сравнению с не состоящими в браке студентами, и более частое совмещение обучения с работой [9, с. 74–76].

Типологизация студенческих семей происходит в зависимости от различных оснований.

Так, В. Балцевич, С. Бурова, А. Воднева, Л. Горбатенкова, И. Дегтярик, Н. Залыгина, З. Королева, И. Левицкая, Н. Местовский и С. Сидоренко делят студенческие семьи на четыре типа, в зависимости от способа организации семейной деятельности супругами [10]:

1. Демократический тип, при котором ответственность и обязанности распределяются между супругами, а принятие решения происходит по взаимному согласию.
2. Авторитарный тип, для которого характерно доминирование одного из супругов над другим, его либо ее ведущая роль при принятии решений внутри семьи.
3. Анархический тип, в котором между супругами нет какого-либо взаимодействия, что означает непонимание молодоженами своих семейных и родительских функций.
4. Неопределившийся тип, выражающийся в неспособности супругов выстроить устойчивую систему распределения обязанностей из-за различных причин.

Классификация, предложенная ведущими учеными Т. К. Ростовской, Е. Н. Васильевой и В. С. Никольским, предполагает деление студенческих семей на три группы в зависимости от социально-демографических характеристик супругов [11, с. 21]:

1. Студенческая семья без детей – максимальный возраст супругов в такой семье составляет 25 лет, их брак зарегистрирован, а они сами обучаются в ВУЗе на очной форме.
2. Полная студенческая семья с детьми – в отличие от предыдущей группы, максимальный возраст супругов в такой группе составляет 30 лет, и по очной форме обучается как минимум один из супругов.

3. Неполная студенческая семья – максимальный возраст родителя ребенка либо детей в такой семье составляет 30 лет, при этом сам родитель обучается в университете на очной форме.

Особое внимание уделяется определению ключевых проблем, актуальных для студенческих семей. Например, А. П. Багирова, А. С. Вавилова, А. Д. Левшиц и А. В. Нешатаев выделяют два ключевых уровня проблем, характерных для студенческих семей [12, с. 37–38]:

1. Институциональный уровень. Данный уровень проблем связан с отсутствием единой системы поддержки студенческих семей в Российской Федерации, как со стороны государства, так и со стороны учебных заведений.

2. Личностный уровень. Данный уровень связан с наличием проблем психологического, финансового и организационного характера.

Меры поддержки, оказываемые молодым семьям, разнообразны, однако не носят системного характера. Можно обратиться к опыту зарубежных исследований: в качестве мер поддержки были выделены возможности онлайн-обучения, внедрение гибкого подхода к сдаче основных студенческих работ и повышенная лояльность преподавателей [13]. При этом отмечается, что, хотя опыт пандемии коронавируса показал эффективность этих мер, не все из них стабильно практиковались в дальнейшем [14].

Методология и методы исследования, источники информации

В научной литературе накоплен большой объем эмпирических исследований, посвященных студенческим семьям. Однако существует ряд проблем, которые затрудняют интерпретацию результатов. Одна из них – локальный характер исследований: большинство опросов проводится среди студентов одного учебного заведения, реже – нескольких учебных заведений одного населенного пункта, что не позволяет масштабировать полученные итоги, говорить об актуальности тенденций для остальной территории страны. Другая – различия в методологии, что не позволяет сравнивать результаты исследований между собой и выделять общие тенденции и закономерности.

Для получения содержательных выводов о брачно-семейных установках молодежи, особенностях жизнедеятельности студенческих семей были использованы результаты Всероссийского социологического опроса «Студенческая семья как ресурс демографического развития России», проведенного в феврале-марте 2022 г. (далее – Всероссийское исследование)³. Методология Всероссийского исследования основывается на теоретических концепциях ученых-фамилистов (А. И. Антонов, Т. К. Ростовская, Г. И. Климантова). Концептуальные основы авторов базируются на принципе создания условий для устойчивого семейного благополучия: «благополучная счастливая семья с демографической точки зрения – это полная семья

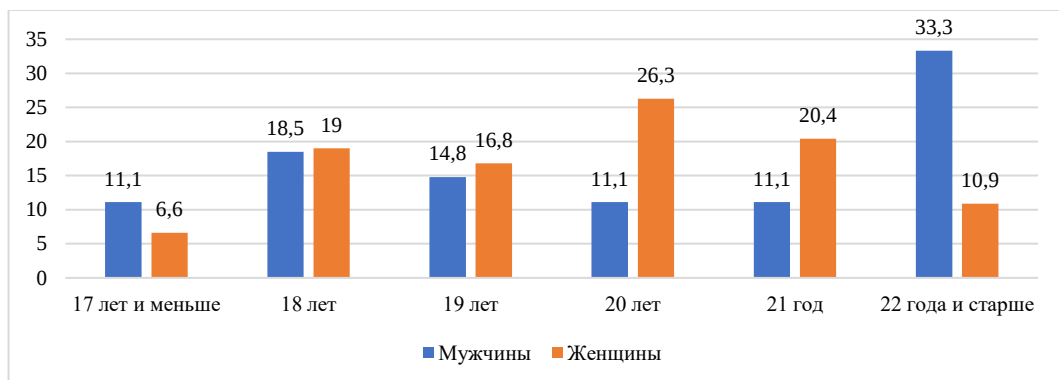
³ Всероссийское социологическое исследование «Студенческая семья России», проведенное в 2022 г. методом анкетного опроса в 15 высших учебных заведениях 12 регионов России, N=1 388 представители студенческой молодежи 15 вузов в возрасте от 17 до 28 лет; методом глубинного интервью и экспертного опроса / Рук. д. соц. н., проф. Т. К. Ростовская.

с детьми, поддерживающая функциональные связи с родителями и другими родственниками» [15, с. 62]. Семья рассматривается авторами концепции в контексте единства отношений, основанных на брачности-супружестве-родительстве-родстве.

Результаты

Опрос студенческой молодежи в рамках Всероссийского исследования был направлен на анализ представлений опрошенных об институте семьи, социально-экономическом статусе многодетных семей и государственной поддержке в области поддержки семьи. Нами будут подробно разобраны результаты изучения брачно-семейных установок опрошенных.

Результаты опроса показали, что студенческий брак как явление в целом не распространен среди респондентов: только 8% от общего числа опрошенных состоят в зарегистрированном браке, еще 7% – в незарегистрированном (сожительствуют). На рис. 1 представлено распределение возрастов вступления в брак у опрошенных в зависимости от пола. Обращает на себя внимание разница в брачном возрасте юношей и девушек: у юношей брачный возраст наблюдается от 22 лет, у девушек – от 20 лет.

**Рис. 1. Возраст вступления опрошенных в текущий брак
(% от тех, кто состоит в браке)**

**Fig. 1. The age at which the respondents entered into a current marriage
(% of those who are married)**

Источник: составлено авторами

Вопрос о регистрации брака является актуальным для сожительствующих респондентов: около 76% опрошенных планируют сделать это. Однако в вопросе сроков регистрации брака большинство молодых людей придерживается идеи о том, чтобы сделать это после окончания ВУЗа. Продemonстрированное на рис. 2 распределение причин откладывания брака у опрошенных показывает различия в приоритетности вариантов у юношей и у девушек: для первых определяющей причиной оказывается совет родителей, для вторых – стремление убедиться в совместимости с партнером.

Вопросы, результаты анализа ответов по которым будут представлены далее в статье, задавались всем опрошенным независимо от их семейного статуса.

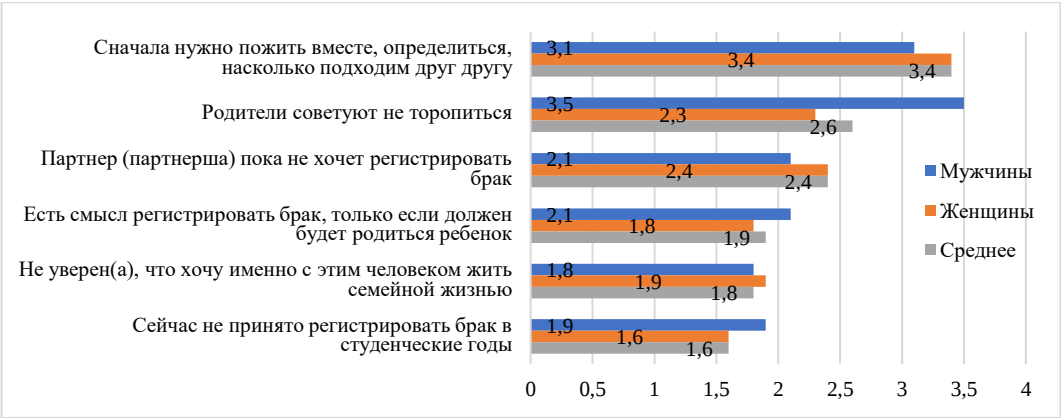

Рис. 2. Причины откладывания регистрации брака опрошенными (вопрос для тех, кто состоит в незарегистрированном браке, но собирается его зарегистрировать, средний балл по 5-балльной шкале)

Fig. 2. Reasons for postponing marriage registration by respondents (a question for those who are in an unregistered marriage but are about to register it, average score on a 5-point scale)

Источник: составлено авторами

На рис. 3 отражено распределение мнений опрошенных относительно возраста регистрации брака. Установки опрошенных свидетельствуют о приверженности тренду на отложенное супружество: подавляющее большинство и юношей, и девушек убеждены в том, что лучше всего регистрировать брак в возрасте от 25 до 29 лет.

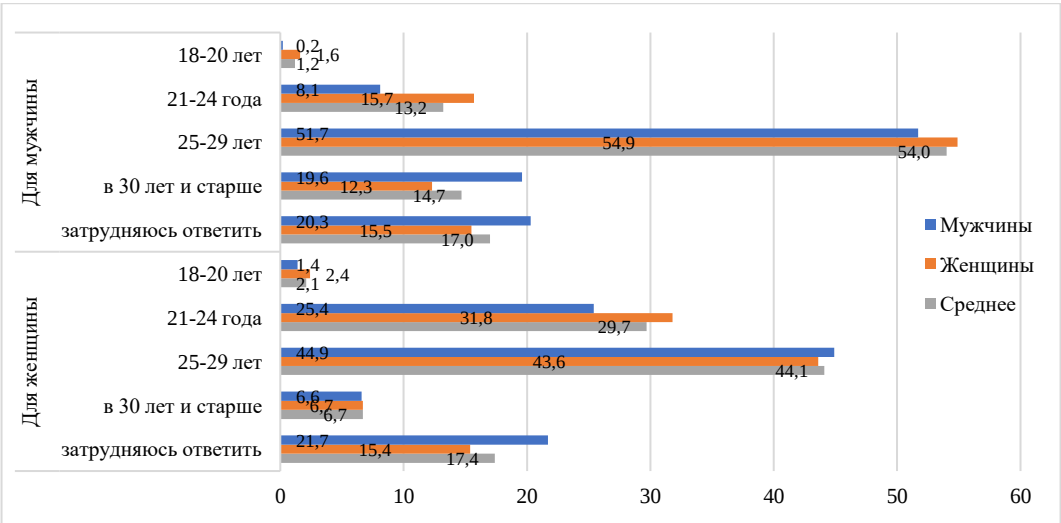

Рис. 3. Выбор опрошенными наилучшего возраста для вступления в брак (% от числа ответивших)

Fig. 3. The choice of the best age for marriage by the respondents (% of the number of respondents)

Источник: составлено авторами по результатам исследования [16, с 129]

На рис. 4 показана частота выбора условий для создания семьи у опрошенных. Можно заметить, что молодые люди не видят ее без взаимности чувств, для них также приоритетно, чтобы у молодой семьи был хотя бы один стабильный источник дохода либо хотя бы один работающий супруг, а желательно, чтобы и доход, и работа были у обоих супругов. Желательно так же, чтобы у молодоженов было собственное жилье. Совершенно необязательными условиями для заключения брака большинство респондентов считает беременность, одобрение со стороны родителей или окружения и получение хотя бы одним из супругов профессионального образования.

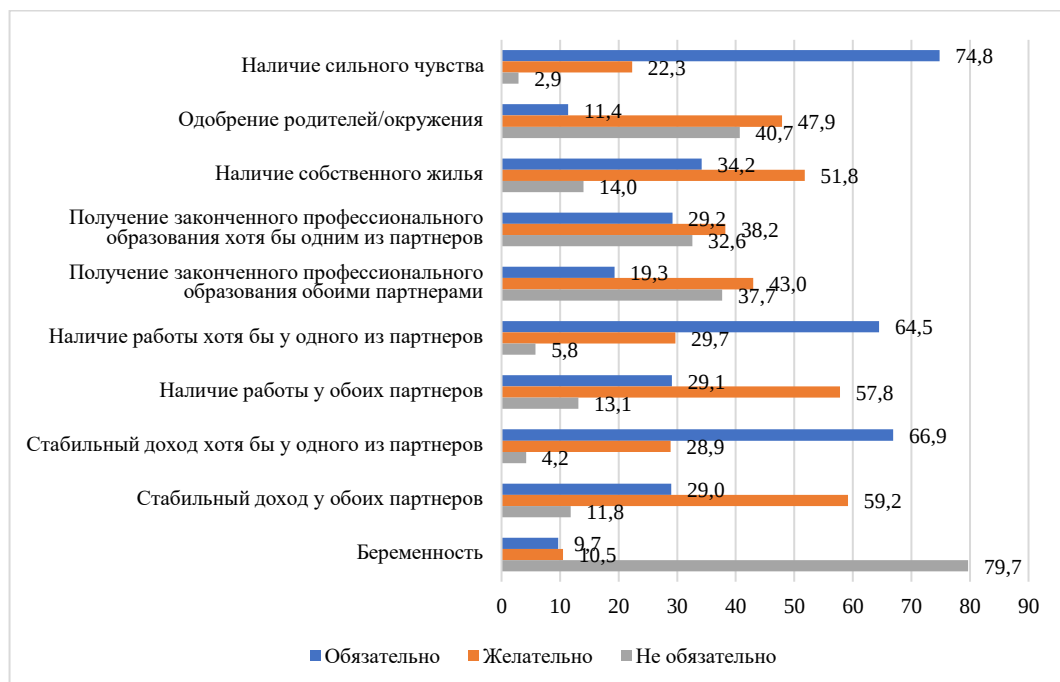

Рис. 4. Условия создания семьи (% от числа ответивших)

Fig. 4. Conditions for starting a family (% of the number of respondents)

Источник: составлено авторами по результатам исследования [16, с. 130]

На рис. 5 показаны основные причины создания семьи, существующие у опрошенных. Учитывая, что главным условием для заключения брака опрошенные считают наличие сильного чувства, неудивительно, что наиболее частой причиной для создания семьи у них выступает стремление иметь рядом близкого, любимого человека, чтобы не чувствовать себя одиноким. При этом реже всего опрошенные готовы создавать семью ради соответствия ожиданиям родителей и окружения.

Рис. 5. Причины создания семьи у респондентов (% от числа ответивших)

Fig. 5. Respondents' reasons for starting a family (% of respondents)

Источник: составлено авторами

На рис. 6 представлены основные параметры счастливой семьи, объединившие в себе следующие утверждения респондентов. Достижение счастья в семье, по мнению большинства опрошенных, невозможно без доверия и взаимопонимания между супругами, между детьми и родителями.

Рис. 6. Детерминанты счастливой семьи, средний балл по 5-балльной шкале

Fig. 6. Determinants of a happy family, average score on a 5-point scale

Источник: составлено авторами по результатам исследования [16, с. 115]

На рис. 7 отражена частота выбора источников формирования представлений об идеальной семье у опрошенных. Наблюдается приоритет личных ощущений и представлений над другими вариантами у 51,4% женщин и 51,1% мужчин. Не менее значимым оказывается и опыт отношений родителей – для 33,1% женщин и 42,1% мужчин. Наименее значимым же оказался опыт, отраженный в произведениях художественной литературы, кино и телевидения – на него опираются только 15,9% женщин и 16,6% мужчин.

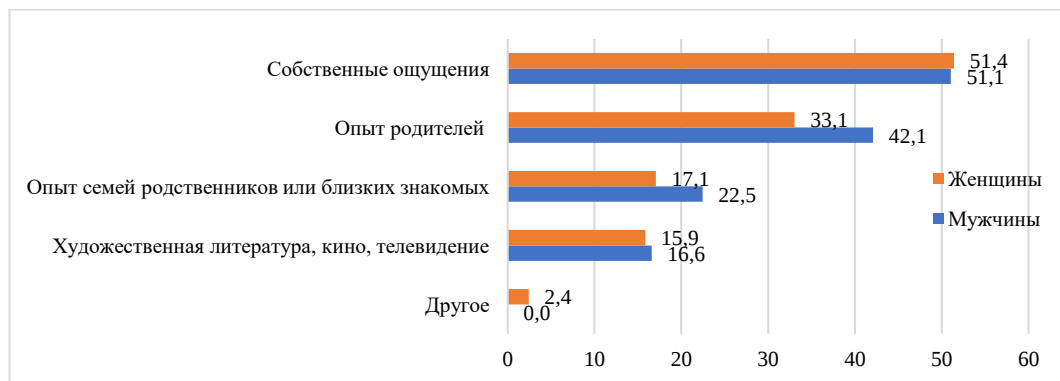

Рис. 7. Источники формирования идеала о семье, обозначенные опрошенными

Fig. 7. Sources of the ideal of the family identified by the respondents

Источник: составлено авторами

Помимо анкетного опроса, в работе проанализированы результаты проведенных глубинных интервью. В ходе исследования были опрошены 80 человек, студентов ВУЗов из 10 регионов РФ, соответствовавшие следующим критериям: супруги, состоящие в зарегистрированном браке; имеющие или не имеющие детей; возраст супругов от 18 до 25 лет включительно, в особых случаях один из супругов мог быть старше 25, но должен был быть моложе 35 лет. Результаты позволили получить более подробную информацию об отдельных аспектах жизни студенческой семьи, включая становление и развитие супружеских отношений, отношение к детям, ориентацию на долголетие, а также опыт получения поддержки со стороны государства и учебных заведений.

Можно выделить пять основных сценариев развития отношений между супругами: первый – превращение романтических отношений в подростковом возрасте в брачные; второй – наличие общих интересов либо ведение общей деятельности; третий – знакомство через родителей; четвертый – установление знакомства в компании общих друзей; и, наконец, пятый – общение в социальных сетях.

Респонденты высоко оценивают значимость детей в своей жизни, однако разделяют общую идею о том, что рождение детей требует планирования, достижения стабильности и благополучия, особенно в материально-экономическом плане. По этой и другим причинам опрошенные чаще всего предпочитают отложить решение вопроса о рождении детей на более поздний срок. Репродуктивные уста-

новки информантов во многом основываются на опыте родителей, это подтверждается тем, что для большинства именно родительский опыт брачного союза и воспитания детей является примером для подражания.

У опрошенных есть ориентация на стремление к долголетию, однако она наблюдается не у всех информантов. В случае с теми, кто стремится к долгой жизни, наблюдается разделение на две группы, в зависимости от наличия или отсутствия детей: представители первой группы стремятся прожить дольше, чтобы успеть застать момент появления внуков и правнуков. Представители второй группы в основном ориентированы на познание окружающего мира и самих себя.

Информанты подтверждают необходимость внешней поддержки. Ответы фиксируют потребность информантов в психологической помощи, чаще всего направленной на разрешение проблем внутри молодой семьи, что можно подтвердить, приведя в пример следующее утверждение:

«В психологической по устранению семейных конфликтов и переживанию семейных кризисов» (информант 43).

Помимо этого, опрошенные признаются в наличии проблем при трудоустройстве, финансовом неблагополучии и невозможности приобрести собственное жилье. Семьи с детьми сталкиваются и с другими проблемами, например, отсутствие няни и состояние здоровья ребенка. Еще одна проблема, которая была выделена в ходе интервью – организация образовательного процесса.

Опыт получения помощи от государства есть только у семей с детьми, также отмечаются случаи получения помощи от учебных заведений, например, материальные выплаты и предоставление мест в общежитии. Однако далеко не все информанты оказались готовы оформлять документы на получение помощи из-за неприязни к излишней бюрократии.

Обсуждение

Полученные результаты могут свидетельствовать о противоречивости представлений о семье и браке у российских студентов, а также о разнообразии проблем у студенческих семей.

В семейной жизни для студентов значимы взаимность чувств, взаимопонимание между супругами, материальное благополучие и финансовая стабильность. Студенческий брак как явление не распространен среди опрошенных и, как правило, заключается на последних курсах обучения, в возрасте 20–22 лет, при этом решение об официальной регистрации брака откладывается на еще более поздний срок – по достижении 25–29 лет. То есть молодежь считает студенческие годы подходящим периодом для построения серьезных отношений, но недостаточно подходящим для создания семьи.

На представления молодых людей о семье главным образом влияют их собственные ощущения, однако заметно большое влияние родителей, их опыт отношений и заключения брака также перенимается студентами.

Проблемы, с которыми сталкиваются студенческие семьи, не сводятся только лишь к материальным, они также включают психологические проблемы, сложности при трудоустройстве, с учебой, а для детных семей особенно актуальны проблемы со здоровьем ребенка и распределением времени на учебу и уход за ним. Го-

сударственная поддержка предоставляется семьям, однако используется она в основном студенческими парами с детьми – бездетные студенческие семьи о такой поддержке не осведомлены. Вузы по возможности предоставляют материальную и иную помощь студентам, включая общежития. Тем не менее чрезмерная бюрократизация процесса отталкивает многих опрошенных от действий по получению положенной помощи.

Заключение

Формирование и развитие института студенческой семьи должно быть одним из приоритетных направлений демографической политики Российской Федерации. В новом национальном проекте «Семья» одним из направлений работы которого является создание благоприятных условий для совмещения молодыми родителями нескольких социальных ролей, должны быть учтены все особенности восприятия образа семьи и семейной жизни студенческой молодежи, а также специфика основных проблем студенческих семей.

Анализ результатов проведенного исследования выявил потребность в системной целенаправленной работе в области институционализации студенческой семьи. Репродуктивные установки, сформировавшиеся в студенческой среде, показывают, с одной стороны, осознанное положительное отношение опрошенных к семье, ориентацию на супружество и воспитание детей, с другой – демонстрируют ориентацию респондентов на малодетность, откладывание заключения брака до окончания высшего учебного заведения.

Анализ результатов глубинных интервью позволяет определить ключевые направления помощи студенческим семьям. Помимо материальной поддержки, которая должна включать и помощь в приобретении собственного жилья, необходимо оказывать родителям-студентам помощь в психологической адаптации, а также работать над упрощением и оптимизацией процедур получения государственной помощи.

Список литературы

1. Дзюв, А. Р. Студенчество в фокусе истории и современности // Terra Linguistica. 2014. № 3. С. 9–18. EDN [TJSCYN](#).
2. Радин, Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 г: Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. Санкт-Петербург : Т-во Н. П. Карбасников, 1913. 118 с.
3. Ласс, Д. И. Современное студенчество: (Быт, половая жизнь) / Предисл. проф. Броннера. Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1928. 214 с.
4. Муратова, Г. М. Студенческая семья в условиях системных изменений российского общества : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Российский государственный социальный университет. Москва, 2011. 22 с. EDN [QHLGTP](#).
5. Каблуков, В. А. Проблемы студенческих семей. Киев : О-во «Знание» УССР, 1989. 45 с.
6. Шеховцов, Е. В. Современная российская студенческая семья: социологический анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2009. 23 с.
7. Ростовская, Т. К. Студенческая семья – важный ресурс демографического развития на национальном уровне // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 7. С. 9–14. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-9-14](#). EDN [CXSBMQ](#).

8. Ростовская, Т. К. Студенческая семья как объект научного исследования (обзор научных исследований по проблематике студенческих семей) / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова, Т. М. Ширшова // *Alma mater*. 2022. № 11. С. 106–113. DOI [10.20339/AM.11-22.106](https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106). EDN [DPNJUA](https://www.edn.ru/DPNJUA).
9. Вилкова, К. А. Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ / К. А. Вилкова, И. А. Груздев, Е. Д. Шмелева [и др.] // *Высшее образование в России*. 2024. № 7. С. 67–83. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83). EDN [MSDITN](https://www.edn.ru/MSDITN).
10. Студенческая семья: состояние, проблемы, перспективы / В. А. Балцевич, С. Н. Бурова, А. К. Воднева [и др.]. Минск : Университетское, 1991. 102 с. ISBN 5-7855-0392-1.
11. Ростовская, Т. К. Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, В. С. Никольский // *Высшее образование в России*. 2024. № 7. С. 15–31. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31). EDN [DGYWQL](https://www.edn.ru/DGYWQL).
12. Багирова, А. П. Родительство в студенчестве: возможности совмещения жизненных стратегий / А. П. Багирова, А. В. Нешатаев, А. С. Вавилова, А. Д. Левшиц // *Высшее образование в России*. 2024. № 7. С. 32–49. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49). EDN [JIRKHO](https://www.edn.ru/JIRKHO).
13. Arowoshola, L. Medical Education Engagement during the COVID-19 Era – a Student Parents Perspective // *Medical Education Online*. 2020. Vol. 25. Article №. 1788799. DOI [10.1080/10872981.2020.1788799](https://doi.org/10.1080/10872981.2020.1788799).
14. Evans, C. Parenting by Day, Studying by Night: Challenges Faced by Student-Parents in the COVID-19 Pandemic // *Educational Review*. 2024. DOI [10.1080/00131911.2024.2309986](https://doi.org/10.1080/00131911.2024.2309986).
15. Ростовская, Т. К. Ценность первого зарегистрированного брака как детерминанта благополучной молодой семьи: социологический анализ / Т. К. Ростовская, О. Н. Калачикова // *Logos et Praxis*. 2022. № 1. С. 54–65. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6). EDN [FYWVIB](https://www.edn.ru/FYWVIB).
16. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. 448 с. ISBN 978-5-7807-1456-9. EDN [NIKQJ](https://www.edn.ru/NIKQJ).

Сведения об авторах

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); РИНЦ SPIN-код: [1129-8400](https://elibrary.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Пачин Алексей Владиславович, аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: komradpa4in@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0008-6441-6060](https://orcid.org/0009-0008-6441-6060); РИНЦ SPIN-код: [6051-9350](https://elibrary.ru/6051-9350).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; принята в печать 13.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

STUDENT FAMILY AS A KEY AREA OF THE NEW NATIONAL PROJECT “FAMILY”

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Alexey V. Pachin

State Academic University of Humanities, Moscow, Russia

E-mail: komradpa4in@yandex.ru

For citation: Rostovskaya, T. K., Pachin, A. V. Student Family as a Key Area of the New National Project "Family". *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 152–166. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.9).

Abstract. One of the areas of work of the new national project "Family" is the development of a set of measures aimed at helping young parents combine family life with study or work, in connection with which the relevance of the study of the student family as one of the key areas of the project increases. The purpose of this article is to analyze the accumulated theoretical and empirical material on the topic of student families. The article is based on the results of the All-Russian sociological study "Student Family of Russia", conducted in 2022. The features of the marital and family attitudes of the surveyed youth, attitudes towards family as a value, ideas about children were studied. The results of interviews with members of student families were separately analyzed, the genesis of their relationships, the nature of problems and the experience of receiving state and other support were studied. It was revealed that family well-being remains a significant goal for the respondents, while family happiness for most of them consists in reciprocity of feelings, mutual involvement in family life. The problems faced by student families include not only material and economic difficulties, but also psychological difficulties, problems with employment and much more. Families with children mostly apply for state support, but few are willing to do so due to the rejection of bureaucratic procedures. The results obtained can be used as a basis for developing areas of work with student families within the framework of the implementation of the new national project "Family", and for developing measures to increase the importance of the role of children in young people's ideas about family.

Keywords: youth, family, student family, marriage, children

References

1. Dziov, A. R. Studenchestvo v fokuse istorii i sovremennosti [Students in the focus of history and modernity]. *Terra Linguistica*. 2014. No. 3. Pp. 9–18. (In Russ.).
2. Radin, E. P. *Dushevnoye nastroyeniye sovremennoy uchashcheysya molodezhi, po dannym Peterburgskoy obshchestvennoy ankety 1912 g: Psikhologicheskaya i sotsiologicheskaya samootsenka. Razocharovannost'* [The mental mood of modern student youth, according to the data of the St. Petersburg general student questionnaire of 1912: Psychological and sociological self-esteem. Disappointment]. St. Petersburg : N. P. Karbasnikov Partnership, 1913. 118 p. (In Russ.).
3. Lass, D. I. *Sovremennoye studenchestvo: (Byt, polovaya zhizn')* [Modern students: (Everyday life, sexual life)]. Preface by prof. Bronner. Moscow; Leningrad : Molodaya Gvardiya Publishing House, 1928. 214 p. (In Russ.).
4. Muratova, G. M. *Studencheskaya sem'ya v usloviyakh sistemnykh izmeneniy rossiyskogo obshchestva* [Student family in the context of systemic changes in Russian society] : abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Russian State Social University. Moscow, 2011. 22 p. (In Russ.).
5. Kablukov, V. A. *Problemy studencheskikh semey* [Problems of student families]. Kyiv : Knowledge Society of the Ukrainian SSR, 1989. 45 p. (In Russ.).
6. Shekhovtsov, E. V. *Sovremennaya rossiyskaya studencheskaya sem'ya: sotsio-logicheskiy analiz* [Modern Russian student family: sociological analysis] : abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Stavropol State University. Stavropol, 2009. 23 p. (In Russ.).
7. Rostovskaya, T. K. The Student Family as an Important Resource for Demographic Development at the National Level. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*. 2024. Vol. 33, No. 7. Pp. 9–14. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-9-14](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-9-14). (In Russ.).
8. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A., Shirshova, T. M. Student Family as an Object of Scientific Research (Review of Scientific Research on the Problems of Student Families). *Alma Mater*. 2022. No. 11. Pp. 106–113. DOI [10.20339/AM.11-22.106](https://doi.org/10.20339/AM.11-22.106). (In Russ.).
9. Vilkova, K. A., Gruzdev, I. A., Shmeleva, E. D. et al. What We Know about Student Families: A Sociological Analysis. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*. 2024. No. 7. Pp. 67–83. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83). (In Russ.).
10. *Studencheskaya sem'ya: sostoyaniye, problemy, perspektivy* [Student family: status, problems, prospects] / V. A. Baltsevich, S. N. Burova, A. K. Vodneva et al. Minsk : University Publishing House, 1991. 102 p. ISBN 5-7855-0392-1. (In Russ.).

11. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Nikolsky V. S. The Conditions of Functioning of the Student Family in Modern Russia: The Main Problems and Resources of Well-Being. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*. 2024. No. 7. Pp. 15–31. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31). (In Russ.).
12. Bagirova, A. P., Neshataev, A. V., Vavilova, A. S., Levshits, A. D. Parenting during the Student Period: The Possibilities of Combining Life Strategies. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*. 2024. No. 7. Pp. 32–49. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-32-49). (In Russ.).
13. Arowoshola, L. Medical Education Engagement during the COVID-19 Era – a Student Parents Perspective. *Medical Education Online*. 2020. Vol. 25. Article No. 1788799. DOI [10.1080/10872981.2020.1788799](https://doi.org/10.1080/10872981.2020.1788799).
14. Evans, C. Parenting by Day, Studying by Night: Challenges Faced by Student-Parents in the COVID-19 Pandemic. *Educational Review*. 2024. DOI [10.1080/00131911.2024.2309986](https://doi.org/10.1080/00131911.2024.2309986).
15. Rostovskaya, T. K., Kalachikova, O. N. The Value of the First Registered Marriage as a Determinant of a Successful Young Family: A Sociological Analysis. *Logos et Praxis*. 2022. No. 1. Pp. 54–65. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.6). (In Russ.).
16. Studencheskaya sem'ya v Rossii: bar'yery i vozmozhnosti blagopoluchiya [Student family in Russia: barriers and opportunities for well-being] / T. K. Rostovskaya, E. N. Vasilyeva, O. N. Kalachikova [et al.]. Ivanovo : Ivanovo State University Publishing, 2024. 448 p. ISBN 978-5-7807-1456-9. (In Russ.).

Bio notes

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI SPIN code: [1129-8400](https://www.rsci.spin.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Alexey V. Pachin, postgraduate student, State Academic University of Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: komradpa4in@yandex.ru; ORCID ID: [0009-0008-6441-6060](https://orcid.org/0009-0008-6441-6060); RSCI SPIN code: [6051-9350](https://www.rsci.spin.ru/6051-9350).

Received on 14.01.2025; accepted for publication on 13.03.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.10)EDN [EVCRZQ](https://www.edn.ru/EVCRZQ)

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА И ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА: ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА

Рубинская Э. Д.*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),**Ростов-на-Дону, Россия**E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru*

Для цитирования: Рубинская, Э. Д. Российский рынок труда и иностранная рабочая сила: поиск путей решения проблемы кадрового дефицита // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 167–175. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.10). EDN [EVCRZQ](https://www.edn.ru/EVCRZQ).

Аннотация. Особенность отечественного рынка труда обусловлена растущим кадровым дефицитом, детерминированным совокупностью эндогенных и экзогенных факторов. Неблагоприятная демографическая динамика, проявляющаяся в сокращении численности населения, его старении, снижении роли иммиграционного потока в компенсации убыли населения ведет к структурным трансформациям на рынке труда. Острая нехватка рабочей силы создает значительные вызовы для поступательного развития экономики России и является главным ограничителем ее роста. Статья посвящена поиску решения проблемы кадрового дефицита на отечественном рынке труда. На основе анализа статистических данных, характеризующих демографические и миграционные процессы в Российской Федерации, а также обзоров рынка труда, определено, что оперативно сбалансировать потребности рынка труда возможно путем привлечения иностранной рабочей силы. Проведенное исследование позволило выявить противоречия между отечественной миграционной политикой и практикой регулирования трудовой миграции в регионах. Отсутствие целостного подхода к управлению миграционными процессами в России не дает возможность выстроить в единой логике нормативно-правовое регулирование на федеральном и региональном уровнях, в основе которого находятся потребности рынка труда. Через глубокий анализ демографических процессов в странах-донорах рабочей силы, возможностей образовательной системы необходимо точно разрабатывать определение миграционного потенциала и применять программы временной трудовой миграции, способные решить проблемы кадрового дефицита в отдельных сегментах отечественного рынка труда. Следует расширить географию государств, обладающих миграционным потенциалом для России, включив в орбиту стратегических интересов не только постсоветское пространство, но и страны БРИКС.

Ключевые слова: дефицит трудовых ресурсов, рынок труда, демографические тренды, международная миграция населения, иностранная рабочая сила, нелегальная миграция, миграционная политика, регулирование миграции, временная миграция

Введение

Острейший дефицит трудовых ресурсов, обусловленный неблагоприятным демографическим трендом, релокацией, частичной военной мобилизацией и оттоком мужчин с рынка труда на службу по контракту, является серьезным вызовом для поступательного развития экономики Российской Федерации и главным ограничителем ее роста. Согласно совместному исследованию ВТБ и РБК, проведенному в ноябре 2024 г., среди российских компаний, относящихся к крупному бизнесу, кадровый голод вошел в топ-3 основных рисков 2025 г.¹ По данным Росстата,

¹ Крупный бизнес назвал основные риски 2025 года // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/12/2024/6749f1469a7947bb990b1256> (дата обращения: 24.12.2024).

в 2024 г. наблюдался рекордно низкий уровень безработицы – всего 2,4% (1,9 млн человек), на этом фоне отмечался рост заработной платы работников организаций, составивший 18% к аналогичному периоду 2023 г., а в некоторых сферах (транспорт, доставка) – доходил до 50%². В свою очередь, опережающий рост зарплат по отношению к низкой производительности труда способствовал перегреву потребительского спроса, и, как результат, инфляции.

Все вышесказанное ставит перед бизнесом и властью сложные задачи, требующие оперативного реагирования, однако имеющиеся в арсенале варианты их решения весьма ограничены. Могут ли множество инициатив и мер по нормализации демографии в России переломить негативные тренды, выровняв дисбаланс на рынке труда в ближайшие годы? Уже сейчас понятно, что ожидаемый результат Национального проекта «Демография» (до 2024 г. увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7), не достигнут. Несмотря на поставленную Президентом РФ В. В. Путиным амбициозную задачу в короткий срок войти в топ-25 стран мира по плотности роботизации³, говорить о быстрых трансформациях на рынке труда в сторону сокращения спроса на рабочую силу и частичной заменой ее роботами в ближайшее десятилетие рано. Безусловно, повышение производительности труда, модернизация производства и роботизация рабочих мест в перспективе объективно должны улучшить ситуацию на рынке труда, но что делать сегодня? Возможно ли и каким образом в одночасье переломить негативный тренд? В представленной статье, мы попытаемся ответить на данный вопрос.

Обзор литературы

Новейшие аспекты взаимосвязи рынка труда и миграции рабочей силы, анализ влияния на его конъюнктуру экзогенных и эндогенных факторов пока не нашли должного освещения в работах отечественных ученых.

Признавая всю важность международной миграции для российского рынка, Е. С. Красинец характеризует современные процессы трудовой иммиграции «небывалой сложностью и противоречивостью» [1], поскольку они несут в себе стратегические социальные и экономические риски. По мнению ученого, через разработку организационно-правовых и экономических механизмов необходимо стимулировать въезд «нужных» трудовых мигрантов, ограничивая въезд остальным [1]. Действительно, такая точка зрения часто встречается у экспертов, однако в условиях жесточайшего кадрового голода, характерного для отечественного рынка труда, значение селективной миграционной политики в части ограничения въезда для трудовых мигрантов снижается.

В. А. Ионцев пишет об обусловленности рынка труда в России демографическим кризисом, делая вывод о том, что в ближайшие 30 лет наша страна «обречена» на привлечение иностранной рабочей силы [3]. Исследователь считает, что с точки зрения иностранной рабочей силы рынок труда в России является «комфортным».

² «Подсчитали – прослезилась» | Демографический кризис и дефицит кадров: к чему это приведет Россию // RUTUBE : [сайт]. URL: <https://rutube.ru/video/96dcfeca822d5c1ca1c7c75a89463fd2> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения: 20.12.2024).

Но с учетом ужесточения миграционного законодательства и сокращения потока международных мигрантов в нашу страну этот тезис представляется весьма спорным.

Другой точки зрения придерживается Р. И. Капелюшников, по оценке которого глубокие структурные трансформации российского рынка труда связаны в первую очередь с пандемией COVID-19 и санкционным кризисом 2022 г., а погружение в «демографическую яму» только начинается [4]. Автор отмечает, что зеркальным отражением минимального уровня безработицы оказывается беспрецедентный рост уровня вакансий – к концу 2023 г. на одного зарегистрированного приходилось около пяти вакансий! Сокращение притока трудовых мигрантов является одним из важнейших факторов (но не единственным), оказывающих влияние на экспоненциальный рост вакансий и дефицит на рынке труда. Ученый делает вывод о том, что российской экономике в течение продолжительного времени предстоит существовать в стрессовых условиях острой нехватки трудовых ресурсов.

Результаты и оценки

Важнейшее влияние на конъюнктуру отечественного рынка труда оказывают прежде всего неблагоприятные демографические тенденции [5]. Согласно данным Росстата, численность населения Российской Федерации на 1 августа 2024 г. составила 145,9 млн человек, сократившись по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. на 288,1 тыс. человек. Отметим, что в России зафиксирован рекордно низкий уровень рождаемости – ниже, чем в кризисные 90-е гг. Число умерших превышает число родившихся в 1,5 раза. На таком фоне общемировой тренд старения населения также актуален и для нашей страны. По международным критериям население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более превышает 7% от общей численности. На начало 2024 г. этот показатель в России составил 17,1%, увеличившись за последние 50 лет вдвое. Старение населения нашло отражение и в структуре занятых по возрастным группам. Так, за последние 10 лет, численность работников 65 лет и старше увеличилась в 1,7 раза.

Подчеркнем, что суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации в среднем соответствует уровню европейских государств (Португалии, Италии, Великобритании, Греции и ряда др.) и составляет 1,4 деторождений на одну женщину, однако смертность населения гораздо выше, чем в развитых странах⁴. Особенно это характерно для мужчин, что приводит к сокращению их доли в рабочей силе и, как результат, структурным трансформациям на рынке труда. В такой связи список, ограничивающий работу для женщин на тяжелых и вредных производствах, сократился к 2022 г. с 456 позиций до 100⁵. Сняты запреты работать машинами, водителями большегрузов, водолазами, крановщиками, авиационными механиками и др.

На фоне неблагоприятной демографической динамики снижается роль миграционного фактора в компенсации убыли населения. Заметим, что за первое

⁴ Россия и страны мира. 2023 : Стат. сб. Москва : Росстат, 2023. 393 с.

⁵ Трудовые права женщин: вопросы дискриминации и основные судебные кейсы // Гарант.ру : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/article/1604620/> (дата обращения: 01.12.2024).

полугодие 2024 г. миграционный прирост лишь на 20,8% компенсировал естественную убыль населения. В 2023 г. международная миграция в Россию сократилась по сравнению с 2022 г. на 23% и составила 560 434 человека⁶. Как демонстрируют данные табл. 1, это минимальное значение за последние 10 лет. Падение миграционного притока произошло за счет стран СНГ. По предварительным итогам за 2024 г., снижение потока международных мигрантов в Россию продолжилось. Кроме того, волна эмиграции 2022 г. (по данным Росстата порядка 700 000 человек)⁷, связанная с обострением геополитической ситуации, началом Специальной военной операции, частичной военной мобилизацией, оказала негативное влияние на рынок труда, увеличив его волатильность. Также в 2022 г. наблюдался самый низкий показатель миграционного прироста в новейшей российской истории (см. табл. 1).

Таблица 1

Международная миграция в/из Российской Федерации, 2014–2023 гг.

Table 1

International migration to/from the Russian Federation, 2014–2023

Год	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
2014	578 511	308 475	270 036
2015	598 617	353 233	245 384
2016	575 158	313 210	261 948
2017	589 030	377 155	211 878
2018	565 685	440 831	124 854
2019	701 234	416 131	285 103
2020	594 146	487 672	106 474
2021	667 922	238 020	429 902
2022	730 347	668 430	61 917
2023	560 434	450 482	109 952

Источник: составлено автором на основе статистических сборников Росстата⁸

Несмотря на принятие Концепции демографической политики⁹, Национального проекта «Демография», мер поддержки семей с детьми, результаты для рынка труда мы увидим в лучшем случае через пятнадцать-двадцать лет. По заявлению министра экономического развития РФ М. Г. Решетникова, с учетом прогноза развития и роста производительности труда к 2030 г. экономике дополнительно потребуется 2,3 млн человек¹⁰. Восполнить эти потребности только за счет внутренних трудовых ресурсов будет крайне затруднительно.

По мнению автора настоящей статьи, оперативно сбалансировать ситуацию с дефицитом рабочей силы на отечественном рынке труда возможно лишь привлечением трудовых мигрантов из-за рубежа, причем акцент необходимо делать

⁶ Россия 2024 : Статистический справочник. Москва : Росстат, 2024. 67 с.

⁷ Демографический ежегодник России 2023 : Статистический сборник. Москва : Росстат, 2023. 256 с.

⁸ Например, Россия и страны мира. 2023 : Стат. сб. Москва : Росстат, 2023. 393 с.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 9.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁰ Решетников назвал дефицит кадров одним из главных рисков для экономики РФ. // Интерфакс : [сайт]. 25 сентября 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/922534> (дата обращения: 25.12.2024).

на временной миграции, а не на постоянной, что позволит снизить нагрузку на социальную сферу. Мировой опыт подтверждает, что при обострении дисбаланса на национальном рынке труда значение международной трудовой миграции возрастает. Например, из-за экономического кризиса и Второй мировой войны, последствием которых стала нехватка рабочей силы в Соединенных Штатах Америки, в 1943 г. был принят Закон о привлечении брасеро (неквалифицированных рабочих, с испанского – «батрак», от “brazo” – «рука»), предполагающий ряд мер по привлечению рабочих из Мексики, особенно в промышленные и сельскохозяйственные районы¹¹. Программа была реализована на уровне штатов и гарантировала заработную плату, медицинскую страховку, жилье и питание для рабочих. Либерализация миграционного законодательства, связанная в первую очередь с социально-экономическими потребностями США, способствовала тому, что за время существования программы (до 1965 г.) в страну въехало около 4,5 млн трудовых мигрантов-мексиканцев. Аналогичные меры по организованному найму иностранной рабочей силы применялись и в государствах Западной Европы.

Правда, существенной проблемой при применении программ организованных наборов становится вероятность того, что часть временных мигрантов останется в стране по окончании контракта. Поэтому важно проанализировать негативные мировые практики (к примеру, опыт европейских государств) и исключить возможность перехода временной миграции в постоянную, в том числе и через каналы воссоединения семей.

Трансформационные изменения 1990-х гг. в России, перестройка экономики в целом и ее внешнеэкономической сферы в частности, политика интегрирования в мирохозяйственные связи через формы международных экономических отношений способствовали вхождению нашей страны в число мировых лидеров по численности международных мигрантов [6].

Будучи крупнейшим миграционным хабом на постсоветском пространстве, Российская Федерация аккумулирует на своей территории миллионы международных мигрантов [6]. По данным ФСБ РФ, в 2023 г. более 4,5 млн человек при пересечении границы указали целью въезда «работа», что выше уровня 2022 г. на 130%. Предварительные итоги за девять месяцев 2024 г. говорят об увеличении выданных разрешений на работу для граждан стран с визовым режимом, в то же время количество выданных патентов на осуществление трудовой деятельности сократилось на 100 тысяч – до 1,6 млн. Основными донорами трудовых ресурсов для России являются страны Средней Азии, доля которых выросла с 13% в 2000 г. почти до 90% в 2023 г. Обратим внимание на то, что суммарный коэффициент рождаемости в Киргизии – 2,8, Узбекистане – 3,3, Таджикистане – 2,8, следовательно, можно говорить о миграционном потенциале этих стран, который важно учитывать при выстраивании и реализации отечественной миграционной политики.

«Притягивающими» факторами нашей страны были и остаются безвизовый въезд граждан СНГ и потребность в неквалифицированной рабочей силе. Фактически существующие количественные и качественные параметры российской

¹¹ Bracero Program / Oregon Encyclopedia : [site]. URL: https://www.oregonencyclopedia.org/articles/bracero_program/ (accessed on 20.12.2024).

экономики не стимулируют спрос на высококвалифицированные кадры – лишь 9% трудовых мигрантов имеют высшее образование.

Сохраняется широкое поле нелегальной миграции. Исходя из минимизации издержек и сиюминутной выгоды, предпринимателям проще использовать дешевый труд незащищенных мигрантов. Коррупция и криминализация миграционной сферы приводит к крайне негативным последствиям такого явления, вплоть до угрозы национальной безопасности. В то же время миграция – это процесс, который при грамотном управлении может способствовать смягчению демографических проблем, устранению дисбаланса на рынке труда и в целом стать драйвером роста экономики.

Начиная с 1990-х гг., шел поиск путей и форм оптимального миграционного режима, развивалось миграционное законодательство, институциональная сфера, вместе с тем миграционная политика носила и продолжает носить реактивный, ситуационный характер [8]. К сожалению, цель Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации по созданию миграционной ситуации, способствующей решению социально-экономических, демографических, пространственных и иных задач развития, в обозначенный период действия документа (с 2019 по 2025 гг.) не достигнута¹².

С одной стороны, необходимость привлечения трудовых мигрантов декларируется на самом высоком уровне, но, с другой стороны, наблюдается явное ужесточение миграционного законодательства.

Согласно ежемесячному обзору рынка труда экспертами Head Hunter, кадровый дефицит актуален для всех регионов России и зафиксирован в самых массовых направлениях: рабочие, производство, продажи, розничная торговля, транспорт и строительство¹³. Как следует из аналитического доклада исследователей из ВШЭ потребность в работниках за второй квартал 2024 г. выросла на 10,3% по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., достигнув исторического максимума. Треть всех вакансий приходится на обрабатывающую промышленность (14,8% от общей заявленной потребности) и торговлю (14,8%)¹⁴. На этом фоне организациям все сложнее закрывать предлагаемые вакансии в связи с сокращением численности трудовых ресурсов, еще не задействованных в экономике.

Решения губернаторов ряда регионов на фоне кадрового голода кажутся нелогичными. Приведем примеры. По заявлению губернатора Хабаровского края Дмитрия Демешина, с 2025 г., в частности, мигрантам запретят трудиться водителями общественного транспорта и такси¹⁵. В Подмосковье с 1 января 2025 г. планируют запретить мигрантам работать по патенту в ряде сфер – уличного питания, социальных

¹² Указ Президента Российской Федерации от 9.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 12.12.2024).

¹³ Краткий обзор рынка труда. Ноябрь 2024 // hh : [сайт] URL: <https://hhcdn.ru/icms/10323697.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).

¹⁴ Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. II квартал 2024 г. Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 65 с.

¹⁵ Глава Хабаровского края анонсировал планы ограничить работу мигрантов // РБК : [сайт]. 1 октября 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66fb2fbd9a79474fbb13f3cb> (дата обращения: 23.12.2024).

услуг и досуга, здравоохранения и образования. В случае нарушения запрета предлагается предусмотреть штрафы в 45–50 тыс. руб. для мигранта, от 800 тыс. до 1 млн руб. – для юридического лица. Еще пример. Губернатор Калининградской области подписал указ о запрете с 2025 г. трудовым мигрантам работать в 17 (!) отраслях экономики¹⁶: в гостиничном бизнесе, торговле, такси и прочих пассажироперевозках, и многое другое.

Наряду с подобными намерениями директор по корпоративным отношениям и связям с органами государственной власти «Яндекс Такси» Антон Петраков сообщил, что из-за ужесточений миграционной политики и регулирования деятельности такси к концу 2024 г. в России будет не хватать около 130 тыс. водителей, что ожидаемо приведет к росту цен на перевозку пассажиров¹⁷. В целом же разрыв между спросом и предложением на труд окажет негативное влияние на социально-экономическое развитие и усугубит дефицит трудовых ресурсов.

Выводы

На основании вышеизложенного можно говорить о противоречиях между миграционной политикой и практикой регулирования. Отсутствие целостного подхода к управлению миграционными процессами в Российской Федерации не дает возможность выстроить в единой логике нормативно-правовое регулирование на федеральном и региональном уровнях, в основе которого находятся социально-экономические потребности, национальная, в том числе демографическая безопасность.

Центральный вопрос, имеющий важное практическое значение, это механизм регулирования миграционных отношений, направленный на, во-первых, обеспечение острых потребностей отечественного рынка труда, и, во-вторых, декриминализацию миграционной сферы. Необходимо расширять применяемый инструментарий миграционного регулирования.

Через глубокий анализ демографических процессов в странах-донорах рабочей силы, возможностей образовательной системы, определение миграционного потенциала следует точно разрабатывать и применять программы временной трудовой миграции. Механизм организованных наборов должен быть понятным и удобным как для работодателей, так и для самих трудовых мигрантов. В отечественной миграционной политике и практиках регулирования целесообразно расширить географию стран-доноров рабочей силы, включив в орбиту интересов не только постсоветское пространство, но и страны-участницы БРИКС, обладающих огромными человеческими ресурсами и, следовательно, миграционным потенциалом.

¹⁶ Указ Губернатора Калининградской области от 20.11.2024 № 105-у «Об установлении на 2025 г. запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Калининградской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3900202411200002?index=1> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁷ «Яндекс Такси» предупредил о росте цен из-за дефицита 130 тыс. водителей // РБК : [сайт]. 04.09.2024 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/09/2024/66d7ac7e9a79475567e32d59 (дата обращения: 08.11.2024).

Список литературы

1. Красинец, Е. С. Трудовая иммиграция в трансформациях иностранного рынка труда // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием. Москва : ИНИОН РАН, 2023. С. 420–422. EDN [KDVRQD](#).
2. Красинец, Е. С. Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). С. 189–198. DOI [10.26726/1812-7096-2023-12-189-198](#). EDN [UWKXHG](#).
3. Ионцев, В. А. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2. С. 90–96. DOI [10.24412/1994-3776-2023-2-90-96](#). EDN [AXNOWY](#).
4. Капелюшников, Р. И. Эскалация вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры / Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 81–111. DOI [10.32609/0042-8736-2024-7-81-111](#). EDN [FWPMZT](#).
5. Подвойский, Г. Л. Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна / Г. Л. Подвойский, Е. А. Черных // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 1. С. 66–75. DOI [10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75](#). EDN [JRDGGJ](#).
6. Рубинская, Э. Д. Международная миграция рабочей силы: методология и практика: монография. Ростов-на-Дону : Издательство ЮРИУ – филиал РАНХиГС, 2014. 250 с. ISBN 978-5-89546-765-7. EDN [EFGVGT](#).
7. Рубинская, Э. Д. Направления миграционной политики в контексте реализации национальных интересов Российской Федерации / Э. Д. Рубинская, Э. А. Исраилова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2024. Т. 31, № 2. С. 156–162. DOI [10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.79.47.017](#). EDN [LILZK](#).
8. Рубинская, Э. Д. Трансформация государственной миграционной политики России в условиях глобализации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8–3 (85). С. 1096–1102. EDN [ZMJXZ](#).

Сведения об авторе

Рубинская Этери Девисовна, доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](#); ПИНЦ SPIN-код: [8233-0500](#); Web of Science Researcher ID: [GQI-4308-2022](#); Scopus Author ID: [56916046800](#).

Статья поступила в редакцию 12.12.2024; принята в печать 13.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN LABOR MARKET AND FOREIGN WORKFORCE: SEARCHING FOR WAYS TO SOLVE THE PROBLEM OF STAFFING SHORTAGE

Eteri D. Rubinskaya

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia

E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

For citation: Rubinskaya, E. D. Russian Labor Market and Foreign Workforce: Searching for Ways to Solve the Problem of Staffing Shortage. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 167–175. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.10](#).

Abstract. A characteristic feature of the domestic labor market is the growing personnel shortage determined by a combination of endogenous and exogenous factors. Unfavorable demographic dynamics, manifested in a declining population, its aging, and a decreasing role of immigration flow in compensating for population decline, lead to structural transformations in the labor market. The acute shortage of labor creates significant challenges for the progressive development of the economy of the Russian Federation and is the main limiter to its growth. The article is devoted to finding a solution to the problem of personnel shortage in the domestic labor market. Based on the analysis of statistical data characterizing demographic and migration processes in the Russian Federation, as well as labor market reviews, it was determined that it is possible to quickly balance the needs of the labor market by attracting foreign labor. The conducted study made it possible to identify contradictions between domestic migration policy and the practice of regulating labor migration in the regions. The lack of a holistic approach to managing migration processes in Russia does not allow for a unified logic of legal regulation at the federal and regional levels, based on the needs of the labor market. Through a deep analysis of demographic processes in labor donor countries, the capabilities of the educational system, and the determination of migration potential, it is necessary to specifically develop and implement temporary labor migration programs that can solve the problems of personnel shortages in individual segments of the domestic labor market. It is necessary to expand the geography of states with migration potential for Russia, including in the orbit of its strategic interests not only the post-Soviet space, but also the BRICS countries.

Keywords: labor shortage, labor market, demographic trends, international population migration, foreign labor force, migration policy, migration regulation, temporary migration

References

1. Krasinets, E. S. Trudovaya immigratsiya v transformatsiyakh inostrannogo rynka truda [Labor immigration in the transformations of the foreign labor market]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. Yearbook. XXII National scientific conference with international participation. Moscow : INION , 2023. Pp. 420–422. (In Russ.).
2. Krasinets, E. S. Labor Migration to Russia: Development Trends and Consequences for the Labor Market. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2023. No. 12 (158). Pp. 189–198. DOI [10.26726/1812-7096-2023-12-189-198](https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-12-189-198). (In Russ.).
3. Iontsev, V. A. International Labor Migration in a “Comfortable” Labor Market in Russia. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2023. No. 2. Pp. 90–96, DOI [10.24412/1994-3776-2023-2-90-96](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96). (In Russ.).
4. Kapelyushnikov, R. I. Expansion of vacant Jobs in the Russian Labor Market: Dynamics, Composition, Triggers. *Voprosy Ekonomiki*. 2024. No. 7. Pp. 81–111. DOI [10.32609/0042-8736-2024-7-81-111](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-7-81-111). (In Russ.).
5. Podvoiskiy, G. L., Chernykh, E. A. Transformations of the Russian Labor Market: First and Second Waves. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2024. No. 1 Pp. 66–75. DOI [10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-1-66-75). (In Russ.).
6. Rubinskaya, E. D. *Mezhdunarodnaya migratsiya rabochey sily: metodologiya i praktika* [International labor migration: methodology and practice]: monograph. Rostov-on-Don : Publishing house of YURIU – branch of RANEP, 2014. 250 p. ISBN 978-5-89546-765-7. (In Russ.).
7. Rubinskaya, E. D., Israilova, E. A. Directions of Migration Policy in the Context of Realizing the National Interests of Russian Federation. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2024. Vol. 31, No. 2. Pp. 156–162, DOI [10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.79.47.017](https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.79.47.017). (In Russ.).
8. Rubinskaya, E. D. Transformation of Russia State Immigration Policy in the Context of Globalization. *Economy and entrepreneurship*. 2017. No. 8–3 (85). Pp. 1096–1102. (In Russ.).

Bio notes

Eteri D. Rubinskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department for International Economy and International Relationships, Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7876-4057](https://orcid.org/0000-0002-7876-4057); RSCI SPIN code: [8233-0500](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=56916046800); Web of Science Researcher ID: [GQ1-4308-2022](https://orcid.org/GQ1-4308-2022); Scopus Author ID: [56916046800](https://orcid.org/56916046800).

Received on 12.12.2024; accepted for publication on 13.02.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11)

EDN [EOVSPF](https://eodn.net/EOVSPF)

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Субботин А. А.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

Для цитирования: Субботин, А. А. Подходы к оценке миграционного потенциала России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 176–192. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.11). EDN [EOVSPF](https://eodn.net/EOVSPF).

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционного потенциала России за рубежом, при рассмотрении его актуальности в условиях глобальных изменений и демографического кризиса в стране. Исследование основывается на данных переписей населения, оценках экспертов и собственных расчетах. Методология работы содержит изучение теоретических основ темы и аналитический обзор представленных в научной литературе оценок миграционного потенциала, включая их актуальность и применимость. Исследуется историческая динамика распространения русского языка, его роль в формировании русскоязычных сообществ за рубежом, выявляются возможности использования миграционного потенциала для укрепления международных связей и решения демографических проблем России. По итогам проведенной работы делается вывод, что существующие исследования по миграционному потенциалу значительно устарели и требуют актуализации. Отмечается, что факторами миграционного потенциала являются численность и миграционные установки, оказывающие влияние на решение о выезде из страны проживания. Ранее для изучения последних аспектов требовалось проводить выборочные социологические обследования, что существенно ограничивало доступность и сопоставимость полученных результатов. В настоящее время существует возможность использования альтернативных источников информации, таких, как электронные социальные сети, поисковые системы и др. В заключении работы подчеркивается необходимость актуализации сведений о миграционном потенциале в том числе с использованием альтернативных данных. Научный вклад статьи заключается в интерпретации важности создания комплексной оценки миграционного потенциала, что может ориентировать государственные органы на эффективное использование ресурсов для работы с русскоязычным населением за пределами страны. Результаты исследования могут быть применены в сфере миграционной политики.

Ключевые слова: миграционный потенциал, русскоязычное население за рубежом, русская диаспора, репатриация, миграционная политика России

Введение: актуальность и степень научной разработанности темы

Актуальность исследования миграционного потенциала России за рубежом обусловлена происходящими в мире глобальными изменениями, активизацией миграционных потоков. В условиях информатизации, глобализации и суверенизации общества перед нашей страной открываются новые возможности, связанные с диаспорой и высококвалифицированными мигрантами.

Русскоязычное население за пределами России представляет собой значимый миграционный потенциал государства. В XX веке наблюдалось широкое распространение русского языка за рубежом. По данным исследований, на нем разговаривали около 140 млн человек, и в основном это были подданные Российской империи, общее население которой совместно с Польшей и Финляндией составляло 182 млн человек (по состоянию на 1 января 1915 г.¹). Россия занимала первое место

¹ Статистический ежегодник России. 1915 г. (год двенадцатый). Петроград, 1916. С. 58.

в Европе по числу жителей, и популярность русского языка была сравнима с популярностью английского в начале XXI века.

Потенциал русскоязычного населения, проживающего за пределами России, может быть использован для укрепления международных связей, экономического развития и решения демографических проблем страны. Определение того, как эффективно воздействовать на миграционный потенциал, становится важнейшей задачей для современных исследователей и государственных служащих.

К вопросам оценки масштаба русскоязычного населения за рубежом обращались такие исследователи, как С. В. Рязанцев [1–3], А. Л. Арефьев [4; 5], В. А. Герасимова [6], Д. Тетри [7] и т. д. Проблематику миграционного потенциала в целом рассматривали Ж. А. Зайончковская [8], Л. Л. Рыбаковский [9], М. Б. Денисенко [10], В. И. Мукомель [11], А. Г. Гришанова [12; 13] и др. Из наиболее значимых работ можно выделить научные труды Л. Л. Рыбаковского, который раскрыл определение миграционного потенциала как «оценки миграционных ресурсов, находящихся в странах – возможных донорах для страны-реципиента» [9, с. 24]. Для более глубокого анализа проблемы в нашей статье были также использованы миграционные исследования последних лет и законодательные акты, например, Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»².

Более 30 лет Россия находится в состоянии демографического кризиса, который характеризуется как количественными негативными изменениями, так и качественными (кризис института семьи, трансформация демографического поведения и пр.), и структурными (дисбаланс половозрастной структуры населения) негативными изменениями [14, с. 5]. Важно отметить, что в условиях глобализации и одновременно суверенизации в третьем тысячелетии процессы миграции имеют комплексное воздействие, выходящее за рамки простых социально-демографических и экономических процессов и охватывающее социально-политические и геополитические аспекты.

Определение миграционного потенциала оказывает значительное влияние на культурное взаимодействие, поскольку русскоязычные сообщества за рубежом представляют собой важные культурно ориентированные группы, способствующие обмену культурным опытом, распространению русского языка и формированию имиджа государства за его пределами. Кроме того, изучение миграционного потенциала позволяет обнаруживать и анализировать миграционные тренды, что, в свою очередь, способствует формированию более эффективной социальной политики. Знание миграционного потенциала и его качественного состава также будет способствовать формированию стратегии по привлечению молодежи и высококвалифицированных специалистов, что улучшит демографическую ситуацию в стране в целом.

² Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 15.11.2024).

Целью исследования является анализ существующих и перспективных подходов к оценке миграционного потенциала России за рубежом. Объектом данного исследования выступает русскоязычное население, проживающее за пределами Российской Федерации. В работе акцентируется внимание на изучении существующих оценок миграционного потенциала русскоязычного населения за рубежом. Исследование основывается на данных переписей населения, оценках экспертов и собственных расчетах. Методология включает следующие ключевые элементы: изучение теоретических основ темы исследования и анализ представленных в научной литературе оценок миграционного потенциала, в т. ч. их актуальность и применимость в современных условиях.

Подходы к оценке численности выходцев из России и их потомков

Прежде чем перейти к понятию миграционного потенциала, необходимо определить, в отношении каких групп населения он может быть рассчитан.

Термин «эмигрант» в статистическом учете имеет неоднозначное значение. В широком смысле эмигрант – это человек, покидающий страну своего проживания. Однако различные факторы, такие как причины отъезда, продолжительность отсутствия и цели, не позволяют объединить всех выезжающих в одну категорию. Страны по-разному определяют эмигрантов, часто устанавливая минимальный срок отсутствия от трех месяцев до одного года, как рекомендует ООН. Понятие «эмигранты из России» охватывает людей, выехавших в разные исторические периоды, и их потомков, которые могут находиться в различных странах.

Диаспора, в классическом понимании, – это группа людей одного народа, живущая за пределами своей страны и поддерживающая свою идентичность. Однако на практике диаспоры могут формироваться на основе «землячества» и не обязательно быть этническими.

Миграционные установки мигрантов варьируются от желания остаться навсегда до намерения вернуться (при этом всегда сохраняется некая условность, которая приобретает особую актуальность в наши дни: постоянная миграция может трансформироваться во временную, равно как и наоборот – временная в постоянную). Успешная адаптация мигрантов влияет на необходимость диаспоральных связей.

Понятие «соотечественники», которое широко распространено в государственных программах и законодательных актах, охватывает не только тех, кто выехал, но и тех, кто остался за пределами своей исторической родины, без учета этнической принадлежности. По данным переписи 1989 г., русские составляли значительную долю населения в некоторых союзных республиках. Соотечественниками можно считать всех выходцев из одной страны, независимо от их статуса и целей, что затрудняет количественную оценку мигрантов.

В последние десятилетия наблюдаются массовые миграционные потоки из республик бывшего СССР, при этом знание русского языка помогает мигрантам общаться в разных странах. То есть одним из ключевых оснований для определения выходцев из России и других республик, а также их потомков, является знание русского языка. Русский язык служит связующим звеном между мигрантами, позволяя им общаться и взаимодействовать в разных странах.

Термин «русскоговорящее сообщество за рубежом» (или русскоязычное население, проживающее за пределами России) представляет собой собирательное понятие, которое объединяет различные категории мигрантов и их потомков, независимо от этнической принадлежности, целей миграции или продолжительности пребывания за пределами исторической родины. Кроме того, такой подход позволяет оценить масштабы и характеристики данной группы людей, и, на наш взгляд, является наиболее целесообразным для количественной оценки выходцев из России и других стран, а также их потомков.

Миграционный потенциал: теоретические основы

Изучение миграционного потенциала с теоретической точки зрения актуально, прежде всего, из-за отсутствия единого подхода к его определению. Анализ научной литературы, проведенный А. Г. Гришановой, Н. И. Кожевниковой и Л. Л. Рыбаковским, показал, что трактовки термина существенно различаются и постоянно эволюционируют [12; 13].

В 1992 г. Л. Л. Рыбаковский впервые ввел в отечественную науку термин «миграционный потенциал», отметив, что за пределами России проживают 25,3 млн русских, и часть их может стать мигрантами. Он подчеркнул, что возможность реализации этого потенциала зависит от политической ситуации. В 1996 г. российский ученый предложил новый подход к определению миграционного потенциала, который опирается на происхождение различных этнических групп, живущих за пределами России. Он выделил четыре группы населения: русские (потомки древнерусского народа), коренные народы, народы титульных национальностей стран нового зарубежья и народы, интегрировавшиеся в российское общество (например, поляки, немцы, чехи и т. д.).

В 2003 г. в «Демографическом понятийном словаре» Л. Л. Рыбаковского было представлено официальное определение миграционного потенциала, которое трактуется как оценка числа потенциальных (возможных) переселенцев из нового зарубежья, оставшихся там после образования независимых государств³. В 2009 г. было уточнено, что миграционный потенциал – это оценка ресурсов в странах-донорах, но возможность миграции зависит от предпочтений страны-реципиента.

В 2014 г. в издании «Миграционные процессы в России» под редакцией проф. Л. Л. Рыбаковского было указано, что миграционный потенциал включает ту часть населения стран-доноров, которая соответствует требованиям государства-реципиента [15, с. 163–164]. Итак, можно видеть, что даже у одного автора определения миграционного потенциала со временем менялись, что свидетельствует о сложности и многогранности понятия.

При этом для понимания миграционного потенциала требуется четкое определение критериев, которые должны быть инструментальными [9, с. 24]. С течением времени миграционный потенциал может как возрастать, так и снижаться. К примеру, если ранее население Средней Азии отличалось низкой мобильностью,

³ Демографический понятийный словарь / М-во труда и соц. развития Рос. Федерации. Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. [Архангельский В.Н. и др.]; под ред. Л. Л.Рыбаковского. Москва : Центр соц. прогнозирования, 2003 (ФГУП ПИК ВИНТИ). 349 с. ISBN 5-98201-007-3. С. 177.

то сейчас миллионы мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана трудятся в других странах, включая Россию. Миграционный потенциал охватывает также население с определенными миграционными предпочтениями, которые зависят от демографической структуры, исторического развития и этнического состава. В качестве примера можно привести миграцию этнических немцев в Германию и евреев в Израиль. Это означает, что миграционный потенциал включает тех, кто способен переехать в страну-реципиент и отвечает ее критериям. Следовательно, основными критериями являются страновой (количественные параметры) и этнический (структурные предпочтения). Для России оба критерия остаются ключевыми [9, с. 24].

Таким образом, миграционный потенциал представляет собой динамичное явление, требующее постоянного пересмотра и уточнения критериев, что важно для формирования миграционной политики государства.

Оценки миграционного потенциала России за рубежом

По оценке А. Л. Арефьева в исследовании 2015 г., к 1990 г. число жителей, владеющих русским языком, достигло показателя в 312 млн человек (табл. 1). Причиной тому были результаты научно-технического прогресса и социально-экономического развития СССР. Помимо английского, испанского, китайского, арабского и французского языков, русский язык также занимал значительное место и использовался в большинстве крупных международных организаций. После окончания Второй мировой войны он получил статус официального языка ООН. Однако после распада Советского Союза экономическое, технологическое и геополитическое развитие замедлилось, и общая ситуация изменилась, что отразилось и на престиже русского языка. С того момента наблюдается тенденция на снижение русскоговорящего населения [4, с. 8].

Таблица 1 содержит оценку и прогноз численности русскоязычного населения за пределами России с 1900 г. по 2050 г. Мировое население демонстрирует устойчивый рост: согласно прогнозам ООН, оно увеличится до 9,66 млрд в 2050 г. В то же время численность населения России, по имеющимся оценкам, сократится до 136,1 млн человек к 2050 г.

Обратим внимание на то, что представленная в таблице 1 численность населения, владеющего русским языком и проживающего за пределами Российской Федерации, является оценочной, поскольку рассчитана автором настоящей статьи как разность общей численности населения, владеющего русским языком, и численности населения, проживающего на территории России. При этом, как показывают данные переписей населения, в РФ не все население владеет русским языком [16]. В данном случае, проведя такой расчет, мы получаем оценку порядка значений исходя из ряда предположений, а не точные цифры.

А. Л. Арефьевым зафиксировано, что в 2010 г. общее количество людей, говорящих на русском языке, составило около 260 млн, что меньше на 52 млн по сравнению с 1990 г. [4, с. 10]. В период с 2004 по 2010 гг. наблюдалось заметное сокращение числа русскоязычных в государствах СНГ, что составило около 9,2 млн человек. Население стран СНГ, владеющее русским языком, сконцентрировано в основном на Украине (36,8 млн человек), в Казахстане (13,5 млн человек) и Узбекистане

(11,8 млн человек). Также значительно уменьшилось количество носителей языка в государствах Восточной Европы и на Балканах — на 5,4 млн, прежде всего в Польше, Болгарии и на территориях бывшей Югославии. В Азии число людей, говорящих на русском языке, уменьшилось более чем на 500 тыс. человек, что в значительной степени связано с падением интереса к языку в Монголии, Японии и Корее. В то же время в Западной Европе и Северной Америке ситуация осталась стабильной, что обусловлено продолжающейся миграцией русскоязычного населения из России и других стран постсоветского пространства.

Таблица 1

Оценка и прогноз численности населения, владеющего русским языком и проживающего за пределами Российской Федерации, млн человек

Table 1

Assessment and forecast of the Russian-speaking population living outside the Russian Federation, million people

Годы	Численность населения мира (млн человек)	Численность населения России (Российской империи, СССР, РФ)		Численность населения, владеющего русским языком		Численность населения, владеющего русским языком и проживающего за пределами РФ	
		Численность населения (млн человек)	Доля в общемировой численности населения (%)	Численность населения (млн человек)	Доля в общемировой численности населения (%)	Численность населения (млн человек)	Доля в общей численности населения, владеющего русским языком (%)
1900	1 650	138,0	8,4	105,0	6,4	-	-
1914	1 782	182,2	10,2	140,0	7,9	-	-
1940	2 342	205,0	8,8	180,0	7,7	-	-
1980	4 434	265,0	6,0	280,0	6,3	15,0	5,4
1990	5 263	286,0	5,4	312,0	5,9	26,0	8,3
2004	6 503	143,8	2,2	278,0	4,3	134,2	48,3
2010	7 021	142,9	2,0	259,8	3,7	116,9	45,0
2015	7 470	147,2	2,0	258,3	3,5	111,1	43,0
2025	8 230	146,0	1,8	255,4	3,1	109,4	42,8
2050	9 664	136,1	1,4	216,6	2,2	80,5	37,2

Источник: рассчитано автором на основе данных из [4, с. 8]; справочника по языкам мира SIL Ethnologue; данных Росстата; прогнозов численности населения мира и России к 2050 г., разработанных ООН

Согласно известному справочнику по языкам мира SIL Ethnologue⁴, в 2024 г. русский язык оказался среди десяти наиболее распространенных языков, заняв 9-е место с 255,4 млн носителей. На первом месте находится английский язык (1,52 млрд человек, из которых только 380 млн человек являются носителями), на втором – китайский (1,14 млрд человек), на третьем – хинди (608,8 млн человек). Далее

⁴ Наиболее известный справочник по языкам мира, разрабатываемый и выпускаемый организацией SIL International (панее известной как Summer Institute of Linguistics) в электронном виде: Languages of the World // Ethnologue : [site]. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 01.12.2024).

следуют испанский (559,5 млн), арабский (332,5 млн), французский (311,6 млн), бенгальский (278,2 млн), португальский (263,8 млн), а замыкает десятку урду (237,9 млн). Таким образом, можно заключить, что с 2010 по 2024 гг. число людей, владеющих русским языком, сократилось на 4,4 млн, снизившись с 259,8 до 255,4 млн человек. По прогнозам, к 2050 г. ожидается дальнейшее сокращение русскоязычного населения.

Ввиду изложенного выше доля русскоязычного населения за пределами России увеличилась в начале 21 века, достигнув 134,2 млн в 2004 г., что составило 48,3% от общего числа людей, владеющих русским языком. К 2050 г. эта цифра может сократиться до 80,5 млн человек, что соответствует 37,2%. В результате доля русскоязычных в мировом населении может уменьшиться до 2,2% к 2050 г., в то время как максимальное значение наблюдалось в 1914 г. и составляло 7,9%. Итак, данные указывают на тенденцию к сокращению русскоязычного населения как в России, так и за ее пределами, что может быть связано с миграцией и языковой ассимиляцией.

Статистические показатели 2001 г. подтверждают, что миграция из ближнего зарубежья в значительной степени формируется за счет российских соотечественников. Среди них выделяются русские и представители других этнических групп из России. В таблице 2 представлены оценки численности русских и иных российских этнических групп, включая немцев, евреев и корейцев, которые проживали на территории СНГ и Балтии. Они основываются на данных переписей населения и заключениях экспертов.

Так, в таблице 2 можно увидеть, что доля потенциальных мигрантов из государств ближнего зарубежья в Россию значительно варьируется в зависимости от страны проживания. Например, в Беларуси и Украине этот показатель составляет всего 4–5% среди русских и представителей других российских этносов. В то же время в Таджикистане данный показатель достигает почти 50%. Такие различия могут быть обусловлены множеством факторов, включая социально-экономические, социально-политические и культурные. Что подчеркивает важность учета контекста каждой конкретной страны при анализе миграционных потоков и возможного миграционного потенциала.

Таблица 2

Оценка миграционного потенциала русских и других российских этнических групп в странах СНГ и Балтии

Table 2

Assessment of the migration potential of Russians and other Russian ethnic groups in the CIS and Baltic countries

Страна проживания	Численность российских этнических групп 2000 (1999) (тыс. человек)		Доля потенциальных эмигрантов (%)		Численность российских этнических групп – потенциальных иммигрантов в Россию (тыс. человек)		
	Русские	Другие российские этносы	Русские	Другие российские этносы	Русские	Другие российские этносы	Всего
Украина	10 800	350	5	5	540	18	558
Беларусь	1 142	68	4	4	46	3	48
Молдавия	501	30	12	12	60	4	64
Закавказье	290	334			58	27	85
Армения	8	1	20	20	2	0	2

Продолжение таблицы 2

Страна проживания	Численность российских этнических групп 2000 (1999) (тыс. человек)		Доля потенциальных эмигрантов (%)		Численность российских этнических групп – потенциальных иммигрантов в Россию (тыс. человек)		
	Русские	Другие российские этносы	Русские	Другие российские этносы	Русские	Другие российские этносы	Всего
Азербайджан	142	303	20	7	28	21	50
Грузия	140	30	20	20	28	6	34
Казахстан	4 480	750	38	24	1 702	180	1 882
Средняя Азия	2 061	627	-	-	615	133	748
Киргизия	603	77	34	31	205	24	229
Таджикистан	68	25	46	46	31	12	43
Туркменистан	240	55	38	40	91	22	113
Узбекистан	1 150	470	25	16	288	75	363
Страны Балтии	1 340	55			101	5	107
Латвия	700	30	8	10	56	3	59
Литва	290	10	6	8	17	1	18
Эстония	350	15	8	10	28	2	34
Итого	20 614	2 214	-	-	3 123	369	3 492

Источник: [11], материалы СМИ⁵

В то же время В. И. Мукомель в своем исследовании акцентирует внимание на том, что численность – лишь один из факторов, формирующих миграционный потенциал государства [11, с. 135]. Более того, он подчеркивает важность миграционных установок, оказывающих влияние на принятие решения о выезде из страны проживания. Подобные установки, в свою очередь, зависят от социально-политической и экономической ситуации как в России, так и в других странах. В таком контексте важным фактором является возраст мигрантов – исследования указывают на малоподвижность пожилых людей. Как правило, чем старше человек, тем больше он «закрепляется» на определенном месте жительства и намеревается прожить там всю жизнь.

Источником оценки миграционных намерений (миграционных установок) выступают выборочные социологические обследования. Поэтому представленные в таблице 2 показатели могут считаться максимально возможными оценками численности мигрантов, поскольку готовность к переезду еще не означает сам переезд. Согласно результатам исследования, миграционный потенциал русских, проживающих в ближнем зарубежье, составлял около 3,1 млн человек, по данным 2001 г. Соответственно, подобная оценка могла быть завышена и не отражать объективную действительность. Искажения в цифрах могут быть обусловлены и стремительно меняющейся социальной и политической ситуацией в стране, а также адаптацией и выездом некоторых потенциальных мигрантов. Можно с уверенностью сказать, что реальные данные социологических опросов значительно отличаются от цифры в 20 млн человек, которая часто озвучивается в СМИ и политическими деятелями, поскольку происходит смешение понятий: оценки потенциала и численности этнических русских, проживающих за рубежом. Кроме того, эти оценки сопоставимы с результатами исследований Ж. А. Зайончковской, которая в 1999 г. оценила

⁵ Тульский, М. Истинное лицо демографической катастрофы // Независимая газета : [сайт]. URL: https://www.ng.ru/cis/2001-07-19/5_true_face.html (дата обращения: 01.12.2024).

миграционный потенциал в 4 млн человек, из которых от 3 до 3,5 млн были отнесены к России [8, с. 40–41].

Определение миграционного потенциала усложняет исследование миграционных процессов, поскольку подразумевает, что потенциал формируется вне страны назначения и представляет собой сложную аддитивную величину, не зависящую от принимающей стороны [17, с. 17]. Поэтому важно сосредоточиться на показателе миграционного потенциала государства, который отражает как количественный, так и качественный состав населения. Этот показатель должен учитывать уровень жизни граждан, который влияет на их миграционную активность.

Демографические показатели, как правило, представляют собой внутреннюю проблему государства, за исключением случаев экстренных ситуаций, таких как гуманитарные или природные катастрофы. Власти, которые заботятся о будущем и стратегическом развитии в контексте преодоления демографического кризиса, должны создавать условия, способствующие сохранению и увеличению численности населения, а также привлечению мигрантов – неотъемлемой составляющей роста населения в 21 веке. Следует подчеркнуть, что такие аспекты миграционного потенциала, как активность мигрантов, их ожидания и демографические характеристики, должны рассматриваться как взаимосвязанные компоненты единого миграционного процесса. Для эффективного государственного управления необходимо применять комплексный подход, объединяющий как качественный, так и количественный анализ условий, способствующих перемещениям населения.

На основе исследований можно сделать вывод о том, что значительная доля миграционного потенциала русских сосредоточена в Казахстане, а кроме того, в странах Средней Азии и на Украине. В проведенном в 1999 г. исследовании Ж. А. Зайончковская указывала на то, что реальный миграционный потенциал русских в Казахстане составлял около 2 млн человек, тогда как для Средней Азии эта цифра приближалась к 1,5 млн. Е. Ю. Садовская, в свою очередь, оценивала число русскоязычного населения, готового к миграции из Казахстана, на уровне около 1,5 млн человек [18, с. 132].

При анализе миграционного потенциала, имеющего большое значение для России, важно отметить, что разногласия в данной области возникли еще с момента распада СССР и продолжают до сих пор. В то же время Ж. А. Зайончковская высказывала мнение, что Россия должна оставаться «общим прибежищем для всех народов бывшего СССР, как бы трудно ей самой это ни было» [19, с. 26–27]. Одновременно она прогнозировала, что миграция из ряда постсоветских стран не сможет решить проблему перенаселенности, что в конечном итоге приведет к отъезду коренных народов из этих государств. Данный вопрос остается актуальным и в настоящее время, особенно в контексте использования миграционного потенциала стран постсоветского пространства применительно к России.

Согласно последним доступным сведениям, численность этнических русских, проживающих в странах СНГ и Балтии, составляет около 14,8 млн человек (табл. 3). С 2000 г. данная цифра уменьшилась на 5,8 млн человек. Если учесть долю потенциальных мигрантов, которая наблюдалась в начале 21 века и в среднем составляла 15% по всем странам ближнего зарубежья, то миграционный потенциал этих стран сей-

час можно оценить примерно в 2,2 млн человек. Для более точного анализа миграционных установок требуется проведение дополнительных обследований населения.

Таблица 3

**Численность этнических русских в странах СНГ и Балтии
по последним доступным данным (тыс. человек)**

Table 3

**Number of ethnic Russians in the CIS and Baltic countries
based on the latest available data (thousand people)**

Страна проживания	Численность этнических русских (тыс. человек)	Год, на который доступны данные
Украина	8 334,0	2001
Казахстан	3 512,9	2020
Узбекистан	720,3	2021
Беларусь	707,0	2019
Латвия	437,6	2024
Эстония	296,3	2024
Кыргызстан	275,0	2024
Туркменистан	114,4	2022
Литва	144,3	2024
Молдова	75,3	2024
Азербайджан	71,0	2019
Таджикистан	29,0	2020
Грузия	26,6	2014
Армения	14,1	2022
Итого	14 757,8	-

Источник: данные национальных статистических служб стран СНГ и Балтии. Страны представлены в порядке убывания численности этнических русских

Подметим, что в настоящее время происходят изменения в структуре миграционного потенциала: на фоне снижения миграционных возможностей российских этнических групп, проживающих в государствах ближнего зарубежья, наблюдается увеличение миграции коренных народов из стран СНГ. Важно также отметить, что ситуация осложняется тем, что молодежь из стран ближнего зарубежья все чаще отдает предпочтение английскому языку, а не русскому. Это изменение языковых предпочтений может негативно сказаться на сохранении культурной идентичности и связей с исторической родиной, что, в свою очередь, влияет на миграционный потенциал русскоязычного населения. Стало быть, будущее русскоязычного населения требует дальнейшего изучения в контексте демографических изменений.

Новые подходы к оценке миграционного потенциала Российской Федерации за рубежом

Традиционные методы оценки миграционного потенциала, основанные на данных переписей населения и выборочных социологических обследованиях, имеют ряд ограничений. Они часто устаревают к моменту публикации, не учитывают динамику миграционных процессов и не позволяют оперативно реагировать

на изменения в геополитической и социально-экономической ситуации. В условиях цифровизации возникает необходимость в использовании новых подходов, которые позволяют получать актуальные сведения.

Одним из перспективных направлений является использование альтернативных источников данных, таких как электронные социальные сети (VK, Facebook и др.), поисковые системы (Яндекс, Google и др.) и платформы электронной торговли (например, Amazon, eBay и др.). Эти источники позволяют отслеживать активность русскоязычного населения за рубежом, анализировать их интересы, миграционные намерения и уровень интеграции в местные сообщества. К примеру, анализ запросов в поисковых системах может выявить интерес к программам репатриации или трудоустройства в России, а данные из социальных сетей – оценить уровень сохранения культурной и языковой идентичности.

Современные методы анализа больших данных, такие как машинное обучение, обработка естественного языка (нейролингвистическое программирование, NLP) и сетевой анализ, открывают новые возможности для оценки миграционного потенциала. Так, методы машинного обучения могут быть использованы для прогнозирования миграционных потоков на основе текущих трендов поисковых запросов. NLP позволяет изучать миграционные установки и мотивацию потенциальных мигрантов через анализ постов, комментариев и обсуждений в социальных сетях. Сетевой анализ помогает выявить ключевые узлы и связи в миграционных сетях, что может быть полезно для разработки целевых программ по привлечению мигрантов.

В качестве примера можно привести исследование 2022 г., которое основывалось на миграционной статистике Росстата и данных поисковых систем Google и Яндекс [20]. В этом исследовании была проверена гипотеза о взаимосвязи между поисковыми запросами, поступающими от жителей Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, и последующими миграционными потоками в Россию. Регрессионный анализ показал наличие умеренной зависимости динамики миграционных потоков от изменений в количестве предшествующих запросов. Другой пример – использование библиометрических данных Scopus для оценки масштабов академической миграции в Россию и из России [21; 22, с. 223]. Новый подход предоставил исследователям шанс не только впервые сделать научно обоснованную количественную оценку масштабов академической диаспоры, связанной с Россией, но и провести качественный анализ миграционных потоков.

Современные методы обладают рядом значительных преимуществ. Они позволяют работать с актуальными данными практически в режиме реального времени, что особенно важно в условиях быстро меняющейся геополитической и социально-экономической ситуации. Широкий охват и гибкость таких методов дают возможность анализировать как общие миграционные тренды, так и узкие группы населения. Кроме того, использование больших данных и методов машинного обучения позволяет не только описывать текущую ситуацию, но и прогнозировать будущие миграционные потоки.

Однако новые методы оценки миграционного потенциала имеют и свои ограничения. Одной из ключевых проблем являются неполнота и нерепрезентатив-

ность данных. Кроме того, доступ к данным часто ограничен из-за политики платформ, что затрудняет их использование. Этические и правовые вопросы, связанные с конфиденциальностью и защитой персональных данных, также накладывают существенные ограничения на их использование. Наконец, работа с большими данными требует специальных навыков и инструментов, что может быть барьером для исследователей.

Для эффективного использования новых подходов к оценке миграционного потенциала надлежит считаться с перечисленными выше ограничениями и сочетать их с традиционными подходами.

Дискуссия (заключение)

Исходной точкой для анализа миграционного потенциала является численность населения, но следует признать, что не все население может быть отнесено к нему. Здесь важно учитывать геополитические границы. Каждая страна обладает миграционным потенциалом в отношении исторически связанных государств. Для России миграционный потенциал сосредоточен в бывших союзных республиках, где русский язык распространен достаточно широко.

Во времена Советского Союза происходило расселение народов, что способствовало культурному обмену и миграционным процессам. После распада СССР миграционные потоки изменились. В 1989 г. в странах нового зарубежья проживали 138,7 млн человек, и с тех пор это число выросло. Одновременно происходил миграционный отток в Россию, в результате население страны увеличилось. Вместе с тем в будущем миграционная отдача может уменьшиться. Таким образом, миграционный потенциал России в зарубежных странах сохраняется, но его реальная величина зависит от изменений в населении и миграционных настроениях.

В начале XXI века основным и по факту единственным источником для оценки миграционных установок служили выборочные социологические обследования. Тем не менее проводимые в различных государствах независимые исследования не всегда давали сопоставимые результаты. Разнообразные способы и методы сбора данных часто приводят к искажению реального представления о том, насколько респонденты готовы к переезду и какие у них истинные мотивы. В таком контексте полезно учесть мнение известного ученого В. И. Переведенцева, который утверждал, что проективные вопросы, используемые в социологических обследованиях, создают нечеткую картину [23].

В заключение также следует отметить, что существующие статистические данные, касающиеся миграционного потенциала русскоязычного населения за рубежом, значительно устарели и не отражают реалий современного мира. Данные, собранные в начале 2000-х гг., не учитывают изменений, произошедших в социально-экономической ситуации, политической обстановке и других сферах, которые существенно влияют на направления и интенсивность миграционных процессов. Например, на фоне политических потрясений в 2022 г. Россию покинули,

по разным оценкам, до 1 млн человек⁶. Исследователям еще только предстоит определить долю возвратных мигрантов и выяснить, какие условия могут побудить этих людей вернуться в Россию. Устаревшая информация затрудняет точное понимание текущих тенденций и динамики миграции, что опять же может привести к неправильным выводам и неэффективным решениям в области миграционной политики.

В связи с чем необходимы актуализация информации и организация новых исследований, позволяющие получить более полное и точное представление о миграционном потенциале русскоязычного населения. Причем следует проводить не только количественные, но и качественные исследования, которые помогут глубже понять мотивацию мигрантов, их потребности и ожидания. Также важно изучать мнения и опыт самих мигрантов, чтобы сформировать более объективную картину.

Для этого необходимо использовать большие данные и инновационные специализированные методы для их обработки и анализа. Альтернативные источники информации, такие как электронные социальные сети, поисковые системы, площадки электронной торговли и пр., становятся все более популярными среди исследователей. Они могут использоваться и для оценки численности и активности русскоязычного населения за рубежом, изучения интереса к русскоязычным ресурсам, уровня интеграции в местные сообщества и концентрации русскоязычных потребителей в различных регионах.

Важно, чтобы результаты подобных исследований становились основой для разработки эффективных стратегий и программ, направленных на поддержку русскоязычного населения за границей и оптимизацию миграционной политики Российской Федерации. Только так можно будет адекватно реагировать на вызовы, стоящие перед русскоязычным сообществом за рубежом, обеспечить его интеграцию в социально-экономическую жизнь страны, усилить миграционный потенциал государства.

Список литературы

1. Рязанцев, С. В. Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, Г. Н. Очирова // Вестник МГИМО. 2021. Т. 14. № 5. С. 81–100. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100). EDN [HBMSTR](#).
2. Рязанцев, С. В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 84–94. EDN [XGVSIN](#).
3. Рязанцев, С. В. Подходы к идентификации и оценке численности русскоговорящих сообществ за рубежом / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, А. С. Лукьянец // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 6. С. 3–12. EDN [XIFXCN](#).
4. Арефьев, А. Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Слово.ру: Балтийский акцент. 2015. № 4. С. 7–21. EDN [XHWPPR](#).
5. Арефьев, А. Л. Русский язык в мире: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 847. № 10. С. 31–38. DOI [10.7868/S086958731410003X](https://doi.org/10.7868/S086958731410003X). EDN [SNWWFJ](#).
6. Герасимова, В. А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 904–922. EDN [YUDJAL](#).

⁶ The Economist: Россия испытала крупнейшую политическую эмиграцию за 100 лет // RTVI. 24 августа 2023 года. URL: <https://rtvi.com/news/the-economist-rossiya-ispytala-krupnejshuyu-politicheskuyu-emigraciyu-za-100-let/> (дата обращения: 05.02.2025).

7. Тертри, Д. Русский вопрос в постсоветский период // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 43–56. DOI [10.21638/11701/spbu02.2017.104](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104). EDN [ZCANDV](#).
8. Зайончковская, Ж. А. Россия: миграция в разном масштабе времени. Москва : Адамантъ, 1999. 68 с. EDN [WJHHVD](#).
9. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 24–34. EDN [NQXUFH](#).
10. Денисенко, М. Б. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России. 2003. Т. 12. № 3. С. 157–169. EDN [GNDBDZ](#).
11. Мукомель, В. И. Кто придет в Россию из «нового зарубежья»? // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 3. С. 130–146. EDN [BIIZVD](#).
12. Гришанова, А. Г. Миграционный потенциал: теоретические аспекты / А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. 2016. Т. 1 (71). № 1. 2016. С. 42–51. EDN [VWEUGB](#).
13. Гришанова, А. Г. Миграционный потенциал России в новом зарубежье / А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова, Л. Л. Рыбаковский. Москва : Экон-Информ, 2016. 183 с. ISBN 978-5-9908933-4-4.
14. Ионцев, В. А. Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) / В. А. Ионцев, А. А. Субботин // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 4–18. DOI [10.5922/2079-8555-2018-3-1](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-1). EDN [YAABZZ](#).
15. Миграционные процессы в России / [О. Д. Воробьева и др.]; под ред. В. В. Локосова, Л. Л. Рыбаковского. Москва : Экон-информ, 2014. 383 с. ISBN 978-5-9506-1115-5.
16. Горячева, М. А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов // Социолингвистика. 2023. Т. 1. № 13. С. 30–48. DOI [10.37892/2713-2951-1-13-30-48](https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-30-48). EDN [QEANKO](#).
17. Зубарев, Ю. А. К вопросу об оценке миграционного потенциала народонаселения // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 15–21. EDN [PVPKXP](#).
18. Миграционная ситуация в странах СНГ / под ред. Ж. А. Зайончковской ; Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Москва : Комплекс-Прогресс, 1999. 286 с. ISBN 5-89342-013-6.
19. Баженова, Е. С. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы / Е. С. Баженова, А. В. Островский // Миграция и развитие : материалы международной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора Д.И. Валентея и 40-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 13–15 сентября 2015 года. Москва : Издательство Московского государственного университета, 2007. С. 345–355. EDN [HLASOU](#).
20. Цапенко, И. П. Статистика онлайн-запросов в наукастинге миграции / И. П. Цапенко, М. А. Юревич // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 74–89. DOI [10.15838/esc.2022.1.79.4](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.4). EDN [WJNMCN](#).
21. Субботин, А. А. Международная интеллектуальная миграция в России: вызовы и перспективы. Москва : Издательство «Знание-М», 2024. 272 с. ISBN 978-5-00187-744-8. DOI [10.38006/00187-744-8.2024.1.272](https://doi.org/10.38006/00187-744-8.2024.1.272). EDN [FKHPWU](#).
22. Воробьева, О. Д. Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом / О. Д. Воробьева, А. А. Субботин, С. Н. Мишук // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 219–231. DOI [10.15838/esc.2024.5.95.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12). EDN [WWMEMM](#).
23. Переведенцев, В. И. Современная миграция населения России в освещении центральных газет // Миграция и информация / под ред. Ж. А. Зайончковской ; Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, Независимый исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии. Москва, 2000. С. 32–64.

Сведения об авторе

Субботин Александр Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); РИНЦ SPIN-код: [1124-8020](https://elibrary.ru/1124-8020); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://orcid.org/AAG-6149-2021); Scopus Author ID: [57204652931](https://orcid.org/57204652931).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № [24-28-01328](#) «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов».

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; принята в печать 13.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

APPROACHES TO ASSESSING RUSSIA'S MIGRATION POTENTIAL

Alexander A. Subbotin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

For citation: Subbotin, A. A. Approaches to Assessing Russia's Migration Potential. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 176–192. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.11](#).

Abstract. The article is devoted to the analysis of migration potential of Russia abroad, considering its relevance in the context of global changes and demographic crisis in the country. The study is based on population census data, expert estimates, and own calculations. The research methodology contains a study of the theoretical foundations of the topic and an analysis of the estimates of migration potential presented in the scientific literature, including an assessment of their actuality and applicability. The historical dynamics of the spread of the Russian language, its role in the formation of Russian-speaking communities abroad, and the possibilities of using migration potential to strengthen international relations and solve demographic problems in Russia are explored. Based on the results of the work, it is concluded that the existing studies on migration potential are significantly outdated and require updating. It is noted that the factors of migration potential are the population number and migration attitudes that influence the decision to leave the country of residence. Previously, to study the latter aspects, it was necessary to conduct sociological surveys, which significantly limited the availability and comparability of the obtained results. Currently, it is possible to use alternative sources of information, such as electronic social networks, search engines, etc. The conclusion of the paper highlights the need to update data on migration potential using alternative data. The scientific contribution of the article is to interpret the importance of creating a comprehensive assessment of migration potential, which can guide government agencies to effectively use resources to work with the Russian-speaking population outside the country. The results of the study can be applied in the field of migration policy.

Keywords: migration potential, Russian-speaking population, Russian diaspora, repatriation, migration policy

References

1. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Ochirova, G. N. Russian-Speaking Population in Far-abroad Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 81–100. DOI [10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100](#). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V. Russian Diaspora Abroad or Russian Speaking Communities? *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2016. No. 12. Pp. 84–94. (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Lukyanets, A. S. Approaches to the Identification and Evaluation of Number Russian-Speaking Communities Abroad. *Scientific Review. Series 2. Human sciences*. 2016. No. 6. Pp. 3–12. (In Russ.).
4. Arefyev, A. L. The Russian Language in the World: The Past, Present, and Future. *Slovo.ru: Baltic accent*. 2015. No. 4. Pp. 7–21. (In Russ.).
5. Arefyev, A. L. The Russian Language in the World: Past, Present, and Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 847, No. 10. Pp. 31–38. DOI [10.7868/S086958731410003X](#). (In Russ.).
6. Gerasimova, V. A. Rossiyskiye sootcheststvenniki za rubezhom [Russian compatriots abroad]. *Post-Soviet Studies*. 2019. Vol. 2, No. 1. Pp. 904–922. (In Russ.).

7. Teurtrie, D. The Russian Question in the Post-Soviet Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. Vol. 62, No. 1. Pp. 43–56. DOI [10.21638/11701/spbu02.2017.104](https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104). (In Russ.).
8. Zayonchkovskaya, Zh. A. *Rossiya: migratsiya v raznom masshtabe vremeni [Russia: migration on different time scales]*. Moscow : Adamant Publishing Hous, 1999. 68 p. (In Russ.).
9. Rybakovsky, L. L. Migratsionnyy potentsial: kriterii otsenki i sovremennyye masshtaby [Migration potential: criteria of assessment and present-day size]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2011. No. 4. Pp. 24–34. (In Russ.).
10. Denisenko, M. B. Emigratsiya iz Rossii po dannym zarubezhnoy statistiki [Emigration from Russia according to foreign statistics]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2003. Vol. 12, No. 3. Pp. 157–169. (In Russ.).
11. Mukomel, V. I. Kto priyedet v Rossiyu iz «novogo zarubezh'ya»? [Who will come to Russia from the “new abroad”?] *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2003. Vol. 12, No. 3. Pp. 130–146. (In Russ.).
12. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I. Migration Potential: Theoretical Aspects. *Population*. 2016. Vol. 1 (71), No. 1. 2016. Pp. 42–51. (In Russ.).
13. Grishanova, A. G., Kozhevnikova, N. I., Rybakovsky, L. L. *Migratsionnyy potentsial Rossii v novom zarubezh'ye [Migration potential of Russia in the new abroad]*. Moscow: Econ-Inform, 2016. 183 p. ISBN 978-5-9908933-4-4. (In Russ.).
14. Iontsev, V. A., Subbotin, A. A. Current Scenarios for the Demographic Future of the World: The Cases of Russia and Germany . *Baltic Region*. 2018. Vol. 10, No. 3. Pp. 4–18. DOI [10.5922/2079-8555-2018-3-1](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-1). (In Russ.).
15. Vorobyova, O. D. et al. *Migratsionnyye protsessy v Rossii [Migration processes in Russia]*. Ed. by V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky. Moscow : Ekon-Inform Publishing House, 2014. 383 p. ISBN 978-5-9506-1115-5. (In Russ.).
16. Goryacheva, M. A. Dynamics of Russian Language Proficiency in the Russian Federation based on Data of the 1989-2020 Population Censuses. *Sociolinguistics*. 2023. Vol. 1, No. 13. Pp. 30–48. DOI [10.37892/2713-2951-1-13-30-48](https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-30-48). (In Russ.).
17. Zubarev, Yu. A. Estimation Problems of the Migratory Potential of the Population. *RUDN Journal of Political Science*. 2013. No. 1. Pp. 15–21. (In Russ.).
18. *Migratsionnaya situatsiya v stranakh SNG [Migration situation in the CIS countries]*. Ed. by Zh. A. Zayonchkovskaya ; Center for the Study of Problems of Forced Migration in the CIS countries. Independent Research Council on Migration of the CIS and Baltic Countries. Moscow : Complex-Progress Publishing House, 1999. 286 p. ISBN 5-89342-013-6. (In Russ.).
19. Bazhenova, E. S., Ostrovsky, A. V. Potentsial kitayskoy migratsii v Rossiyu: otsenki i perspektivy [Potential of Chinese Migration to Russia: Assessments and Prospects]. *Migratsiya i razvitiye [Migration and development]* : Proceedings of the International Conference dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of Professor D. I. Valentey and the 40th Anniversary of the Founding of the Department of Population at Lomonosov Moscow State University, Moscow, September 13–15, 2015. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2007. Pp. 345–355. (In Russ.).
20. Tsapenko, I. P., Yurevich M. A. Nowcasting Migration Using Statistics of Online Queries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 74–89. DOI [10.15838/esc.2022.1.79.4](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.4). (In Russ.).
21. Subbotin, A. A. *Mezhdunarodnaya intellektual'naya migratsiya v Rossii: vyzovy i perspektivy [International intellectual migration in Russia: challenges and prospects]*. Moscow : Znanie-M Publishing House, 2024. 272 p. ISBN 978-5-00187-744-8. DOI [10.38006/00187-744-8.2024.1.272](https://doi.org/10.38006/00187-744-8.2024.1.272). (In Russ.).
22. Vorobieva, O. D., Subbotin, A. A., Mishchuk, S. N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 5. Pp. 219–231. DOI [10.15838/esc.2024.5.95.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.12). (In Russ.).
23. Perevendentsev, V. I. Sovremennaya migratsiya naseleniya Rossii v osveshchenii tsentral'nykh gazet [Modern migration of the population of Russia as covered by central newspapers]. *Migratsiya i informatsiya [Migration and information]*. Ed. by Zh. A. Zayonchkovskaya ; Center for the Study of Problems of Forced Migration in the CIS, Independent Research Council on Migration of the CIS and Baltic Countries. Moscow, 2000. Pp. 32–64. (In Russ.).

Bio note

Alexander A. Subbotin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Contact information: e-mail: aasubbotin@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0001-5016-0473](https://orcid.org/0000-0001-5016-0473); RSCI SPIN code: [1124-8020](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57204652931); Web of Science Researcher ID: [AAG-6149-2021](https://www.researcherid.org/rid/AAG-6149-2021); Scopus Author ID: [57204652931](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57204652931).

Acknowledgment and financing

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), research project No. [24-28-01328](https://www.rsf.ru/project/24-28-01328) "Russia's repatriation potential in foreign countries: assessing the scale".

Received on 09.12.2024; accepted for publication on 13.02.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12)EDN [BVUZTU](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12)

МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В КЫРГЫЗСТАН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Козин С. В.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Жидяева Т. П.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,

Алатырский филиал, Алатырь, Россия

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Закиева Р. Р.

Казанский государственный энергетический университет;

Институт цифровых технологий и экономики, Казань, Россия

E-mail: rafina@bk.ru

Для цитирования: Козин, С. В. Миграция из России в Кыргызстан: опыт социологического исследования / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 1. С. 193–201. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12) EDN [BVUZTU](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ключевых положений и идей коллективной монографии «Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты», выход которой стал весьма своевременным, т. к. миграция – это явление, которое в глобальном масштабе с каждым годом становится все более актуальным. В условиях глобализации и политических изменений миграционная политика остается предметом активного обсуждения, как в академической среде, так и в средствах массовой информации. В свою очередь, эти дебаты зачастую охватывают широкий спектр вопросов – от прав мигрантов до экономических последствий миграции. В рецензируемой нами коллективной монографической работе используется большой массив экспресс-опросов и интервью с трудовыми мигрантами в 2022–2023 гг. Данные исследования были осуществлены в ходе выполнения научного проекта «Возвратная миграция и эмиграция из России в Кыргызстан» (руководитель – Г. И. Осадчая). В монографии дается ряд важных вводных положений, которые задают, прежде всего, общую направленность самой работе. Авторы монографии анализируют теории возвратной миграции и теории эмиграции. Особое внимание уделяют роли социального капитала, взаимодействию с принимающим населением и той реальной повседневностью, в которую попадают российские эмигранты в Кыргызстане. В частности, ими было установлено, что подавляющее число информантов, находясь в Кыргызской Республике, поддерживают стабильные контакты со своими друзьями и родственниками в России. Они используют всевозможные источники информации, такие как Telegram-каналы, социальные сети, YouTube, Twitter или зарубежные СМИ. Согласно результатам социологических исследований, коллектив авторов утверждает, что эмиграцию россиян в Кыргызстан отличают быстрота, спонтанность и легкость въезда. Это связано с тем, что Кыргызская Республика не требует виз для граждан Российской Федерации по причине близких культурных и экономических связей между двумя странами, а также ввиду наличия знакомых или друзей и народной любви к городу Бишкек. Среди эмигрантов преобладают мужчины в возрасте от 18 до 42 лет, что истолковывается желанием избежать

участия в военном конфликте с Украиной. Далее было установлено, что возвратная миграция из России в Кыргызстан несет в себе добровольный и стихийный характер. От Российской Федерации трудовые мигранты перво-наперво ждут институциональной поддержки, которая выражается в основном в оформлении регистрационных документов, обеспечении социального страхования, создании благоприятных условий для их полноценной адаптации и раскрытия себя как личности. Выход в свет рассматриваемой научной монографии дает массу различных интересных суждений для дальнейшей рефлексии и продолжения работы в данном ключе. Стоит добавить, что целевой аудиторией подобного произведения являются в первую очередь студенты, магистранты, аспиранты, представители науки и специалисты, исследующие теорию и социологию миграции. Иными словами, рецензируемая монография будет полезна для специалистов в области социологии, экономики и политологии, а также для всех, кто интересуется вопросами эмиграции и миграционных процессов.

Ключевые слова: демографическая политика, демографические и социологические аспекты, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Кыргызстан, миграция, Россия, социально-экономические проблемы

В октябре 2023 г. в издательстве «Экон-Информ» вышла в свет монография «Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты» [1]. Коллектив авторов составили исследователи преимущественно социологического (7 человек) и экономического профиля (4 человека): Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Варганова, О. А. Волкова, Е. Ю. Киреев, А. А. Кочербаева, Н. А. Омуралиев, А. Н. Оставная, М. В. Рославцева, А. А. Саякбаева, Т. Н. Юдина. Структура рецензируемой работы следующая: введение, девять глав, заключение, список литературы (насчитывает 241 произведение), сведения об авторах.

Отойдя ненадолго от рассматриваемой нами монографии, стоит упомянуть о том, что на страницах журнала «ДЕМИС. Демографические исследования» в последнее время налицо явный интерес к данной проблематике, причем, как видно из научных статей, аспектов (направлений исследования) здесь существует великое множество [2–5].

В главе 1 «Особенности изучения возвратной миграции и эмиграции из России в Кыргызстан» авторы отмечают, что в России (да и в мире в целом) ученые все чаще фиксируют факт того, что исследование «возвратной миграции и эмиграции носит междисциплинарный характер...» [1, с. 15]. В монографии немалое внимание уделяется явлению «цифровых кочевников», которое стало наиболее актуальным в постковидный период.

Исследователей все больше интересуют проблемы смысла миграции и эмиграции. Подробнейшим образом авторы рецензируемой монографии рассматривают теорию возвратной миграции и теорию эмиграции. Предпринимают анализ теоретических подходов к изучению проблем возвратной миграции и эмиграции. Дают аргументацию методологии, методики исследования миграции из России в Кыргызстан. В частности, раскрывают цели и особенности статистики, работы с документами, анкетного опроса и интервью с трудовыми мигрантами, проведенными в 2022–2023 гг. И сразу указывают на то, что ввиду специфики исследуемой темы никакой острой необходимости проводить анализ всех имеющихся научных работ, посвященных эмиграции, нет, поскольку рецензируемая книга «посвящена специфическому полю новой эмиграции из России и возвратной миграции в Кыргызстан» [1, с. 27].

Монография имеет научную и практическую значимость, так как позволяет глубже понять динамику миграционных процессов и их влияние на социальную сферу Кыргызской Республики. Результаты работы могут быть использованы

для разработки более эффективных политик и программ, направленных на интеграцию возвращающихся мигрантов и поддержку их адаптации в родной стране.

Методология исследования включает классификацию статистических данных, компаративный, ретроспективный и описательный методы. Что позволило авторскому коллективу выделить ключевые факторы возвратной миграции и оценить их влияние на общественные процессы в государстве. В блоке «Теории возвратной миграции» представлен комплексный анализ существующих подходов к изучению возвратной миграции, основанный на теоретических разработках Жана-Пьера Кассарино. Авторы разбирают три основных подхода: неоклассический экономический, структурный и транснациональный.

Неоклассический экономический подход акцентирует внимание на экономических стимулах и выгодах для мигрантов, таких как поиск работы, улучшение условий жизни и повышение уровня образования. Структурный подход изучает влияние социальных, культурных и политических факторов на миграционные процессы, а также роль государства в регулировании миграции. Транснациональный подход сосредоточивает внимание на роли сетей и связей между мигрантами и их родными странами, на влиянии таких связей на миграционные решения. Авторы анализируют преимущества и недостатки каждого из подходов, предлагают свою интерпретацию возвратной миграции, основанную на синтезе всех трех концепций. Они утверждают, что возвратная миграция является сложным явлением, которое зависит от множества факторов и может быть объяснено только при комплексном изучении всех аспектов миграционного процесса.

Блок «Теории эмиграции» представляет собой исследование процесса эмиграции граждан по экономическим, политическим и личным обстоятельствам. Авторы рассматривают различные определения эмиграции, начиная с толкования В. Даля и заканчивая современными определениями; исторические аспекты эмиграции, такие как переселение, выход на чужбину и длительное пребывание за границей; различные точки зрения на эмиграцию, включая экономические, политические и личные обстоятельства.

В целом первая глава вносит ценный вклад в изучение возвратной миграции и предлагает новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

В главе 2 «Демографическая ситуация в Кыргызстане: оценка перспектив развития и возвратной мобильности мигрантов» авторским коллективом проведен скрупулезный анализ основных маркеров демографической обстановки в Кыргызстане за период 1950–2022 гг.: численность населения, размещение, половозрастная структура, рождаемость, смертность населения, брачность и разводимость.

Авторы анализируют данные Министерства цифрового развития Кыргызской Республики о прибытии и убытии населения, информацию о внешней миграции по странам прибытия и выбытия. При этом особое внимание уделяют тенденциям внутривнутриреспубликанской миграции, включая миграцию из сельской местности в город, из региональных городов в крупные города и из экономически слабых регионов в более развитые.

Среди наиболее значимых мер, направленных на улучшение демографической ситуации и возвратной мобильности мигрантов в Кыргызстане, можно выделить следующие: стимулирование экономического роста, создание новых рабочих мест

и повышение доходов граждан; развитие системы здравоохранения, повышение качества медицинских и социальных услуг; проведение профилактических кампаний и информационной работы для снижения риска разводов; обеспечение доступного и качественного образования; учет гендерных и социальных аспектов. Все названные меры вкуче позволят улучшить демографическую ситуацию, повысить уровень жизни населения и снизить миграционные настроения среди граждан.

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, за этот период количество постоянного населения в стране увеличилось на 54,8% и в 2022 г. суммарно составило 6 747 323 человека. Городское население в 2022 г. составило 2 408 183 человека, а сельское – 4 527 973 человек [1, с. 47–48]. Особо подчеркнем, что средняя плотность населения Кыргызстана составляет более 35,2 жителей на 1 кв. км. В то же время имеет смысл сказать о том, что ключевым источником роста численности населения для Кыргызстана является естественный прирост, но исходя из статистических данных, авторы монографии вынуждены признать динамику, направленную на снижение. Среди негативных обстоятельств, мешающих среднегодовому приросту населения, авторы отмечают в частности такие знаковые моменты как 1991 г., когда произошел распад СССР, 2005 г. – в силу политических проблем или так называемой «тюльпановой революции» [1, с. 52].

В 2019 г. был зафиксирован спад среднегодового темпа прироста населения по причине сокращения рождаемости вследствие пандемии COVID-19. Авторы пишут: «...коэффициент смертности населения Кыргызстана в 2020 г. составил 11,0 умерших на 1 тыс. населения, что вероятно выше, чем в среднем по Европе» [1, с. 56]. Далее авторы уделяют внимание распределению мужчин и женщин по возрастным группам, динамике числа браков и разводов в Кыргызской Республике, а кроме того, намечают вектор миграционных потоков и многое др.

В принципе, глава дает представление о сложной демографической ситуации в Кыргызской Республике, связанной с миграцией населения, но также в ней предлагаются возможные пути решения проблем, связанных с возвратной мобильностью мигрантов и устойчивым развитием страны.

В главе 3 «Демографическая политика Кыргызстана» дается характеристика демографической политики, системы государственного и социального управления демографическими процессами, методов, применяемых при реализации мероприятий демографической и миграционной политики Кыргызской Республики.

Глава 4 «Возвратная миграция из России в Кыргызстан: динамика, причины, структура» посвящена оценке (на основе суждений респондентов и информантов) потоков возвратной миграции, структуры, причин и мотивов переезда киргизов в страну исхода, зарождающихся трудностей, трансформирования будничных практик, перспектив вторичной миграции из Кыргызстана в Россию. Одновременно импонирует честность авторского коллектива по отношению к тому, что происходит в Российской Федерации в сфере труда: «Трудовая миграция является объективной необходимостью для России из-за дефицита собственной рабочей силы на фоне демографического кризиса» [1, с. 103]. С этим высказыванием бессмысленно спорить, т. к. Россия уже давно крайне заинтересована в дешевой рабочей силе из других, как правило, близлежащих стран (особенно стран бывшего СССР). Заслуживает внимания то, что приезжающие в нашу страну (трудовые)

мигранты не всегда оказываются востребованными в том или ином регионе. Ввиду подобной ситуации они вынуждены или сменить профиль работы, или уехать в другой регион, город, где не хватает рабочих соответствующих специальностей. Если мигрант не успевает это сделать, то он, как показывает практика, быстро оказывается втянутым в новый класс – прекариат [6, с. 150–151].

Не менее интересной для читателей, по нашему мнению, будет **глава 5 «Реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстане: социально-экономические проблемы»**. В ней дана оценка особенностей реинтеграции возвратных мигрантов из России в Кыргызстан; уточнены такие понятия как «реинтеграция», «устойчивая реинтеграция»; предложены эмпирические показатели устойчивой реинтеграции; названы проблемы, с которыми возвратные мигранты встречаются при реинтеграции [7].

В главе 6 «Социально-экономический потенциал возвратных мигрантов» в условиях евразийской интеграции и на основе авторского подхода характеризуется социально-экономический потенциал мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан.

В главе 7 «Новая повседневность возвратных мигрантов из России в Кыргызстан» рассмотрены теории повседневности, узловые аспекты обыденности возвратных мигрантов и их семей. Авторами представлен большой добротный материал, основанный на интервью, из которых читателю можно почерпнуть много новой информации. Так, например, один респондент посчитал важным ответить следующее: «Наши родственники начали хорошо зарабатывать, работая в Москве, и мы с сестрой приняли решение попробовать поработать вместе с родственниками» (Ж, 29 лет.). Другой участник опроса дал такой ответ: «После замужества муж предложил улететь в Россию ради хорошего заработка. Сына оставили нашим родителям» (Ж, 32 лет.) [1, с. 203]. В ходе интервью был задан вопрос, могут ли информанты ассоциировать себя с двумя странами: Россией и Кыргызстаном. В итоге 31 респондент четко позиционировал себя только как гражданина своей Родины [1, с. 212]. Следует сказать, что представители возрастной группы мигрантов свою идентичность сохраняли, мало перенимая нормы российской культуры, считая себя в первую очередь киргизами.

В главе 8 «Деятельность и потенциал некоммерческих неправительственных организаций по оказанию помощи возвратным мигрантам в Кыргызстане» проанализированы функционирование и потенциал некоммерческих неправительственных организаций, дана оценка нормативно-правовых основ их деятельности; выявлены социальные ожидания трудовых и возвратных мигрантов как информационное основание для формирования направлений функционирования некоммерческих неправительственных организаций; определен ресурсный потенциал этих организаций по оказанию помощи возвратным мигрантам и их семьям в Кыргызстане.

В главе 9 «Новые эмигранты из России в Кыргызстане: причины эмиграции, особенности социальной адаптации и планы на будущее» дан анализ причин эмиграции, особенностей повседневной жизни эмигрантов из Российской Федерации, жизненных стратегий и возвращения в Россию. Всего, согласно данным Росстата, с января по ноябрь 2022 г. из России выехали 622 915 человек, в том числе 63 868 в Кыргызстан [1, с. 257]. Концепт «социальной мобильности» населения становится очень актуальным особенно в свете происходящих в последние годы в нашем

современном мире событий. Мир меняется, хотим мы этого или нет, так же и человек подвержен изменениям.

Пожалуй, самый интересный вопрос – по какой причине часть российских мигрантов переехала в Кыргызстан. Ответ на поставленный вопрос заключается в проведении Специальной военной операции на территории Украины и последующая мобилизация. Другими причинами эмиграции являются «несогласие с политикой России (2 человека) и семейные мотивы (4 человека)» [1, с. 282].

Подведем итоги. Итак, рецензируемая коллективная монография имеет хорошо продуманную структуру и логически выстроена. Стиль написания работы научный, в основе исследования – специализированная научная как зарубежная, так и отечественная литература, различные нормативно-правовые акты, статистические сборники. Но есть и минусы. По нашему мнению, одним из них является малое количество иллюстрационных материалов, хотя данная работа по своей специфике и степени изложения это предполагает.

В ходе работы были сформулированы важные выводы, полученные в результате использования большого массива экспресс-опросов и интервью с трудовыми мигрантами. К примеру, возможность вторичной миграции в Россию в ближайшей перспективе оценили 22% опрошенных респондентов.

В завершение мы хотели бы выразить благодарить авторскому коллективу настоящей коллективной монографии за проделанную колоссальную и сложную работу, за сбор и обработку эмпирических данных, полученных в ходе проведенных экспресс-опросов и интервью с трудовыми мигрантами.

Мы со всей уверенностью склонны полагать, что выход работы в свет наметил новые пути дальнейшего развития данной тематики, которая, безусловно, привлечет своим вниманием широкий круг специалистов, как теоретической, так и практической направленности.

Список литературы

1. *Осадчая, Г. И.* Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты : [монография] / Г. И. Осадчая, Ш. И. Алиев, М. Л. Варганова [и др.] ; под общей редакцией Г. И. Осадчей ; ФНИСЦ РАН. Москва : Изд-во «Экон-Информ», 2023. 323 с. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). EDN [DBAGTR](https://www.edn.ru/DBAGTR).
2. *Семенова, В. В.* Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация / В. В. Семенова, Е. В. Полухина, Е. Ю. Рождественская, А. В. Стрельникова // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 3. С. 143–164. DOI [10.19181/socjour.2016.22.3.4590](https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.3.4590). EDN [WXDJXT](https://www.edn.ru/WXDJXT).
3. *Рязанцев, С. В.* Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / С. В. Рязанцев, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). EDN [XOJKLU](https://www.edn.ru/XOJKLU).
4. *Письменная, Е. Е.* Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы / Е. Е. Письменная, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9). EDN [ZSYZBJ](https://www.edn.ru/ZSYZBJ).
5. *Ниязалиева, К. Н.* Прогнозное развитие обеспеченности жильем городского населения в условиях экономической трансформации Кыргызской Республики / К. Н. Ниязалиева, А. Б. Асылбаев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 99–115. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.7). EDN [UWMNGP](https://www.edn.ru/UWMNGP).

6. Козин, С. В. Адаптация мигрантов в России в зеркале социологических комплексных исследований / С. В. Козин, Т. П. Жидяева, Р. Р. Закиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 2. С. 148–155. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10). EDN [NAKPGY](https://www.edn.ru/NAKPGY).

7. Юдина, Т. Н. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов / Т. Н. Юдина, Г. И. Осадчая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, №1. С. 215–227. DOI [10.1583/esc.2024.1.91.12](https://doi.org/10.1583/esc.2024.1.91.12). EDN [DKVBWPW](https://www.edn.ru/DKVBWPW).

Сведения об авторах:

Козин Сергей Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социальных технологий, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); РИНЦ SPIN-код: [2261-9753](https://elibrary.ru/2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/D-9529-2019); Scopus Author ID: [59185152600](https://orcid.org/59185152600).

Жидяева Татьяна Павловна, старший преподаватель, кафедра гуманитарных и экономических дисциплин, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Алатырский филиал, Алатырь, Россия.

Контактная информация: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); РИНЦ SPIN-код: [5020-0021](https://elibrary.ru/5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/GVT-2580-2022); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/58681336300);

Закиева Рафина Рафкатовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор, кафедра промышленной электроники, Казанский государственный энергетический университет; директор, Институт цифровых технологий и экономики, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); РИНЦ SPIN-код: [7893-8536](https://elibrary.ru/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Статья поступила в редакцию 18.11.2024; принята в печать 14.01.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION FROM RUSSIA TO KYRGYZSTAN: A SOCIOLOGICAL STUDY

Sergey V. Kozin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: mister.svk92@yandex.ru

Tatiana P. Zhidyaeva

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Alatyr Branch, Alatyr, Russia

E-mail: tanya21_84@mail.ru

Rafina R. Zakieva

Kazan State Energy University; Institute of Digital Technologies and Economics, Kazan, Russia

E-mail: rafina@bk.ru

For citation: Kozin, S. V., Zhidyaeva, T. P., Zakieva, R. R. Migration from Russia to Kyrgyzstan: A Sociological Study. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 193–201. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.12).

Abstract. The article is devoted to the consideration of the key provisions and ideas of the collective monograph "Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects", the publication of which was very timely, since migration is a phenomenon that is becoming increasingly relevant on a global scale every year. In the context of globalization and political changes, migration policy remains a subject of active discussion, both in the academic community and in the media. In turn, these debates often cover a wide range of issues – from the rights of migrants to the economic

consequences of migration. The collective monograph under review uses a large array of express surveys and interviews with labor migrants in 2022-2023. These studies were carried out in the course of the scientific project "Return Migration and Emigration from Russia to Kyrgyzstan" (headed by G. I. Osadchaya). The monograph provides a number of important introductory provisions that set, first of all, the general direction of the work itself. The authors of the monograph analyze theories of return migration and theories of emigration. They pay special attention to the role of social capital, interaction with the host population and the real everyday life that Russian emigrants find themselves in in Kyrgyzstan. In particular, they found that the overwhelming majority of informants, while in the Kyrgyz Republic, maintain stable contacts with their friends and relatives in Russia. They use all kinds of information sources, such as Telegram channels, social networks, YouTube, Twitter or foreign media. According to the results of sociological research, the team of authors claims that the emigration of Russians to Kyrgyzstan is characterized by speed, spontaneity and ease of entry. This is due to the fact that the Kyrgyz Republic does not require visas for citizens of the Russian Federation due to close cultural and economic ties between the two countries, as well as due to the presence of acquaintances or friends and people's love for the city of Bishkek. Among the emigrants, men aged 18 to 42 prevail, which is interpreted as a desire to avoid participation in the military conflict with Ukraine. It was further established that return migration from Russia to Kyrgyzstan is voluntary and spontaneous. From the Russian Federation, labor migrants primarily expect institutional support, which is expressed mainly in the preparation of registration documents, provision of social insurance, creation of favorable conditions for their full adaptation and self-disclosure as an individual. The publication of the scientific monograph under consideration provides a lot of various interesting judgments for further reflection and continuation of work in this vein. It is worth adding that the target audience of such a work is primarily students, graduate students, postgraduates, representatives of science and specialists studying the theory and sociology of migration. In other words, the reviewed monograph will be useful for specialists in the fields of sociology, economics and political science, as well as for anyone interested in issues of emigration and migration processes.

Keywords: demographic policy, demographic and sociological aspects, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Kyrgyzstan, migration, Russia, socio-economic problems

References

1. Osadchaya, G. I., Aliyev, Sh. I., Vartanova, M. L. et al. *Migratsiya iz Rossii v Kyrgyzstan: demograficheskiye i sotsiologicheskiye aspekty* [Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects]: monograph. Ed. by G. I. Osadchaya; FCTAS RAS. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2023. 323 p. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). (In Russ.).
2. Semenova, V. V., Polukhina, E. V., Rozhdestvenskaya, E. Yu., Strelnikov, A. V. Socio-Biographical Approach to Social Mobility: Concept and it's Realization. *Sociological Journal*. 2016. Vol. 22, No. 3. Pp. 143–164. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V., Sydygalieva, B. A. New Trends in Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). (In Russ.).
4. Pismennaya, E. E., Sydygalieva, B. A. Educational Migration in Kyrgyzstan: Trends and Prospects. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9). (In Russ.).
5. Niiazalieva, K. N., Assylbayev, A. B. Forecast development of housing provision for the urban population in the context of economic transformation of the Kyrgyz Republic. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 99–115. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.7). (In Russ.).
6. Kozin, S. V., Zhidyayeva, T. P., Zakieva, R. R. Adaptation of Migrants in Russia in the Mirror of Comprehensive Sociological Research. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 2. Pp. 148–155. DOI [10.19181/demis.2024.4.2.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.2.10). (In Russ.).
7. Yudina, T. N., Osadchaya, G. I. Sociological assessment of the success of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024. Vol. 17, No. 1. Pp. 215–227. DOI: [10.15838/esc.2024.1.91.12](https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.12). (In Russ.).

Bio notes:

Sergey V. Kozin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: mister.svk92@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-8398-8805](https://orcid.org/0000-0002-8398-8805); RSCI SPIN code: [2261-9753](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?eid=2261-9753); Web of Science Researcher ID: [D-9529-2019](https://orcid.org/D-9529-2019); Scopus Author ID: [59185152600](https://orcid.org/59185152600).

Tatiana P. Zhidyayeva, Senior Lecturer, Department for Humanities and Economics, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Alatyr Branch, Alatyr, Russia.

Contact information: e-mail: tanya21_84@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8238-193X](https://orcid.org/0000-0002-8238-193X); RSCI SPIN code: [5020-0021](https://www.scopus.com/authid/detail/authid?eid=5020-0021); Web of Science Researcher ID: [GVT-2580-2022](https://orcid.org/GVT-2580-2022); Scopus Author ID: [58681336300](https://orcid.org/58681336300).

Rafina R. Zakieva, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Professor, Department for Industrial Electronics, Kazan State Energy University; Director, Institute of Digital Technologies and Economics, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: rafina@bk.ru; ORCID ID: [0000-0001-9513-7672](https://orcid.org/0000-0001-9513-7672); RSCI SPIN code: [7893-8536](https://www.rsci.spin.ru/7893-8536); Web of Science Researcher ID: [T-2047-2019](https://orcid.org/T-2047-2019); Scopus Author ID: [57205611148](https://orcid.org/57205611148).

Received on 18.11.2024; accepted for publication on 14.01.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2025.5.1.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.13)

EDN [NQJZWY](https://edn.nqjzwy)

«СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ»: МНОГОМЕРНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: evgeniyatoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Моисеева, Е. М. «Социолого-демографические очерки»: многомерность демографических процессов в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 45, № 1. С. 202–207. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.13). EDN [NQJZWY](https://edn.nqjzwy).

Аннотация. Представлен краткий обзор основных положений монографии А. Г. Злотникова «Социолого-демографические очерки». Анализируемые автором проблемы демонстрируют всю сложность и многогранность демографических процессов в современном мире, их связь с экономическим развитием, политической обстановкой, состоянием окружающей среды, этническими особенностями общества, разнородными объективными и субъективными явлениями в его жизни, а также национальной безопасностью государств. Ученый использует социологическую методологию для исследования демографических процессов, обосновывает необходимость анализа взаимосвязи между проблемами народонаселения и различными аспектами общественной жизни. Материалы, представленные в монографии, характеризуют все основные компоненты демографического развития Республики Беларусь на современном этапе. Сложившуюся ситуацию автор определяет как новый виток депопуляции и выявляет факторы, приведшие к его формированию, отмечая, что далеко не все они напрямую связаны с демографическими процессами. Предлагает возможные пути преодоления возникших негативных тенденций, выявляет основные сложности в реализации государственной демографической политики. Монография может быть полезна ученым, преподавателям вузов, государственным служащим, студентам и всем, кто интересуется актуальными вопросами демографии.

Ключевые слова: социологический подход, демографическое развитие, депопуляция, рождаемость, смертность, миграция, демографическая политика, переписи населения, Беларусь

«Социолого-демографические очерки» – под таким названием в конце 2024 г. вышла в свет монография [1] постоянного автора журнала «ДЕМИС. Демографические исследования» белорусского демографа А. Г. Злотникова¹. Его статьи «Депопуляция и ограничения статистической информации в Республике Беларусь» [2], «Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси» [3] и «Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19» [4] были опубликованы на страницах «ДЕМИСа». Монография включает в том числе материалы вышеназванных работ и ряда других исследований ученого, отдельные результаты которых ранее были представлены в ведущих научных изданиях России [2–7], Беларуси [8–16] и Украины [17].

Монография охватывает весь спектр демографических процессов в Республике Беларусь. Особенность работы состоит в том, что она представляет

¹ Анатолий Геннадьевич Злотников (род. 16.05.1944) – белорусский демограф и социолог, кандидат экономических наук, доцент, профессор, кафедра права и экономических теорий, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Беларусь.

социологический срез демографической динамики суверенного периода развития страны. В монографии, наряду с сугубо демографической тематикой (репродуктивное поведение, миграция, трудовая миграция, продолжительность жизни), изложен анализ проблем прикладной, экономической, региональной и этнической социологии, а также социологических аспектов ряда концепций лауреатов Нобелевской премии по экономике. В работе отражены проблемы современной белорусской демографической науки и демографической политики.

Автор опирается на методологические подходы Огюста Конта и Гуннара Мюрдаля. О. Конт считал, что демография – это и есть социология. Г. Мюрдаль исходил из понимания, что только социология исследует многомерное взаимодействие совокупности общественных отношений [1, с. 9–15]. В основе работы лежат также классические социолого-демографические концепции – теории демографического перехода и человеческого капитала.

В главах 2–8 рассматриваются проблемы воспроизводства населения и прежде всего состояние репродуктивных процессов в Республике Беларусь. На основе их анализа отмечается, что демографические проблемы страны на современном этапе имеют тенденцию к обострению, поскольку сложился новый виток депопуляции, что создает угрозу национальной безопасности страны. Автор акцентирует внимание на взаимодействии объективных и субъективных факторов депопуляционных процессов. Исходя из особой роли субъективного фактора, им обосновывается необходимость активной демографической политики государства. Подчеркивается, что с середины второго десятилетия XXI века социально-демографическая политика Беларуси перестала быть системной и подчинена ведомственным интересам.

В монографии изложены авторские концепции экстранальных и интрональных факторов (глава 5); социально-экономической и социальной обусловленности демографических процессов; соответствия (связи) социально-трудовых отношений и демографических процессов (глава 6); объективных и субъективных составляющих демографических процессов (глава 8). Определены факторы депопуляционной «демографической спирали» Республики Беларусь последних лет, порожденные неудачной финансовой реформой пенсионного законодательства, основанной на замене трудового стажа на страховой стаж (главы 4 и 7).

Автором сформулировано положение о проведении демографической политики, направленной на формирование престижности семейных ценностей, ориентированных на стимулирование среднететных и многодетных репродуктивных установок. В частности, в свете задач активизации пронаталистской демографической политики и нейтрализации последствий демографического спада заслуживает внимания положение о зависимости и размера пенсий женщин от числа рожденных ими детей. Данное положение А. Г. Злотников обосновывает тем, что пенсионное обеспечение граждан в таком случае будет гарантировано «произведенным» ими демографическим и трудовым потенциалом общества, благодаря которому продолжится производство продукта и пополнение социального фонда. По мнению ученого, более высокий размер пенсии должен иметь тот, чей вклад в такой потенциал больше.

Пять из четырнадцати глав монографии посвящены миграционным процессам в Беларуси. В них обосновывается возрастающая роль миграции в демографическом развитии страны и необходимость разработки национальной миграционной политики. По мнению автора монографии, миграционный отток в значительной степени предопределил устойчивую тенденцию к сокращению численности населения, которую Республика демонстрирует с 1994 г.

Анализируя современную демографическую политику государства, А. Г. Злотников показывает, что всевозможные меры направлены на повышение рождаемости. Данная проблема определяет и характер мероприятий, проводимых и в рамках социальной политики в целом. Однако рост рождаемости неспособен компенсировать потери, которые Беларусь несет вследствие миграции, причем отток населения только увеличивается, что, на взгляд автора, выдвигает проблему миграции на первый план в демографической политике государства. Обеспечение поворота в миграционном движении, возвращение населения в страну должны стать главным направлением действий по преодолению депопуляции наравне с достижением воспроизводства населения как минимум близкого к простому.

Также в работе приведен обзор различных методологических и методических подходов к определению сальдо миграции. На основе данных переписей населения Беларуси автор проводит расчеты, которые показывают, что число выбывших превышает число прибывших на территорию Республики, хотя неполные данные текущего учета органов внутренних дел дают положительное сальдо.

Кроме того, анализируются масштабы и тенденции белорусской трудовой миграции в Россию. Дается характеристика региональных направлений белорусско-российской миграции и последствий трудовой миграции для экономики и демографического развития Республики Беларусь и Российской Федерации. Здесь, по мнению автора, национальные интересы двух стран не совпадают.

Представленное в монографии исследование имеет и прикладные аспекты. В частности, дана характеристика трансформации миграционных ориентаций молодого поколения граждан Беларуси, выросших в новых политических и социально-экономических реалиях. Выявлены разноплановые и противоречивые последствия миграции для демографического, экономического, социального развития страны и Союзного государства России и Беларуси.

Монография «Социолого-демографические очерки» размещена в открытом доступе на сайте Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации².

Список литературы

1. Злотников, А. Г. Социолого-демографические очерки : монография / А. Г. Злотников ; Белкоопсоюз, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации. Гомель : БТЭУ, 2024. 236 с. ISBN 978-985-540-662-5.
2. Злотников, А. Г. Депопуляция и ограничения демографической статистики в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 167–181. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11). EDN [WGXXZK](https://www.edn.by/edn/article/WGXXZK).

² Социолого-демографические очерки // Электронная библиотека Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации : [сайт]. URL: <http://lib.i-bteu.by/handle/22092014/6439> (дата обращения: 21.01.2025).

3. Злотников, А. Г. Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 3. С. 71–88. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.6). EDN [PLPMOX](#).
4. Злотников, А. Г. Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 2. С. 28–46. DOI [10.19181/demis.2021.1.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2). EDN [DLBESG](#).
5. Злотников, А. Г. Миграция в демографических процессах Беларуси // Народонаселение. 2016. № 1-1(71-1). С. 64–74. EDN [VWEUHP](#).
6. Злотников, А. Г. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2018. Т. 26, № 3. С. 347–359. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359). EDN [YSQSUP](#).
7. Злотников, А. Г. Миграция в формировании белорусского этноса // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : Сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 493–509. DOI [10.17059/udf-2024-5-5](https://doi.org/10.17059/udf-2024-5-5). EDN [GFLAHR](#).
8. Злотников, А. Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 91–97. EDN [YRXBBZ](#).
9. Злотников, А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 59–68. EDN [YRXANV](#).
10. Злотников, А. Г. Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики // Социология. 2014. № 2. С. 70–84. EDN [UNUBKZ](#).
11. Злотников, А. Г. Социологические основы исследования белорусской истории // Потребительская кооперация. 2024. № 1. С. 53–59. EDN [RNPUSD](#).
12. Злотников, А. Г. Что показывают первые итоги переписи населения Беларуси // Наука и инновации. 2020. № 4(206). С. 52–57. EDN [NBURTK](#).
13. Злотников, А. Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). EDN [DQLCJX](#).
14. Злотников, А. Г. Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 1. С. 14–20. EDN [VXGLYD](#).
15. Злотников, А. Г. Внутренняя миграция в демографических процессах регионов Беларуси / А. Г. Злотников, Е. Е. Нилова // Потребительская кооперация. 2022. № 2(77). С. 41–48. EDN [IGBXIE](#).
16. Злотников, А. Г. Миграция и «лингвистическая аномальность» // Экономико-правовые перспективы развития общества, государства и потребительской кооперации : Сборник научных статей IV международной научно-практической интернет-конференции, Гомель, 31 марта 2023 года / Редколлегия: С. Н. Лебедева [и др.], под научной редакцией Ж.Ч. Коноваловой. Гомель : Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2023. С. 54–57. EDN [JIQNAU](#).
17. Злотников, А. Г. Социологическое видение современных проблем демографической теории // Демографія та соціальна економіка. 2014. № 2(22). С. 112–123. EDN [TKLRGL](#).

Сведения об авторе:

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); ПИНЦ SPIN-код: [6995-4829](#); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](#); Scopus Author ID: [57214717819](#).

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; принята в печать 13.02.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

“SOCIO-DEMOGRAPHIC ESSAYS”: MULTIDIMENSIONALITY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Moiseeva, E. M. “Socio-Demographic Essays”: Multidimensionality of Demographic Processes in the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2025. Vol. 5, No. 1. Pp. 202–207. DOI [10.19181/demis.2025.5.1.13](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.13).

Abstract. The article presents a brief overview of the main provisions of the monograph by A. G. Zlotnikov “Socio-Demographic Essays”. The problems analyzed by the author demonstrate the complexity and versatility of demographic processes in contemporary conditions, their connection with economic development, political situation, state of the environment, ethnic characteristics of society, diverse objective and subjective phenomena, as well as national security of states. The author uses sociological methodology to study demographic processes, substantiates the need to analyze the relationship between population problems and various aspects of public life. The materials presented in the monograph characterize all the main components of the demographic development of the Republic of Belarus at the present stage. The author defines the current situation as a new round of depopulation and identifies the factors that led to its formation, noting that not all of them are associated with demographic processes. Possible ways to overcome the current negative trends are proposed, the main difficulties in the implementation of the state demographic policy are identified. The monograph may be of interest to scientists, university professors, civil servants, students and anyone interested in current demographic issues.

Keywords: sociological approach, demographic development, depopulation, birth rate, mortality, migration, demographic policy, population censuses, Belarus

References

1. Zlotnikov, A. G. *Sotsiologo-demograficheskiye ocherki [Socio-demographic essays]* : monograph / A. G. Zlotnikov ; Belkoopsoyuz , elarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation. Gomel : BTEU, 2024. 236 p. ISBN 978-985-540-662-5. (In Russ.).
2. Zlotnikov, A. G. Depopulation and Limitations of Demographic Statistics in the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 167–181. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11). (In Russ.).
3. Zlotnikov, A. G. Reproductive Processes and Reproductive Installations in Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 3. Pp. 71–88. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.6). (In Russ.).
4. Zlotnikov, A. G. Mortality in Belarus During the Covid-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 2. Pp. 28–46. DOI [10.19181/demis.2021.1.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2). (In Russ.).
5. Zlotnikov, A. G. Migration in Demographical Processes of Belarus. *Population*. 2016. No. 1-1(71-1). Pp. 64–74. (In Russ.).
6. Zlotnikov, A. G. From Misconceptions of the “Financial Diet” to the Misconceptions of the “Decoding” of Belarus. *RUDN Journal of Economics*. 2018. Vol. 26, No. 3. Pp. 347–359. DOI [10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-347-359). (In Russ.).
7. Zlotnikov, A. G. Migration in the Formation of the Belarusian Ethnic Group. In: *Ustoychivost’ demograficheskogo razvitiya: determinanty i resursy [Sustainability of demographic development: determinants and resources]* : Collection of scientific articles. Ekaterinburg Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 493–509. DOI [10.17059/udf-2024-5-5](https://doi.org/10.17059/udf-2024-5-5). (In Russ.).
8. Zlotnikov, A. G. Balance of Migration in Belarus: Positive or Negative? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017. No. 1. Pp. 91–97. (In Russ.).
9. Zlotnikov, A. G. Expertise of the Modern Reproductive Situation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017. No. 3. Pp. 59–68. (In Russ.).

10. Zlotnikov, A. G. Ekstranal'nost' i intronal'nost' sovremennoy belorusskoy demograficheskoy politiki [Extranality and intronality of today's Belarusian demographic policy]. *Sociology*. 2014. No. 2. Pp. 70–84. (In Russ.).
11. Zlotnikov, A. G. Sociological Bases for the Study of Belarusian History. *Consumer Cooperation*. 2024. No. 1. Pp. 53–59. (In Russ.).
12. Zlotnikov, A. G. What The First Results of the Census in Belarus Show. *Science and Innovations*. 2020. No. 4(206). Pp. 52–57. (In Russ.).
13. Zlotnikov, A. G. The Origins of a New Round of Depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). (In Russ.).
14. Zlotnikov, A. G. Objective and Subjective Factors of Demographic Development of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024. No. 1. Pp. 14–20. (In Russ.).
15. Zlotnikov, A. G., Nilova, E. E. Internal Migration in the Demographic Processes of the Regions of Belarus. *Consumer Cooperation*. 2022. No. 2(77). Pp. 41–48. (In Russ.).
16. Zlotnikov, A. G. Migration and “Linguistic Anomaly”. In: *Ekonomiko-pravovyye perspektivy razvitiya obshchestva, gosudarstva i potrebitel'skoy kooperatsii [Economic and legal prospects for the development of society, the state and consumer cooperation]* : Collection of scientific articles of the IV International scientific and practical online conference, Gomel, March 31, 2023 / Editorial board: S. N. Lebedeva [et al.], sci. ed. by of Zh. Ch. Konovalova. Gomel : Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation, 2023. Pp. 54–57. (In Russ.).
17. Zlotnikov, A. G. Sociological Vision of Contemporary Problems of Demographical Theory. *Demography and Social Economy*. 2014. No. 2(22). Pp. 112–123. (In Russ.).

Bio note

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI SPIN code: [6995-4829](https://elibrary.ru/6995-4829); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Received on 20.12.2024; accepted for publication on 13.02.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
Перечень ВАК (категория K2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.
Авторы несут ответственность за достоверность предоставленного материала.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2025. Том 5, № 1. Дата выхода в свет: 31.03.2025.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2025. ТОМ 5. № 1

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru